

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023

№ 22

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
КРИМИНАЛИСТИКА
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
РЕЦЕНЗИИ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Сибирского федерального университета (г. Красноярск); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Деряшев Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прокументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редакторы: К.Г. Шилько, А.А. Цыганкова; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелюор; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 13.12.2023 г. Формат 60x80¹/₈. Печ. л. 20. Усл.-печ. л. 18,6. Тираж 500 экз. Заказ № 5719. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.12.2023 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Косолапова Е.Н. Проблемы правового регулирования правомерности действий при реализации права на необходимую оборону и крайнюю необходимость при защите жилища от незаконного проникновения (ст. 139 УК РФ)	5
Ковалев Н.С. Реализация принципа равенства перед законом в институте отсрочки отбывания уголовного наказания	10
Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. Преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты	15
Простосердов М.А. О различных подходах к определению понятия «санкция» в науке уголовного права России	23
Скорородова А.С. Условное осуждение несовершеннолетних: вопросы правоприменения	28
Титов В.И. Уголовный проступок в российском уголовном праве: проблемы введения и правоприменения	35

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Даниловская А.В. Процессуальные и организационные аспекты уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции	42
Деришев Ю.В., Голошубин П.М. О правовой природе доследственного производства и релевантности непроцессуальной информации в определении оснований для возбуждения уголовного дела	49
Морозова А.С. Отвод адвоката защитника как механизм реализации стратегии защиты прав и свобод обвиняемого и подозреваемого	55

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Бобрешова К.В. О способах повышения уровня координации действий следственных органов и оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе взаимодействия по пенитенциарным преступлениям	60
Головастова Ю.А., Гордополов А.Н. Перспективы развития института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы: быть или не быть – вот в чем вопрос	64
Каретников К.В. Воспитательная колония как субъект профилактики групповых правонарушений осужденных: ретроспективный анализ	72
Паканич С.И. К вопросу о противодействии коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	77
Уваров О.Н. К вопросу о целях уголовного наказания	81
Филиппьев Р.А., Рахманкин Е.А. Роль инженерно-технических средств охраны и надзора в предупреждении и пресечении побегов осужденных из мест лишения свободы	85
Царева Е.А. Понятие и виды пробации	91

КРИМИНОЛОГИЯ

Обернихина О.В. «Расстройство сексуального предпочтения» (и) или «педофилия»: современное состояние, проблемы профилактики	95
Княшко К.С. Особенности криминологической характеристики личности осужденного – члена экстремистского движения «А.У.Е»	100

КРИМИНАЛИСТИКА

Князьков А.С., Овсянников В.В. Проблемы обеспечения криминалистической деятельности в контексте следственного розыска лица по признакам внешнего облика	104
--	-----

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Тарасов Н.Е. Некоторые вопросы прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности	116
--	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Бабаев Р.Г.-о. Становление и развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности	120
Трефилов А.А. Принуждение в уголовном процессе Германии, Швейцарии и Австрии: общие положения	125
Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Искусственный интеллект в противодействии преступности: международно-правовой аспект	138
Агабекян А.Л. Особенности развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства на постсоветском пространстве	143

РЕЦЕНЗИИ

Азаров В.А., Таричко И.Ю. Рецензия на монографию Л.В. Головки «Государство и его уголовное судопроизводство»	148
---	-----

CONTENTS

CRIMINAL LAW

Kosolapova E.N. Problems of legal regulation of actions in the implementation of the right to private defence and extreme necessity in protecting from illegal home intrusion (Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation)	5
Kovalev, N.S. The implementation of the principle of equality before the law in deferral of serving a criminal punishment	10
Pisarevskaya E.A., Dvorzhitskaya M.A. Crimes under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Legal, procedural, and criminological aspects	15
Prostoserdov M.A. On different approaches to the definition of sanctions in the criminal law of Russia	23
Skorokhodova A.S. Probation for minors: Issues of law enforcement	28
Titov V.I. Misdemeanor in Russian criminal law: Problems of introduction and enforcement	35

CRIMINAL PROCEDURE

Danilovskaya A.V. Procedural and organizational aspects of criminal policy in protection of bona fide competition	42
Derishev Yu.V., Goloshubin, P.M. On the legal nature of the pre-investigation check and the relevance of non-procedural information in determining the grounds for initiating a criminal case	49
Morozova A.S. Challenging the defence lawyer as a mechanism of the strategy for protecting the rights and freedoms of the accused and suspected	55

PENAL LAW

Bobreshova K.V. On ways to improve coordination between investigating bodies and operational agents of the penitentiary system in the course of interaction on penitential crimes	60
Golovastova Yu.A., Gordopolov A.N. Prospects for the development of the institution of disciplinary liability of persons sentenced to imprisonment: To be, or not to be, that is the question	64
Karetnikov K.V. Educative colony as a subject of convicts' group offense prevention: A retrospective analysis	72
Pakanich S.I. On combating corruption in the penal system of the Russian Federation	77
Uvarov O.N. On the purposes of criminal punishment	81
Filipiev R.A., Rakhmankin E.A. The role of engineering and technical tools of security and supervision in preventing and suppressing convicts' escapes from places of deprivation of liberty	85
Tsareva E.A. Concept and types of probation	91

CRIMINOLOGY

Obernikhina O.V. "Sexual preference disorder" (and) or "pedophilia": Current state, prevention issues	95
Kiyashko K.S. Features of a criminological description of the personality of a convict who is a member of the AUE extremist movement	100

FORENSIC SCIENCE

Knyazkov A.S., Ovsyannikov V.V. Problems of supporting criminalistic activities in the context of the investigative search for a person based on appearance	104
--	-----

PROSECUTOR SUPERVISION

Tarasov N.E. Some issues of prosecutor's supervision over the legality of operational search activities	116
--	-----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Babaev R.G. Formation and development of international cooperation in the fight against conventional crimes infringing on personal freedom	120
Trefilov A.A. Coercion in the criminal procedure of Germany, Switzerland, and Austria: General provisions	125
Chukanova E.S., Babchenko A.I. Artificial intelligence in countering crime: An international legal aspect	138
Agabekyan A.L. Features of the development of criminal and penal legislation in the post-Soviet space	143

REVIEWS

Azarov V.A., Tarichko I.Yu. Book review: Golovko, L.V. <i>The State and Its Criminal Proceedings</i>	148
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.711.3

doi: 10.17223/23088451/22/1

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ДЕЙСТВИЙ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ И КРАЙНЮЮ НЕОБХОДИМОСТЬ
ПРИ ЗАЩИТЕ ЖИЛИЩА ОТ НЕЗАКОННОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ (ст. 139 УК РФ)**

Екатерина Николаевна Косолапова¹

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, cat.cat93@yandex.ru*

Аннотация. Защита жилища от противоправных действий третьих лиц является конституционным правом человека. При реализации права на необходимую оборону необходимо оценивать допустимый предел ответных действий. Крайняя необходимость предусматривает использование любых подручных средств в качестве обороны, когда жизнь и здоровье человека находятся под угрозой. В таких случаях законодателю и Верховному суду Российской Федерации необходимо проработать вопрос освобождения от уголовной ответственности лиц, защищающих жилище от противоправных посягательств третьих лиц.

Ключевые слова: уголовное право, жилище, защита частной собственности, оборона, крайняя необходимость, противоправные действия, преступление, реформы уголовного законодательства

Для цитирования: Косолапова Е.Н. Проблемы правового регулирования правомерности действий при реализации права на необходимую оборону и крайнюю необходимость при защите жилища от незаконного проникновения (ст. 139 УК РФ) // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 5–9. doi: 10.17223/23088451/22/1

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/1

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ACTIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT
TO PRIVATE DEFENCE AND EXTREME NECESSITY IN PROTECTING FROM ILLEGAL
HOME INTRUSION (ARTICLE 139 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Ekaterina N. Kosolapova¹

¹ *Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russian Federation, cat.cat93@yandex.ru*

Abstract. The Criminal Code of the Russian Federation needs to specify the provisions under which a law-abiding person living in a residential building is exempt from criminal liability in the event of illegal intrusion. These provisions should include: a threat to the life and health of residents; blackmail (for instance, by taking hostages) and demands on residents; refusal to leave the house at the demand of the residents; armed intrusion into a residential area, including the use of items that can cause damage to the life and health of residents; the use of physical or moral pressure on the residents; exposure of the life and health of residents to risk (through fire, spraying toxic substances, etc.). This list of grounds for exemption from criminal liability is not exhaustive and will be supplemented by the legislator depending on changing conditions and circumstances. Although in the Russian Federation the share of crimes involving violation of home inviolability, private defence, and extreme necessity is not significant in the total mass of cases, however, there are very few acquittals among them. In most cases, such protective measures as private defence and extreme necessity are regarded by the courts as the excess of private defence, followed by actual confinement. The proposed measures to improve criminal punishment will allow a person living in a home to implement all acceptable methods of protecting the inviolability of the home, without fear of being assigned a real prison term for these actions.

Keywords: criminal law, housing, protection of private property, defence, extreme necessity, illegal actions, crime, criminal law reforms

For citation: Kosolapova, E.N. (2023) Problems of legal regulation of actions in the implementation of the right to private defence and extreme necessity in protecting from illegal home intrusion (Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 5–9. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/1

Защита прав на жилище является неотчуждаемым правом человека, предоставленным с рождения [1]. Данная категория прав относится к личным неимущественным правам.

Целью статьи является анализ проблемы правового регулирования правомерности действий при реализации

права на необходимую оборону и крайнюю необходимость при защите жилища от незаконного проникновения (ст. 139 УК РФ).

Первое упоминание о защите личных неимущественных прав было закреплено в своде законов Российской империи, датированном 1857 г. [2]. В Почтовом уставе

вышеуказанного свода было закреплено понятие и механизм правового регулирования при реализации тайны корреспонденции.

С принятием Конституции РФ 1993 г. граждане вправе были иметь жилье в частной собственности, а первоочередной задачей государства стала защита прав и законных интересов граждан, в том числе и защита жилища от противоправных посягательств [3].

Ст. 35 Конституции РФ гарантирует человеку и гражданину право на частную собственность. Никто не может быть лишен своего жилища, иначе, как по решению суда.

Охранительные механизмы защиты жилища от противоправных действий закреплены в таких законодательных актах, как Конституция РФ, УК РФ, ФЗ «О полиции» и т.д. [4].

Конституционное право на защиту жилища позволяет проживающим лицам в случае посягательств на их имущество, жизнь и здоровье применять все имеющиеся способы самозащиты.

Вышеуказанные права позволяют проживающим в жилище исключить такие последствия, как причинение вреда жизни и здоровью проживающих, кража, грабеж, вымогательство, изнасилование и т.д.

Законодательное регулирование прав на необходимую оборону и крайнюю необходимость закреплено в УК РФ [5].

Под необходимой обороной понимается право человека на самозащиту от совершения против него преступного посягательства.

Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости [6].

Согласно ст. 39 УК РФ причинение вреда противоправным лицам в состоянии крайней необходимости не является преступлением, поскольку в данном случае под угрозой находятся преимущественно жизнь и здоровье человека. В состоянии крайней необходимости возникает выбор между сохранением жизни и здоровья одного человека в ущерб другому (противоправному лицу) [7].

К примеру, в ночное время суток злоумышленник проник в жилище путем взлома дверного замка, при этом у противоправного лица в руке имелся нож.

Собственник квартиры, услышав шаги и выйдя в коридор, заметил злоумышленника с ножом в руке на близком расстоянии, выстрелил в него, опасаясь за себя и членов семьи. В данном случае действия собственника квартиры необходимо квалифицировать как крайнюю необходимость, поскольку в ночное время суток человек, находясь в жилище и увидев злоумышленника, не имел возможности на предотвращение преступления иным путем, в связи с чем возник высокий риск причинения вреда всем проживающим в квартире.

В правоприменительной практике по рассмотрению уголовных дел большое внимание уделяется

превышению допустимых пределов защиты при реализации крайней необходимости. В качестве примера приведем ситуацию, когда угрозу жизни и здоровью человека возможно было устранить иными средствами, не причиняя ущерб злоумышленнику. К примеру, злоумышленник, физически крепкий, проникнув в квартиру с целью совершения грабежа, увидел собственника, который не обладает достаточными физическими данными, чтобы справиться с противоправным лицом. В свою очередь, собственник, вооружившись кухонным ножом, нанес несколько ударов по телу злоумышленника, когда последний хотел причинить ущерб жизни и здоровью собственнику жилища.

В вышеуказанном случае суд расценит ситуацию как превышение пределов защиты при реализации права на крайнюю необходимость, поскольку злоумышленник не был вооружен, в отличие от собственника помещения. Крайне редко учитываются различные физические данные между злоумышленником и проживающими в жилище. Внимание уделяется только явным признакам, таким как применение средств защиты при нападении на ребенка, подростка, женщину или пожилого человека. В таком случае применение оружия в качестве обороны будет оправдано.

Необходимо усилить институт защиты частной собственности, исключив меры уголовного наказания при защите жилища и членов семьи при проникновении противоправного лица, при этом допустив использование проживающими всех имеющихся средств для предотвращения преступления.

Исключительными необходимо признать случаи, когда проживающие сами пригласили лицо в квартиру либо состоят с ними в каких-либо отношениях, при этом воспользовались ситуацией в корыстных целях [8].

Конкретизируя реализацию права человека на необходимую оборону и крайнюю необходимость при проникновении в жилище, необходимо обратить внимание на Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [9].

Жильцы имеют право на необходимую оборону при незаконных попытках войти в их жилище, даже если это не сопровождается насилием или угрозой его применения. Это разъяснил Пленум Верховного суда России, дополнив свое постановление от 2012 г. о порядке применения законодательства о необходимой обороне.

Пленум пояснил, что защита от посягательств, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако, с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда, может касаться не только уничтожения или повреждения чужого имущества, но и случаев незаконного проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Такие действия правомерны, если не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Верховный суд РФ также уточнил положение о том, что состояние необходимой обороны возникает до момента начала преступного посягательства при наличии его реальной угрозы [10].

Также суд разъяснил, что состояние необходимой обороны может иметь место и в случаях, когда защита была осуществлена при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии реальной угрозы совершения общественно опасного посягательства, а действия оборонявшегося лица непосредственно предшествовали такому посягательству и были направлены на его предотвращение. Например, при высказывании угроз немедленного применения насилия в условиях, при которых у оборонявшегося имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, или когда в сторону оборонявшегося было направлено оружие, что свидетельствовало о намерении применить это оружие непосредственно на месте конфликта. Лицо, спровоцировавшее нападение для совершения ответных противоправных действий, не признается находившимся в состоянии необходимой обороны. Обвиняемый в превышении пределов необходимой обороны не должен доказывать свою невиновность в суде. При проверке доводов подсудимого о совершении общественно опасного деяния в состоянии необходимой обороны суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности, в том числе учитывать, что подсудимый не обязан доказывать свою невиновность или наличие в его действиях признаков менее тяжкого преступления. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых обвиняемым в свою защиту, лежит на стороне обвинения, а все сомнения в виновности лица, обвиняемого в превышении пределов необходимой обороны, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу подсудимого.

Анализируя вышесказанное, необходимо отметить, что обобщение судебной практики Верховным судом РФ по необходимой обороне и крайней необходимости не является гарантом при реализации человеком прав по охране жилища от противоправных лиц.

Поскольку в РФ в основе любого судебного акта главенствующую роль занимает закон (романо-германская система), а не прецедент (англо-саксонская система), то необходимо вносить изменения в действующий УК РФ.

Так, в УК РФ необходимо конкретизировать положение, когда законопослушное лицо, проживающее в жилом помещении, освобождается от мер уголовного воздействия в случае проникновения в жилище противоправных лиц [6].

К таким положениям необходимо отнести:

- создание угрозы жизни и здоровью проживающих лиц;
- шантаж (к примеру, путем захвата заложников) и требования в отношении проживающих лиц;
- отказ покинуть жилище по требованию проживающих лиц;
- вооруженное проникновение в жилое помещение, в том числе использование предметов, способных нанести ущерб жизни и здоровью проживающих лиц;
- применение физического или морального воздействия на проживающих лиц;

– создание противоправными лицами условий, при которых жизнь и здоровье проживающих лиц находится под угрозой (пожар, распыление токсичных веществ и т.д.).

Вышеуказанный перечень оснований для освобождения от уголовной ответственности в отношении лиц, реализовавших меры защиты от противоправных действий злоумышленников при проникновении в их жилище, не является исчерпывающим и будет дополняться законодателем в зависимости от меняющихся условий и обстоятельств.

Необходимо отметить тот факт, что количество оправдательных приговоров в РФ составляет около 0,2% от общего количества, т.е. лишь 1 из 500 подсудимых оправдан. Хотя доля преступлений в РФ по нарушению неприкосновенности жилища, необходимой обороне и крайней необходимости не является существенной в общей массе дел, однако оправдательных приговоров по данным категориям крайне мало.

В большинстве случаев такие меры защиты, как необходимая оборона и крайняя необходимость, расцениваются судами как превышение допущенных пределов, в связи с чем назначаются реальные сроки наказания [11].

Предлагаемые меры по совершенствованию уголовного наказания позволят человеку, проживающему в жилище, реализовать все допустимые методы защиты неприкосновенности жилища, не опасаясь назначения за данные действия реального срока тюремного заключения.

Одновременно с вышеизложенным при реализации права на необходимую оборону и крайнюю необходимость необходимо учитывать следующие критерии:

- знакомо ли противоправное лицо с проживающими;
- в каких отношениях состоят противоправное лицо с проживающими;
- состояние физической подготовки противоправного лица;
- наличие явных психических расстройств, при которых противоправное лицо может не осознавать последствий своих действий;
- наличие или отсутствие у противоправного лица прямого или косвенного умысла.

Таким образом, для реализации прав человека на необходимую оборону и крайнюю необходимость при проникновении в жилище необходимо на законодательном уровне пересмотреть и внести изменения в соответствующие разделы УК РФ. Чтобы не вносить существенные изменения в вышеуказанные разделы, достаточно выделить примечание к статье с подробными разъяснениями.

Необходимо резюмировать, что в РФ в основу любого судебного акта положен закон, а не прецедент. Разъяснения Верховного суда РФ лишь дают указания как применять закон в том или ином случае, однако каждый рассматриваемый судами случай является уникальным, что, в свою очередь, затрудняет применение обобщенной судебной практики по аналогичным категориям дел [12].

Также необходимо отметить, что судебная система РФ является перегруженной и на одного судью может

приходится рассмотрение до 30 дел в день. При таких объемах суд не может детально изучить дело и полагается на доказательства, собранные сторонами защиты и обвинения [13]. Вышеуказанным сторонам необходимо детально изучать дело и все обстоятельства, при которых проживающий применил средства необходимой обороны и крайней необходимости. На этапе досудебного расследования следователю необходимо учитывать не только обвинительные факторы в отношении

подсудимого, но и смягчающие обстоятельства, такие как место совершения преступления, мотивы и предпосылки к необходимой обороне.

Таким образом, реформы в сфере необходимой обороны и крайней необходимости при проникновении в жилище противоправных лиц помогут увеличить количество оправдательных приговоров в отношении обороняющихся лиц и снизить количество преступлений в отношении частной собственности.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: новая редакция. М. : Проспект, 2021. 120 с.
2. Свод законов Российской империи. Том двенадцатый. Часть I: Уставы путей сообщения, почтовый, телеграфический, строительный, и пожарный (ред. от 31.03.2020). URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/388218/> (дата обращения: 08.12.2023).
3. Баринов С.В. Обстоятельства, подлежащие установлению по делам о преступных нарушениях неприкосновенности частной жизни // Российский следователь. 2017. № 10. С. 7–10.
4. Федеральный закон «О полиции» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 05.12.2023).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Уголовное право России. Общая часть : учебник для бакалавров / под ред. Т.В. Непомнящей, М.С. Гринберга. М. : Проспект, 2020. 448 с.
7. Российское уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Г.А. Есаковой. М. : Проспект, 2020. 400 с.
8. Свечков В.В. Курс уголовного права. Общая часть : учебник (комплект из 2 книг) / под ред. В.Т. Томина. М. : Юрайт, 2019. 854 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 01.12.2023).
10. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
11. Уголовное право Российской Федерации. Практикум. Особенная часть / под ред. А.И. Рарог. М. : Проспект, 2018. 338 с.
12. Капинус О.С. Уголовное право России. Особенная часть : в 2 т. Т. 2 : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2017. 504 с.
13. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений. Вопросы теории и практики. М. : Проспект, 2020. 118 с.

References

1. Russian Federation. (2021) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: novaya redaktsiya* [The Constitution of the Russian Federation: A new edition]. Moscow: Prospekt.
2. Russia. (n.d.) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. 12(1). [Online] Available from: <https://runivers.ru/lib/book7372/388218/> (Accessed: 08.12.2023).
3. Barinov, S.V. (2017) *Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu po delam o prestupnykh narusheniyakh neprikosnovennosti chastnoy zhizni* [Circumstances to be established in cases of criminal violations of privacy]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 10. pp. 7–10.
4. Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy zakon "O politsii"* [Federal Law "On Police"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 05.12.2023).
5. Russian Federation. (1996) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (v red. ot 31.07.2020)* [Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 31, 2020)]. In: *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
6. Nepomnyashchaya, T.V. & Grinberg, M.S. (eds) (2020) *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* [The Criminal Law of Russia. General Part]. Moscow: Prospekt.
7. Esakova, G.A. (ed.) (2020) *Rossiyskoe ugovnoe parvo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Moscow: Prospekt.
8. Sverchkov, V.V. (2019) *Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow: Yurayt.
9. Russian Federation. (2012) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.09.2012 № 19 (red. ot 31.05.2022)* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 27, 2012 No. 19 (as amended on May 31, 2022)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (Accessed: 01.12.2023).
10. Russian Federation. (2003) *O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2002 g. № 29* [On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution No. 29 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.
11. Rarog, A.I. (ed.) (2018) *Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Praktikum. Osobennaya chast'* [Criminal Law of the Russian Federation. Practice. Special Part]. Moscow: Prospekt.
12. Kapinus, O.S. (2017) *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. Special Part]. Moscow: Yurayt.
13. Chernenko, T.G. (2020) *Kvalifikatsiya prestupleniy. Voprosy teorii i praktiki* [Qualification of crimes. Questions of Theory and Practice]. Moscow: Prospekt.

Информация об авторе:

Косолапова Е.Н. – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия). E-mail: cat.cat93@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Kosolapova, postgraduate student, Moscow City Teachers' Training University (Moscow, Russian Federation). E-mail: cat.cat93@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 15.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/22/2

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА ПЕРЕД ЗАКОНОМ В ИНСТИТУТЕ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Николай Сергеевич Ковалев¹

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, ddes2017@mail.ru

Аннотация. Проводится анализ соответствия положений ст. 82 УК РФ принципу равенства перед законом. Анализируются доктринальные положения о гендерном равенстве и его реализации в уголовных правоотношениях. Исследуется законодательная практика по вопросам, связанным с закреплением равенства родительских прав на воспитание детей. Было выявлено несоответствие положений ст. 82 УК РФ требованию принципа равенства перед законом в части соблюдения гендерного баланса. В качестве методологической основы познания были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, которые позволили исследовать аспекты правовой действительности, непосредственно связанной с реализацией уголовно-правового принципа равенства перед законом, сформулировать обоснованные выводы. Частнонаучные методы – формально-юридический и сравнительно-правовой – позволили выявить общие и частные признаки исследуемого правового явления. В результате проведенного исследования был сделан обоснованный вывод о том, что положения ст. 82 УК РФ нуждаются в совершенствовании, предложено изменение данной нормы уголовного закона с целью устранения нарушения принципа равенства перед законом.

Ключевые слова: юридическое равенство, принцип равенства перед законом, правовые исключения, формальное равенство

Для цитирования: Ковалев Н.С. Реализация принципа равенства перед законом в институте отсрочки отбывания уголовного наказания // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 10–14. doi: 10.17223/23088451/22/2

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/2

THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY BEFORE THE LAW IN DEFERRAL OF SERVING A CRIMINAL PUNISHMENT

Nikolay S. Kovalev¹

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, ddes2017@mail.ru

Abstract. The contemporary “mutation” of family values has long been bringing about men-guardians of the family hearth and women-breadwinners. This is by no means a violation of spiritual or social roles, but a direct result of the constitutional provisions by which both men and women have equal rights and freedoms as well as equal opportunities for their implementation. The legislator needs to take into account the recent transformation of gender roles in society. Understanding the essence of women, their role in the family and society is rapidly changing. Consequently, the state criminal and penitentiary policies must take into account not only the biological specificity of women, but also their changing social and cultural roles. It is necessary to quickly respond to emerging threats to national security and attempts to decentralize power, where women are increasingly being used as tools in the hands of the organized crime network leaders. In this regard, in order to align the norm of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the deferral of serving a sentence with the principle of equality of citizens before the law, it seems necessary to exclude from Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation the restrictions for convicted men, and to secure their right to defer serving the sentence if they have a minor child under the age of 14.

Keywords: legal equality, principle of equality before the law, legal exceptions, formal equality

For citation: Kovalev, N.S. (2023) The implementation of the principle of equality before the law in deferral of serving a criminal punishment. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 10–14. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/2

Гендерные различия при назначении уголовных наказаний позволяют учитывать особенности личности преступника, закрепляя при этом правовые преимущества и льготы в целях поддержки наименее защищенных категорий осужденных. В настоящее время несовершенство уголовного законодательства в аспекте реализации

принципа равенства граждан перед законом проявляется в институте отсрочки отбывания уголовного наказания. Несмотря на то, что ученые и считают его «гуманным» началом уголовной политики государства, все же в доктрине уголовного права указывается и на необходимость соответствия такого начала принципам

законности, справедливости и равенства перед законом [1. С. 12].

Развитие института отсрочки отбывания наказания начинается с уголовного законодательства РСФСР 1960 г. В ст. 46.2 УК РСФСР отсрочка отбывания наказания предоставлялась беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей в возрасте до 3 лет. С принятием уголовного законодательства РФ в первоначальной редакции ст. 82 УК РФ предельный возраст ребенка, при котором женщине могла быть предоставлена отсрочка, был повышен до 8 лет. В начале третьего тысячелетия в ст. 82 УК РФ были внесены поправки, в частности, предельный возраст ребенка был увеличен до 14 лет [2].

На тот период времени в науке уголовного права каких-либо нарушений принципов равенства перед законом или справедливости при реализации норм, регламентирующих институт отсрочки отбывания наказания, не отмечалось. Основным лейтмотивом на тот момент был более привилегированный статус женщины (матери), по сравнению с мужчиной (отцом). Сложившийся стереотип об особой роли женщины как «хранителя семейного очага» попросту был непреодолим.

Однако сущность данного института заключается не в гуманном отношении к беременным или имеющим несовершеннолетних детей женщинам, как кажется на первый взгляд, а в том, что он направлен на защиту общественных интересов семьи, в первую очередь обеспечение благополучного развития детей [3. С. 47]. «Субъективное право ребенка на получение надлежащего семейного воспитания по своей природе сходно с правом на имя, гражданство и т.п. Оно возникает у ребенка в силу рождения и с момента рождения. Это право регламентируется нормами международного характера. Генеральная Ассамблея ООН 20 ноября 1989 г. провозгласила Конвенцию о правах ребенка, призвав все государства к соблюдению указанных в ней норм-принципов, декларирующих, в частности тот факт, что каждый ребенок должен расти на попечении и под ответственностью своих родителей. Также в числе этих прав указывается и право ребенка на получение надлежащего семейного воспитания» [4. С. 113].

Об острой необходимости сохранения и укрепления института семьи было отмечено в Указе Президента РФ от 09.10.2007 № 1351. Разработанная в России Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., помимо всего прочего, содержала важные по отношению к родителям и детям положения: 1) охрана ценностей материнства и отцовства; 2) повышение статуса родителей [5].

Предопределяемое развитием общественных отношений, в науке уголовного права к тому времени уже «созрело» мнение о необходимости изменения ст. 82 УК РФ с возможностью предоставлять отсрочку осужденным мужчинам, имеющим детей, не достигших 14 лет, в случае смерти или лишения родительских прав матери ребенка. Так, К.В. Михайлов отмечал, что сложившийся в России стереотип о преимущественном воспитании ребенка матерью, конечно же, имеет место быть. Однако законодателем не предусмотрена ситуация, в которой

ребенок воспитывается только одним родителем – отцом. Назначая и исполняя наказание в отношении такого родителя-одиночки, государство тем самым не позволяет такому осужденному заниматься воспитанием ребенка. Реализация подобной нормы в зависимости от половой принадлежности лиц, совершивших преступления, является нелогичным и противоречащим целям института отсрочки [6. С. 88].

Федеральным законом от 21.02.2010 № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ст. 82 УК РФ была предложена в новой редакции. На основании внесенных изменений у осужденных мужчин, имеющих детей в возрасте до четырнадцати лет, как и у женщин, возник законный интерес на отсрочку отбывания наказания. Однако и такие изменения в полном объеме не реабилитируют права мужчин, совершивших преступления, на отсрочку отбывания наказания, поскольку существенным признаком, по которому мужчина может реализовать свой законный интерес, является то, что он должен быть единственным родителем такого ребенка [7].

Обоснованность такого законодательного решения подвергнута острой критике со стороны ученых в области уголовного права. Так, А.Г. Антонов отмечает, что положение новой редакции ст. 82 УК нарушает равенство граждан перед законом, и считает, что законодателю «на осужденного мужчину необходимо распространить те же права, которыми наделена осужденная женщина...» [1. С. 15].

К.В. Дядюн предполагает, что объяснение нарушения уголовно-правового принципа равенства связано с риторической презумпцией большей духовной связи ребенка с матерью, чем с отцом, а также с российским менталитетом, когда считается, что матери более привязаны к детям, чем отцы. Далее автор совершенно справедливо опровергает подобное социальное и духовное явление фактическими ситуациями, происходящими в семейных отношениях, неучет законодателем которых приводит к неоправданной дискриминации отцов и нарушению прав ребенка [8. С. 33].

Аналогичной позиции при анализе ст. 82 УК РФ придерживаются и ученые в более поздних работах, указывая как на противоречия принципу равенства граждан перед законом [4. С. 113; 9. С. 288; 10. С. 200], так и на игнорирование интересов ребенка [11. С. 73].

В современных реалиях уже давно происходит мутация семейных ценностей, при которой мужчины возлагают на себя обязанности по поддержанию семейного очага, а женщины становятся добытчицами. И это отнюдь не нарушение духовных или социальных ролей, а непосредственное развитие, обусловленное реализацией конституционных положений, согласно которым и мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Законодателю необходимо учитывать происходящую в последнее время трансформацию гендерных ролей в социуме. Осознание сущности женщины, представление о ее роли в семье и обществе стремительно видоизменяется. «...Следовательно, уголовная и пенитенциарная политика государства должна учитывать не только

особенности полов, прежде всего женщин, но и то изменчивое социальное и культурное значение, которое общество им придает. Необходимо быстро реагировать на создающиеся угрозы национальной безопасности, попытки децентрализации власти, где инструментом в руках организаторов преступных сообществ все чаще выступает женщина» [12. С. 27–28].

Как отмечает С.М. Савушкин, «численность осужденных женского пола за последние 50 лет возросла, изменяются и преступления, которые совершают женщины (они становятся более тяжкими). Несмотря на это, как международные стандарты, так и национальное законодательство <...> делает огромный акцент на гендерных особенностях женщин и ссылается на принцип гуманизма» [13. С. 66].

Подобную тенденцию к «мутации» можно усмотреть и в сфере преступности. Так, в России, по официальным данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2019 г. удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе всех зарегистрированных составляет 24,4% (494 092 преступления). По сравнению с 2018 г. (448 174 преступления) этот показатель увеличился на 10,2%. При этом количество тяжких преступлений увеличилось на 15,9%, в то время как количество особо тяжких преступлений уменьшилось на 6,7% [14].

Количество лиц, вновь арестованных и прибывших в СИЗО, привлекаемых за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, за аналогичные периоды уменьшилось с 10 027 в 2017 г. до 8 787 в 2019 г. При этом удельный вес женщин, привлекаемых за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в процентном соотношении, за аналогичный период увеличился с 8 до 9,6%. Количество осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях общего режима, за последние три года сократилось более чем на четверть процентов (129 938 – 2017 г. и 95 602 – 2019 г.). Вместе с тем удельный вес осужденных женщин, отбывающих наказание в таком виде исправительной колонии, с изменением численности осужденных, в общем, не изменился, а наоборот приобрел тенденцию к росту. Так, если в 2017 г. численность осужденных женщин от общего количества осужденных составляла 24%, то в 2018 г. – 26%, а в 2019 г. – 28% [15].

При анализе данной ситуации целесообразно обратиться к нормам Конституции РФ. В соответствии со ст. 38 Конституции РФ [16] забота о детях, их воспитание являются равным правом и обязанностью родителей. Данная конституционная норма конкретизируется и семейным законодательством.

Вопросы материнства, отцовства, воспитания и образования детей, в соответствии с ч. 2 ст. 31 Семейного кодекса РФ [17] (СК РФ), решаются совместно и

основываются на принципе равенства супругов. «Родители несут равные права и обязанности в отношении своих детей» – закреплено в ч. 1 ст. 61 СК РФ. Особо подчеркивается в ст. 55 СК РФ право самого ребенка на общение с обоими родителями.

Также следует обратить внимание на нормы СК РФ, согласно которым родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей по сравнению с иными лицами. Право на воспитание ребенка – это неотъемлемое право родителя, которого он может быть лишен только судом и не иначе как по основаниям, закрепленным в СК РФ (ст. 69, 71, 73, 74).

В соответствии с ч. 2 ст. 256 Трудового кодекса РФ [18] отпуска по уходу за ребенком могут быть использованы полностью или по частям также отцом ребенка (бабушкой, дедушкой, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком). Из этого следует, что фактически осужденные и женщины, и мужчины должны иметь равные права и свободы в вопросах воспитания детей.

Д.М. Адьялин писал, что «особая роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи определяют необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей» [19. С. 9].

В.И. Кузнецов, указывая, что рождение и воспитание детей является общепризнанным и неотъемлемым признаком благополучия, признаваемым как в истории, так и в религии, отмечал, что институт семьи является антикриминогенным фактором [20. С. 248].

Такого же мнения придерживается и Т.И. Белюкова, указывая на то, что забота государства о детях, их нормальное развитие невозможны без родителей, а нахождение родителей в местах лишения свободы оказывает негативное влияние на процесс воспитания детей. Возможность же возвращения осужденных в семью выступает в качестве сдерживающего фактора [3. С. 48]. «Все это должно осуществляться в целях повышения эффективности реализации законодательно закрепленных принципов равенства, справедливости и гуманизма, а не для их попираания путем установления излишних правовых преимуществ» [12. С. 27].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод: в целях устранения несоответствия нормы УК РФ, регуливающей отсрочку отбывания наказания, принципу равенства граждан перед законом, представляется необходимым исключить из ст. 82 УК РФ ограничения для осужденных мужчин, и закрепить за ними право на отсрочку отбывания наказания в случае наличия у них несовершеннолетнего ребенка в возрасте до 14 лет.

Список источников

1. Антонов А.Г. Отсрочка от отбывания наказания: проблемы правового регулирования // Вестник Кузбасского института. 2012. № 4 (12). С. 12–18.
2. Федеральный закон от 09.03.2001 № 25-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16681> (дата обращения: 08.12.2022).
3. Белюкова Т.И. Понятие и значение отсрочки отбывания наказания беременной женщине и лицам, имеющим малолетних детей // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1 (17). С. 46–49.

4. *Бадамшин И.Д., Анфимова А.А.* О реализации института отсрочки отбывания наказания // Евразийский союз ученых. 2015. № 2-2 (11). С. 113–114.
5. Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения: 09.12.2022).
6. *Михайлов К.В.* Отсрочка отбывания наказания мужчинам, имеющим малолетних детей, не должна исключаться уголовным законодательством // Современное право. 2008. № 7. С. 87–88.
7. Федеральный закон от 21.02.2010 № 16-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30684> (дата обращения: 09.12.2022).
8. *Дядюн К.В.* Субъект отсрочки отбывания наказания, предоставляемой в соответствии со ст. 82 УК // Законность. 2011. № 4 (918). С. 32–35.
9. *Загиева А.В.* Принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве Российской Федерации // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной всерос. науч.-практ. конф. 2019. С. 285–289.
10. *Дядюн К.В.* Назначение наказания женщинам с точки зрения принципов равенства граждан перед законом, гуманизации и справедливости // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 196–207.
11. *Тараканов И.А., Горина Е.Е.* Особенности законодательной регламентации отсрочки отбывания наказания в уголовном праве России // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 2 (20). С. 71–76.
12. *Репьев А.Г., Репьева А.М.* Правовые преимущества как элемент специального правового статуса женщины осужденной // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4 (22). С. 24–29.
13. *Савушкин С.М.* Дифференциация осужденных к наказанию в виде лишения свободы: история, международные стандарты, зарубежный опыт / науч. ред. В.А. Уткин. Новокузнецк : Кузбасский ин-т ФСИН России, 2017. 122 с.
14. Состоянии преступности в России (за январь–декабрь 2019 г.) / Генеральная прокуратура РФ. М., 2020. 66 с.
15. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России, 2017, 2018, 2019 гг. : информационно-аналитический сборник. Тверь, 2019. 64 с.
16. Конституция Российской Федерации (ред. от 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 08.12.2022).
17. Семейный кодекс Российской Федерации (ред. от 01.09.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 08.12.2022).
18. Трудовой кодекс Российской Федерации (ред. от 04.11.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 08.12.2022).
19. *Адылин Д.М.* Некоторые вопросы предоставления отсрочки отбывания наказания // Вестник Самарского юридического института. 2021. С. 9–13.
20. *Кузнецов В.И.* Применение и отмена института отсрочки отбывания наказания // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 248–249.

References

1. Antonov, A.G. (2012) Otsrochka ot otyvaniya nakazaniya: problemy pravovogo regulirovaniya [Deferral from serving a sentence: Problems of legal regulation]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 4 (12). pp. 12–18.
2. Russian Federation. (2001) *Federal'nyy zakon ot 09.03.2001 № 25-FZ "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Uголовный кодекс Rossiyskoy Federatsii, Uголовно-процессуальный кодекс РФ, Uголовно-исполнительный кодекс Rossiyskoy Federatsii i drugie zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 25-FZ of March 9, 2001, "On introducing amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Executive Code of the Russian Federation and other legislative acts of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/16681> (Accessed: 08.12.2022).
3. Belyukova, T.I. (2014) Ponyatie i znachenie otsrochki otyvaniya nakazaniya beremennoy zhenshchine i litsam, imeyushchim maloletnikh detey [The concept and meaning of deferral of serving a sentence for a pregnant woman and persons with young children]. *Uголовно-исполнительное право*. 1 (17). pp. 46–49.
4. Badamshin, I.D. & Anfimova, A.A. (2015) O realizatsii instituta otsrochki otyvaniya nakazaniya [On the implementation of the institution of deferral of serving a sentence]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh*. 2-2 (11). pp. 113–114.
5. Russian Federation. (2007) *Ukaz Prezidenta RF ot 09.10.2007 № 1351 "Ob utverzhdenii Kontseptsii demograficheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda"* [Decree No. 1351 of the President of the Russian Federation dated October 9, 2007, "On approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation until 2025"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (Accessed: 09.12.2022).
6. Mikhailov, K.V. (2008) Otsrochka otyvaniya nakazaniya muzhchinam, imeyushchim maloletnikh detey, ne dolzhna isklyuchat'sya ugo-lovnym zakonodatel'stvom [Deferral of serving sentences for men with young children should not be excluded by criminal legislation]. *Sovremennoe pravo*. 7. pp. 87–88.
7. Russian Federation. (2010) *Federal'nyy zakon ot 21.02.2010 № 16-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law No. 16-FZ of February 21, 2010, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30684> (Accessed: 09.12.2022).
8. Dyadyun, K.V. (2011) Sub'ekt otsrochki otyvaniya nakazaniya, predostavlyаемой v sootvetstvii so st. 82 UK [The subject of deferral of serving a sentence in accordance with Art. 82 of the Criminal Code]. *Zakonnost'*. 4 (918). pp. 32–35.
9. Zagieva, A.V. (2019) Printsip ravenstva grazhdan pered zakonom v uголовном prave Rossiyskoy Federatsii [The principle of equality of citizens before the law in the criminal law of the Russian Federation]. In: Gotcina, L.V. & Khlebushkina, A.G. (eds) *Uголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра* [Criminal legislation: Yesterday, today, tomorrow]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 285–289.

10. Dyadyun, K.V. (2017) Naznachenie nakazaniya zhenshchinam s tochki zreniya printsipov ravenstva grazhdan pered zakonom, gumanizatsii i spravedlivosti [Punishment of women from the point of view of the principles of equality of citizens before the law, humanization, and justice]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2. pp. 196–207.
11. Tarakanov, I.A. & Gorina, E.E. (2019) Osobennosti zakonodatel'noy reglamentatsii otsrochki otbyvaniya nakazaniya v ugovnom prave Rossii [Legislative regulation of deferral of serving a sentence in Russian criminal law]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika*. 2 (20). pp. 71–76.
12. Repiev, A.G. & Repieva, A.M. (2015) Pravovye preimushchestva kak element spetsial'nogo pravovogo statusa zhenshchiny osuzhdennoy [Legal advantages as an element of the special legal status of a convicted woman]. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo*. 4 (22). pp. 24–29.
13. Savushkin, S.M. (2017) *Differentsiatsiya osuzhdennykh k nakazaniyu v vide lisheniya svobody: istoriya, mezhdunarodnye standarty, zarubezhnyy opyt* [Differentiation of those sentenced to imprisonment: History, international standards, foreign experience]. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service.
14. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2020) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii (za yanvar'–dekabr' 2019 g.)* [The state of crime in Russia (January–December 2019)]. Moscow: [s.n.].
15. Russian Federation. (2019) *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovno-ispolnitel'noy sistemy FSIN Rossii, 2017, 2018, 2019 g.: informatsionno-analiticheskiy sbornik* [Main performance indicators of the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017, 2018, 2019: An information and analytical collection]. Tver: [s.n.].
16. Russian Federation. (2020) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (redaktsiya ot 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation (as amended on July 1, 2020)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed: 08.12.2022).
17. Russian Federation. (2020) *Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (redaktsiya ot 01.09.2022)* [Family Code of the Russian Federation (as amended on September 1, 2022)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (Accessed: 08.12.2022).
18. Russian Federation. (2022) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii (redaktsiya ot 04.11.2022)* [Labor Code of the Russian Federation (as amended on November 4, 2022)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (Accessed: 08.12.2022).
19. Adylin, D.M. (2021) Nekotorye voprosy predostavleniya otsrochki otbyvaniya nakazaniya [Some issues of granting deferral of serving a sentence]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 3 (44). pp. 9–13.
20. Kuznetsov, V.I. (2017) Primenenie i otmena instituta otsrochki otbyvaniya nakazaniya [Application and abolition of the institution of deferral of serving a sentence]. In: Sannikov, N.A. (ed.) *Penitentsiarnaya sistema i obshchestvo: opyt vzaimodeystviya* [Penitentiary system and society: Interaction]. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 248–249.

Информация об авторе:

Ковалев Н.С. – преподаватель кафедры организации режима в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: ddes2017@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.S. Kovalev, lecturer, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: ddes2017@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 16.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.3, 343.9, 343.13

doi: 10.17223/23088451/22/3

ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ ст. 264.1 УК РФ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Елена Анатольевна Писаревская¹, Марина Андреевна Дворжицкая²

^{1, 2} Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия

¹ liorev@mail.ru

² dvorzhickaya91@mail.ru

Аннотация. На основе статистических данных делается вывод о том, что преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, распространено в нашей стране. Несмотря на непрекращающиеся меры по усилению ответственности в данной сфере, при незначительных колебаниях в период с 2016 по 2022 г. количество регистрируемых преступлений по ст. 264.1 УК РФ в 2022 г. вновь выросло как в России, так и ее отдельных регионах. Выявлены трудности, которые возникают на практике в связи с уголовно-правовой оценкой подобного рода деяний.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения, состояние опьянения, управление, транспортное средство

Для цитирования: Писаревская Е.А., Дворжицкая М.А. Преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминологические аспекты // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 15–22. doi: 10.17223/23088451/22/3

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/3

CRIMES UNDER ARTICLE 264.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL, PROCEDURAL, AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS

Elena A. Pisarevskaya¹, Marina A. Dvorzhitskaya²

^{1, 2} Northwestern Branch of Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation

¹ liorev@mail.ru

² dvorzhickaya91@mail.ru

Abstract. Despite the ongoing measures to strengthen liability for the crime under analysis, with minor fluctuations between 2016 and 2022, the number of registered crimes under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in 2022 has increased again in Russia in general and its individual regions. The number of people convicted under this article has not decreased either. Thus, in 2021, in Russia, one tenth of the total number of convicts were convicted under this article. Moreover, the crime discussed is the most common among road traffic crimes. This crime showed an increasing trend both in Leningrad region and in St. Petersburg. This trend correlates with the growth trend in administrative offenses under Articles 12.8 and 12.26 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It is obvious that criminal-legal counteraction alone is not enough, since it is impossible to solve the problem of high accident rates on the roads solely by tightening criminal liability. One of the reasons for the prevalence of the analyzed crime is the persistent problem of alcoholism, accompanied by a low level of people's legal awareness. It is impossible to radically influence the situation without solving these problems. The challenges in applying Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation that arise in law enforcement practice are largely of a procedural and evidentiary nature. Based on the analysis of sentences, the article presents options for qualifying the type of crime under study that are often encountered in practice.

Keywords: violation of traffic rules, state of intoxication, driving, vehicle

For citation: Pisarevskaya, E.A., Dvorzhitskaya, M.A. (2023) Crimes under Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: Legal, procedural, and criminological aspects. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 15–22. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/3

До 2016 г. наиболее распространенным преступлением из числа дорожно-транспортных было деяние, предусмотренное ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Если по официальным статистическим сведениям в 2007 г. в России ежегодно совершалось несколько сотен тысяч дорожно-

транспортных происшествий (далее ДТП) и более 30 тыс. человек лишались жизни, то в 2021 г. в результате ДТП лишились жизни почти 15 тыс. человек, около 168 тыс. человек пострадало [1]. Сегодня ситуация в сфере дорожно-транспортной аварийности остается напряженной, несмотря на общее уменьшение в течение

9 лет показателей дорожно-транспортной аварийности, результат каждого одиннадцатого ДТП (9,5%) – смертельный исход участников дорожного движения, будь то водитель, пассажир или пешеход.

Постепенно, начиная с 2017 г., лидирующие позиции по количеству зарегистрированных транспортных преступлений стало занимать преступное посягательство, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ. Управление транспортным средством после употребления алкоголя или запрещенных веществ значительно снижает скорость реакции человека и маневров, затрудняет видимость за рулем, приводит к сонливости, склонности к агрессивному вождению, поездке на максимальной скорости, неправильной оценке расстояния, что увеличивает вероятность совершения ДТП. Вместе с тем движение в подобном состоянии признается административным правонарушением, но приобретает статус преступления в случае, когда лицо, подвергнутое административному наказанию или имеющее судимость, снова осуществляет движение на транспортном средстве в состоянии опьянения. Злостное игнорирование административно-правовых запретов или предшествующего уголовно-правового воздействия свидетельствует о безразличии лица к ним, об их слабом предупредительном влиянии, и, безусловно, требует уголовно-правовой оценки.

Управление транспортным средством в описанном в законе состоянии опьянения – это обязательный признак субъекта не только в ст. 264.1 УК РФ, но и в составах преступлений, предусмотренных в п. «а» ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ. Наличие общего признака не исключает квалификации по правилам идеальной совокупности деяния, при котором лицо, повторно управляющее, например, автомобилем, в состоянии опьянения совершает преступное дорожно-транспортное происшествие (формула квалификации включает соответствующие части ст. 264 и 264.1 УК РФ). В указанных статьях исследуемый признак характеризует качественно разные составы по конструкции объективной стороны. Кроме того, в первом случае он выступает квалифицирующим (применительно к п. «а» ч. 2, 4 и 6 статьи 264 УК РФ), во втором – криминообразующим (по отношению к ст. 264.1 УК РФ).

К примеру, деяние гражданина В., выразившееся в том, что он повторно двигался на автомобиле в состоянии опьянения, перевозил пассажиров, не соблюдая скоростной режим, совершил ДТП, в результате которого погибли пассажиры, было квалифицировано соответственно по ст. 264.1 УК РФ и п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ [2]. В другом же примере исключение названного признака стало причиной пересмотра юридической оценки действий лица с п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ на ч. 3 ст. 264 УК РФ и вынесения оправдательного вердикта по ст. 264.1 УК РФ [3].

Приведенные выше составы можно считать связанными друг с другом, поскольку проведенный анализ уголовных дел свидетельствует о том, что одно преступление (ст. 264.1 УК РФ) нередко предшествует или совершается одновременно с деянием, предусмотренным ст. 264 УК РФ. Кроме того, на практике нередки случаи, когда лицо осуществляет движение транспортного

средства, вновь находясь в состоянии опьянения, и одновременно совершает угон этого средства без корыстной цели, умышленно или по неосторожности повреждает имущество, перевозит запрещенные к обороту вещества, что также требует квалификации по совокупности преступлений.

Интересно, что деяние лица, неоднократно находящегося за рулем в нетрезвом состоянии, представляет общественную опасность для общества, и это было известно еще советскому законодателю. Так, в УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена ст. 211.1, которая в 1992 г. уже была исключена из него. Однако в 2014 г. сложилась критическая ситуация, связанная с увеличением количества ДТП, в частности, совершенных лицами, ранее привлекавшимися к административной ответственности за езду в нетрезвом состоянии. В этом же году законодатель отреагировал на криминогенную обстановку в стране: УК РФ пополнился новой, но в то же время неизвестной истории российского уголовного законодательства нормой (ст. 264.1 УК РФ). Следовательно, стал признаваться общественно опасным сам факт умышленного управления транспортным средством лицом в нетрезвом состоянии, ранее уже лишенным такого права.

Статья 264.1 УК РФ вступила в действие только с 1 июля 2015 г. Можно сказать, что водителям, допускающим такое преступное поведение, была дана возможность исправиться, а также осмыслить общественную опасность своего поведения, связанную, в частности, с повышением вероятности совершения преступного ДТП. Однако, как показывает статистика, соблюдать данный уголовно-правовой запрет стали далеко не все. Принятые меры хоть и оказали некоторый предупредительный эффект, вместе с тем оказались недостаточными, и сегодня исследуемое преступление является достаточно распространенным в нашей стране. Так, всего в России в 2021 г. было осуждено 565 523 человек, количество лиц, признанных виновными по ст. 264.1 УК РФ, из общего числа осужденных лиц составило 10,4% (рис. 1) [4]. Это объективно свидетельствует о том, в стране сохраняется проблема алкоголизации, сопровождающаяся низким уровнем правосознания населения. Люди продолжают злоупотреблять алкогольными напитками, запрещенными веществами и садиться за руль в нетрезвом виде, причем нередко повторно.

Кроме того, отметим, что исследуемое деяние является наиболее часто встречающимся среди дорожно-транспортных преступлений (рис. 2). В 2021 г. по двум частям данной статьи осуждено 58 840 человек, это значительный показатель по сравнению с другим распространенным дорожно-транспортным преступлением – ст. 264 УК РФ, по шести частям которой в этом же году было признано виновными всего 8 076 человек, т.е. практически в шесть раз меньше.

Распространенность анализируемого деяния среди всей массы дорожно-транспортных посягательств связывается с тем, что в этом случае возможность наступления ответственности призвано играть своего рода профилактическую функцию, деяние окончено с момента его совершения и не включает общественно опасные последствия.

Момент совершения деяния наступает с начала движения транспортного средства, которым управляет водитель, имеющий соответствующее «взыскание», в состоянии

опьянения. При этом момент начала движения требует дополнительной конкретизации в связи возникающими трудностями в следственно-судебной практике.

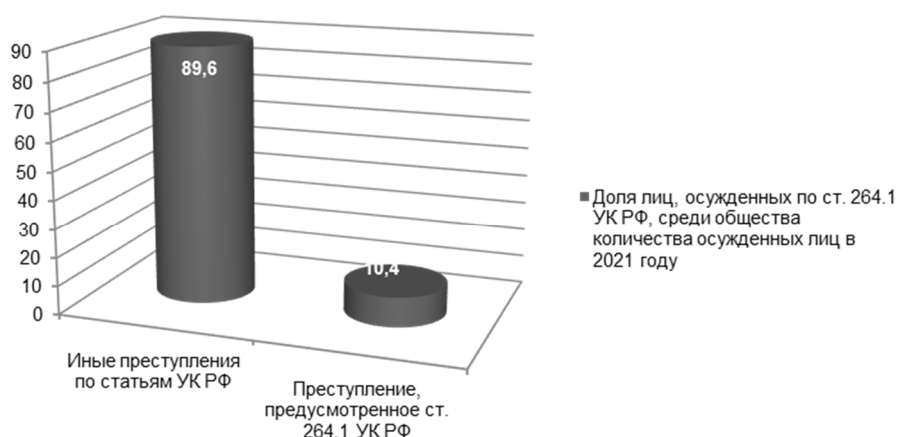

Рис. 1. Число лиц, осужденных по ст. 264.1 УК РФ, среди общего количества осужденных в 2021 г., %

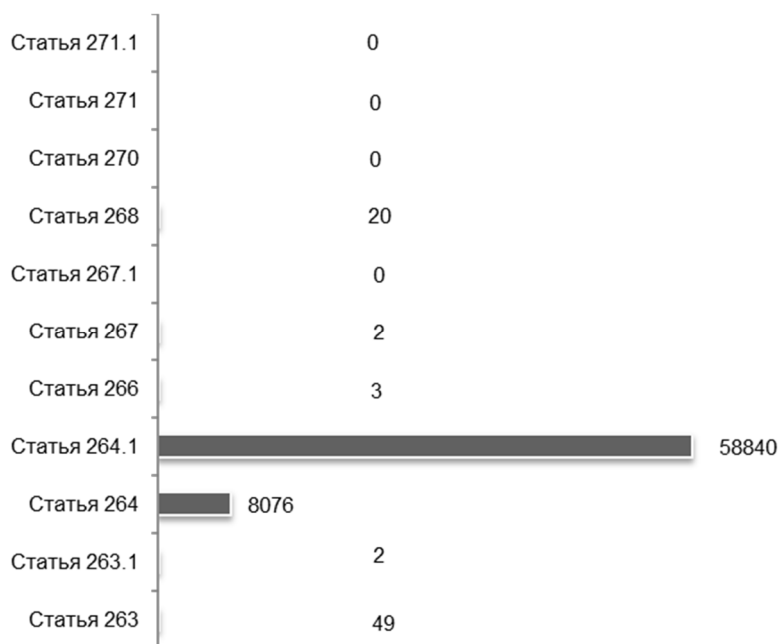

Рис. 2. Число лиц, осужденных за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (глава 27 УК РФ) в 2021 г.

Например, Ф. был изначально обвинен в осуществлении преступного посягательства, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Из фабулы обвинительного приговора следовало, что Ф. на территории заправки управлял принадлежащим ему транспортным средством (скутером) в состоянии алкогольного опьянения. При рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции было установлено, что по прибытию на заправку мопедом управлял гражданин Г., а Ф. сидел на пассажирском сиденье. Впоследствии Г., увидев сотрудников полиции, бросил скутер и убежал. Ф., выйдя из помещения заправки, сел на скутер, и, не заводя двигатель, начал его откатывать с помощью ног к бордюру. В результате чего Ф. был оправдан в совершении инкриминируемого ему деяния, так как отсутствовал обязательный

признак в виде управления механическим транспортным средством [3].

Законодательная дефиниция управления транспортным средством отсутствует, хотя это словосочетание активно используется в административном и уголовном законодательстве. Не вносит ясности в оценку вышеизложенного примера и разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающееся рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Предмет названного преступления – механическое транспортное средство, которое все-таки приводится в движение двигателем, что позволяет сделать вывод о том, что движение транспортного средства должно

включать два компонента: 1) быть подконтрольным лицу и начинаться с запуска двигателя, т.е. осуществления необходимой процедуры, приводящей это средство в движение; 2) транспортное средство должно тронуться с места. Осуществление подготовительных действий без движения с места автомобиля не является управлением.

В связи с этим нельзя не отметить и ряд уголовно-процессуальных проблем. В настоящее время актуальной является проблема определения территориальной подсудности уголовных дел по исследуемой категории преступлений, т.е. их распределения в соответствии с территориальной юрисдикцией, которую неоднозначно трактуют юристы. Так, согласно представлению государственного обвинителя П. на постановление мирового судьи, судья неправильно применил уголовный закон, и направил уголовное дело в другой судебный участок, поскольку местом окончания названного преступления является та территория, где было прекращено управление транспортным средством [5]. Однако данное представление совершенно справедливо было оставлено без удовлетворения, поскольку указанный выше состав является по конструкции формальным и юридически окончен с момента выполнения объективной стороны, т.е. с момента начала движения транспортного средства. Фактическое место прекращения управления транспортным средством не оказывает влияния на квалификацию.

Анализ судебной практики по ст. 264.1 УК РФ, представленной в автоматизированной системе ГАС «Правосудие», свидетельствует о том, что уголовные дела исследуемой категории возвращались на дополнительное

расследование по следующим причинам: неявки обвиняемого на судебное заседание и объявление его в розыск, допущении дознавателями нарушений требований ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ (неустановлением невменяемости), ошибок и противоречий в определении места и времени совершения преступления, неправильного указания в обвинительном акте объективной стороны преступления, отсутствия объективных данных о том, что срок лишения права управления транспортными средствами не истек.

При незначительных колебаниях в период с 2016 по 2021 г. количество лиц, осужденных по ст. 264.1 УК РФ, снизилось и составило 58 840 человек. Однако в целом количество таких уголовно наказуемых деяний и данный показатель остаются высокими, так, в среднем в нашей стране ежегодно осуждается 58 326 человек (рис. 3). Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что сотрудники ГИБДД качественно выполняют возложенные на них обязанности по обеспечению безопасности дорожного движения и выявляют таких преступников. Но, с другой стороны, эти показатели можно объяснить тем, что предупредительный потенциал данной уголовно-правовой нормы недостаточно эффективен, граждане продолжают повторно садиться за руль в нетрезвом состоянии. Нередко встречаются граждане, которые совершали преступления исследуемой категории неоднократно, в том числе три раза и более. В частности, гражданин М. совершил исследуемое преступление 5 раз и, согласно первому приговору суда, был осужден по ст. 264.1, 264.1 УК РФ, по второму – по ст. 264.1 УК РФ, по третьему – по ст. 264.1, 264.1 УК [6].

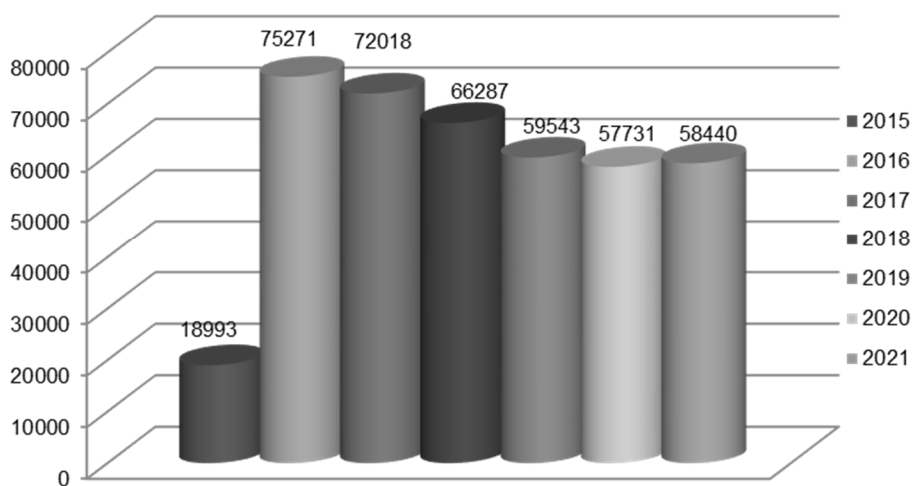

Рис. 3. Количество лиц, осужденных по ст. 264.1 УК РФ с 2015 по 2021 г.

Время и место действий сотрудников ГИБДД по составлению административного материала, в том числе по освидетельствованию лица, управлявшего транспортным средством, не влияют на определение подсудности, так как не являются обязательными признаками состава преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, а выступают в качестве легально закрепленного способа доказывания нахождения лица в состоянии опьянения. Вместе с тем эти положения также вызывают неоднообразное толкование

на практике, что приводит к неправильному применению закона. Так, Г. был оправдан в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, а также его деяние было переклассифицировано с ч. 4 ст. 264 УК РФ на ч. 3 ст. 264 УК РФ в связи с тем, что факт нахождения в состоянии опьянения не был подтвержден в порядке, предусмотренном в части 2 примечания к ст. 264 УК РФ, т.е. Г. не проходил медицинского освидетельствования на состояние опьянения после дорожно-транспортного происшествия, а

также не отказывался от законных требований сотрудников полиции о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения [3].

В связи с изложенным возникает вопрос, связанный с учетом погрешности прибора, определяющего количество спирта в выдыхаемом воздухе. Так, сторона защиты по уголовному делу (по ст. 264.1 УК РФ) указывала на то, что в показаниях прибора «Алкотектор» не учитывалась погрешность прибора [7]. Судом обоснованно доводы защиты были приняты несостоятельными, поскольку, исходя из свидетельства о проверке прибора, погрешность уже была включена в итоговый показатель измерений этого прибора.

Повышенная степень общественной опасности преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, не могла остаться законодателем не замеченной. В результате чего в настоящую статью неоднократно вносились изменения в 2019 и 2021 гг. В 2019 г. в абзаце первом исследуемой статьи после слов «судимость за совершение» были указаны слова «в состоянии опьянения». В 2021 г. изменения в ст. 264.1 УК РФ были существенными и связывались с переименованием статьи, выделением в качестве самостоятельного квалифицирующего признака совершение указанного деяния в состоянии опьянения лицом, имеющим судимость по ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ либо ст. 264.1 УК РФ. Кроме того, предупредительным эффектом обладает положение, согласно которому обязательные работы не были включены в ч. 2 в качестве основного вида наказания, увеличен срок дополнительного наказания.

Необходимость таких изменений была продиктована возрастанием фактов названных посягательств теми лицами, которые уже были осуждены по исследуемой статье. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, эти деяния влекут повышенную степень общественной опасности и требуют в целях реализации принципа справедливости применения более суровых наказаний за неоднократное его совершение. Как показал анализ судебной практики, до момента внесенных изменений совершение повторных уголовно наказуемых деяний подобного рода в большинстве случаев не влекло для признанного виновным лица более строгого наказания. В результате чего они полагали, что деяние является незначительным нарушением, и позволяли себе повторно садиться за руль нетрезвыми. Однако указанные изменения не привели к желаемому результату и не поставили точку в противодействии повторной езде за рулем в состоянии опьянения (о чем, в частности, свидетельствуют статистические данные за 2022 г.). Это продиктовало необходимость введения дополнительной меры для предупреждения подобного рода деяний и включения в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, ст. 264.1 УК РФ, согласно которой стало подлежать конфискации транспортное средство, принадлежащее виновному лицу и использованное им при совершении преступления.

Анализ регионального распределения данных преступлений также показывает, что снижение их

регистрации наблюдается не во всех регионах. Так, например, в г. Санкт-Петербурге в 2021 г. зарегистрировано 816 фактов преступлений по ст. 264.1 УК РФ, в 2022 г. этот показатель достиг 841 зарегистрированного случая (темп прироста +3%). Наибольший показатель был зафиксирован в районах, представленных в табл. 1, 2 [8]. Прирост наблюдается в Калининском, Кировском, Кронштадтском, Курортном, Московском, Невском, Петродворцовом, Приморском районах города.

Таблица 1
Районы г. Санкт-Петербурга с наибольшим количеством преступлений, зарегистрированных по ст. 264.1 УК РФ в 2021 г.

Фрунзенский	70
Приморский	70
Красногвардейский	59
Московский	54
Пушкинский	53
Кировский	43
Адмиралтейский	43

Таблица 2
Районы г. Санкт-Петербурга с наибольшим количеством преступлений, зарегистрированных по ст. 264.1 УК РФ в 2022 г.

Приморский	82
Фрунзенский	64
Московский	61
Кировский	52
Калининский	45
Красногвардейский	44
Пушкинский	40
Колпинский	39

Тенденция по увеличению количества зарегистрированных фактов преступлений по ст. 264.1 УК РФ в г. Санкт-Петербурге коррелирует со сведениями по административной практике в сфере безопасности дорожного движения в г. Санкт-Петербурге. В 2022 г. установлено увеличение числа водителей, управлявших транспортным средством в состоянии опьянения или отказавшихся пройти освидетельствование на состояние опьянения.

Прирост лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 12.8 КОАП РФ, по сравнению с 2021 г. составил +15,6%, по ст. 12.26 КОАП РФ – +10,6%. Районы с наибольшим темпом прироста показателей по ст. 12.8 КОАП РФ: Калининский (+52%), Московский (+33%), Кировский (+22,5%); по ст. 12.26 КОАП РФ: Московский (+30%), Кировский (+22,4%), Приморский (+15,2%).

В 2021 г. в Ленинградской области было зарегистрировано 593 факта совершения деяний, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, в 2022 г. этот показатель достиг 684 (темп прироста +13%). Районы с наибольшим количеством совершенных указанных преступных посягательств представлены в табл. 3, 4 [8]. Прирост наблюдается во Всеволожском, Выборгском, Гатчинском, Кировском, Лужском районах Ленинградской области.

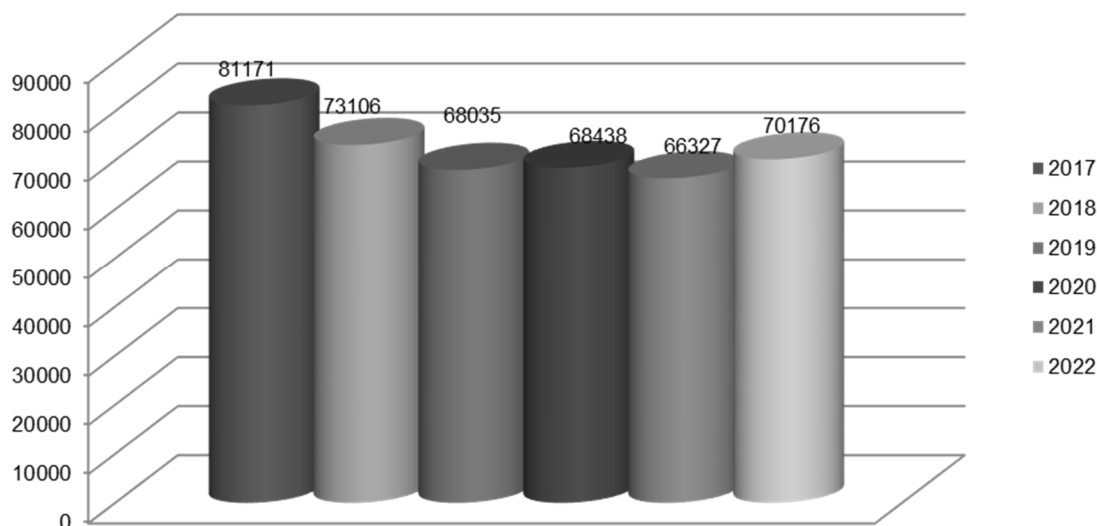

Рис. 4. Количество преступлений, зарегистрированных по ст. 264.1 УК РФ с 2017 по 2021 г.

Таблица 3

Районы Ленинградской области с наибольшим количеством преступлений, зарегистрированных по ст. 264.1 УК РФ в 2021 г.

Кингисепский	69
Гатчинский	51
Тихвинский	37
Волховский	36
Выборгский	30
Всеволожский	29
Тосненский	28

Таблица 4

Районы Ленинградской области с наибольшим количеством преступлений, зарегистрированных по ст. 264.1 УК РФ в 2022 г.

Гатчинский	68
Кингисепский	57
Всеволожский	57
Выборгский	47
Кировский	45
Тихвинский	37
Бокситогорский	31

Тенденция по увеличению количества зарегистрированных фактов преступлений по ст. 264.1 УК РФ на территории Ленинградской области, как и в г. Санкт-Петербурге, коррелирует со сведениями по административной практике в сфере безопасности дорожного движения в Ленинградской области. В 2022 г. на территории Ленинградской области установлено увеличение числа водителей, управлявших транспортным средством в состоянии опьянения или отказавшимся пройти освидетельствование на состояние опьянения. В 2022 г. прирост лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 12.8 КОАП РФ, по сравнению с 2021 г. составил +7,4%, по ст. 12.26 КОАП РФ – +10,6%. Районы с наибольшим темпом прироста указанных показателей по ст. 12.8 КОАП РФ: Всеволожский (+44,4%), Московский (+33%), Тосненский (+27,4%), Кингисепский (+20%); по ст. 12.26 КОАП РФ: Всеволожский (+25,5%), Кингисепский (+37%), Гатчинский (+23%).

Таким образом, употребление алкоголя, запрещенных веществ значительно снижает скорость реакции и

маневров, ухудшает видимость за рулем, приводит к сонливости, появляется склонность к агрессивному вождению и поездке на максимальной скорости, неправильной оценке расстояния, что увеличивает вероятность совершения ДТП. Злостное игнорирование административно-правовых запретов свидетельствует о безразличии лица к ним, об их слабом предупредительном воздействии и, безусловно, заслуживает уголовно-правовой оценки.

Можно констатировать, что, несмотря на непрекращающиеся меры по усилению ответственности за анализируемое преступление, при незначительных колебаниях в период с 2016 по 2022 г. количество регистрируемых преступлений по ст. 264.1 УК РФ в 2022 г. вновь выросло как в России, так и в ее отдельных регионах. Не снижается и количество судимых по этой статье. Так, в 2021 г. в России по этой статье была осуждена одна десятая часть от общего количества осужденных. При этом рассматриваемое преступление является наиболее распространенным среди дорожно-транспортных преступлений.

Данное преступление демонстрировало тенденцию к увеличению как на территории Ленинградской области, так и в г. Санкт-Петербурге. Эта тенденция соотносится с тенденцией роста административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ. Соответственно, напрашивается очевидный вывод о том, что одного уголовно-правового противодействия недостаточно, невозможно решить проблему высокой аварийности на дорогах исключительно ужесточением уголовной ответственности. Одной из причин распространенности анализируемого деяния можно назвать сохраняющуюся проблему алкоголизации, сопровождающуюся низким уровнем правосознания населения. Без решения названных проблем невозможно кардинально повлиять на ситуацию.

Возникающие в правоприменительной практике трудности при применении ст. 264.1 УК РФ имеют в

большей степени уголовно-процессуальный, доказательственный характер. В основном они связаны с установлением момента начала движения транспортного средства, управляемого водителем в состоянии опьянения, определением момента и места окончания исследуемого преступления, установлением факта состояния опьянения, учетом погрешности прибора, определяющего количество спирта в выдыхаемом воздухе. Зачастую при повторном управлении транспортным средством в состоянии опьянения лицо одновременно совершает преступное ДТП, угон транспортного средства без корыстной цели, умышленное повреждение имущества, перевозки запрещенных к обороту веществ, и это требует квалификации по совокупности преступлений по ст. 264.1 УК РФ и ст. 264, 166, 167, 228 УК РФ соответственно.

Список источников

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год. Информационно-аналитический обзор. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/3935922> (дата обращения: 10.01.2023).
2. Приговор Ростовского районного суда Ярославской области по делу 1-3/2021 от 5 февраля 2021 года. URL: <https://rostovsky-jrs.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).
3. Оправдательный приговор по ст. 264.1 УК РФ. URL: <https://pravorub.ru/cases/81257.html> (дата обращения: 20.03.2023).
4. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2021 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 15.03.2023).
5. Приговор Изобильненского районного суда Ставропольского края по делу 10-19/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/diPQ8atr9oWc/> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Апелляционное постановление Кировского районного суда г. Новосибирска № 10-1/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VgcDh3OXKcoT/> (дата обращения: 15.03.2023).
7. Приговор Всеволожского городского суда Ленинградской области по делу 1-175/2020. URL: <https://vsevolzhsk-sud--lo.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.03.2023).
8. Статистические данные ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» // Официальный сайт ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php> (дата обращения: 10.01.2023).

References

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (n.d.) *Dorozhno-transportnaya avariynost' v Rossiyskoy Federatsii za 2021 god. Informatsionno-analiticheskiy obzor* [Road traffic accident rate in the Russian Federation for 2021. An information and analytical review]. [Online] Available from: <https://media.mvd.ru/files/embed/3935922> (Accessed: 10.01.2023).
2. Russian Federation. (2021) *Prigovor Rostovskogo rayonnogo suda Yaroslavskoy oblasti po delu 1-3/2021 ot 5 fevralya 2021 goda* [The verdict of the Rostov District Court of Yaroslavl Region in Case 1-3/2021 dated February 5, 2021]. [Online] Available from: <https://rostovsky-jrs.sudrf.ru/> (Accessed: 21.03.2023).
3. Russian Federation. (n.d.) *Opravdatel'nyy prigovor po st. 264.1 UK RF* [Acquittal under Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://pravorub.ru/cases/81257.html> (Accessed: 20.03.2023).
4. Russian Federation. (n.d.) *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii za 2021 god* [Report on the number of people convicted for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation for 2021]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (Accessed: 15.03.2023).
5. Russian Federation. (2017) *Prigovor Izobil'enskogo rayonnogo suda Stavropol'skogo kraya po delu 10-19/2017* [The verdict of the Izobilnensky District Court of the Stavropol Territory in Case 10-19/2017]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/diPQ8atr9oWc/> (Accessed: 15.03.2023).
6. Russian Federation. (2017) *Apellyatsionnoe postanovlenie Kirovskogo rayonnogo suda g. Novosibirska № 10-1/2017* [Appeal resolution No. 10-1/2017 of the Kirovsky District Court of Novosibirsk]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/VgcDh3OXKcoT/> (Accessed: 15.03.2023).
7. Russian Federation. (2020) *Prigovor Vsevolzhskogo gorodskogo suda Leningradskoy oblasti po delu 1-175/2020* [The verdict of the Vsevolzhsk City Court of the Leningrad Region in Case 1-175/2020]. [Online] Available from: <https://vsevolzhsk-sud--lo.sudrf.ru/> (Accessed: 15.03.2023).
8. The Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (n.d.) *Statisticheskie dannye TsSI FKU "GIATs MVD Rossii"* [Statistical data from the Center for Statistics of the Federal Institution "MIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia"]. [Online] Available from: <http://10.5.0.16/csi/modules.php> (Accessed: 10.01.2023).

Информация об авторах:

Писаревская Е.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liorev@mail.ru

Дворжицкая М.А. – старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dvorzhickaya91@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Pisarevskaya, Cand. Sci. (Law), docent, associate professor, Northwestern Branch of Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

M.A. Dvorzhitskaya, Cand. Sci. (Law), senior lecturer, Northwestern Branch of Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: dvorzhickaya91@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.241

doi: 10.17223/23088451/22/4

О РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «САНКЦИЯ» В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

Михаил Александрович Простосердов¹

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, liorev@mail.ru

Аннотация. Подробно исследуются различные подходы к определению уголовно-правовой санкции в науке уголовного права. Выделены общепризнанные признаки уголовно-правовой санкции. Обоснован подход к пониманию уголовно-правовой санкции в узком и широком смысле. На основе выявленных общепризнанных признаков даны определения санкции в узком и широком смысле. Полученные выводы обладают научной новизной и значимостью, поскольку обобщают и дополняют подходы к определению уголовно-правовой санкции.

Ключевые слова: уголовное наказание, санкция, понятие санкции, элемент нормы права

Для цитирования: Простосердов М.А. О различных подходах к определению понятия «санкция» в науке уголовного права России // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 23–27. doi: 10.17223/23088451/22/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/4

ON DIFFERENT APPROACHES TO THE DEFINITION OF SANCTIONS IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Mikhail A. Prostoserdov¹

¹ Northwestern Branch of Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation, liorev@mail.ru

Abstract. The article discusses a topical and fundamental issue of criminal law – the concept of legal sanctions. The author studies social relations regulating certain types of criminal penalties within their specific limits for certain types of crimes, with the focus on the norms of the current criminal law of the Russian Federation. Drawing on the works by Nikolay Tagantsev, Anatoliy Kozlov, Ella Gustova and many others, the author identifies three main approaches to the problem: general theoretical, sectoral (criminal law), and constructivist. According to the author, a generally accepted feature of a criminal law sanction is that it includes a model of criminal law measures, which is applicable to persons who have committed a socially dangerous act and which is an assessment of the social danger of such an act. A sanction has the characteristics of a system and can be understood in a narrow and a broad sense. What makes it special in a narrow sense, as, for instance, sanction of an article in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, is that such a sanction determines the minimum by which one punishment for committing a specific crime differs from another punishment for committing a related crime. In a broad sense, a criminal legal sanction may include not only an indication of criminal punishment, but also other criminal legal consequences of committing a socially dangerous act (other measures of a criminal legal nature). The academic novelty lies in the expansion of the concept of criminal legal sanction, as well as in the summarizing the approaches to the definition of the criminal legal sanction that have developed from the beginning of the 20th century (Tagantsev) to the present (Olga Goncharova, Ella Gustova, Sergey Polyakov). Finally, the author draws the main conclusions and gives a definition of criminal legal sanctions in narrow and broad senses.

Keywords: criminal punishment, sanction, concept of sanction, element of the rule of law

For citation: Prostoserdov, M.A. (2023) On different approaches to the definition of sanctions in the criminal law of Russia. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 23–27. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/4

В науке уголовного права существует множество подходов к определению понятия уголовно-правовой санкции. Данным вопросом занимались такие авторитетные ученые, как А.А. Анисимов, А.А. Арямов, С.В. Жиляев, А.П. Козлов, Д.А. Липинский, Л.М. Морозова, И.В. Поликарпова, В.П. Силкин, М.В. Соболев и многие другие. Подходы авторов к определению уголовно-правовой санкции разнообразны, глубоки,

комплексны, но при этом разрозненны. В связи с этим определенный научный интерес вызывает исследование общепризнанных признаков уголовно-правовой санкции.

По своему содержанию уголовно-правовую санкцию в науке рассматривают с различных точек зрения. Многие ученые, в частности А. Алиханов [1. С. 10–11] и А.В. Наумов [2. С. 26–29], рассматривают санкцию как

часть либо элемент уголовно-правовой нормы. В.П. Силкин [3] рассматривает санкцию как часть статьи Особенной части УК РФ и элемент уголовно-правовой нормы отдельно. П.В. Васильев, А.П. Козлов описывают санкцию как правовое последствие поведения лица [4] либо общественно опасного деяния, преступления [5]. Э.В. Густова рассматривает санкцию, как «общеобязательное властное веление» [6]. С.В. Жилиев под санкцией понимает «облеченную в правовую форму государственную оценку характера и степени общественного деяния» [7. С. 6]. Л.Н. Кабанова указывает, что санкция – «это средство обеспечения предписаний» [8. С. 167–171]. По мнению Н.С. Таганцева, уголовно-правовая санкция – это «карательная часть уголовного закона» [9. С. 37].

Подходы (или направления) к определению уголовно-правовой санкции можно разделить по множеству критериев, например, по отраслевому критерию следует выделить общетеоретический и отраслевой (уголовно-правовой) подходы к определению уголовно-правовой санкции.

Авторы, придерживающиеся общетеоретического подхода, определяют санкцию как «часть правовой нормы, которая указывает на последствия, которые наступают в результате нарушения диспозиции данной нормы» [10. С. 212–220]. Последствие в общетеоретическом подходе понимается в широком смысле как в виде негативного воздействия, наказания [11. С. 43–50], так и в виде поощрения [12]. Приверженцы общетеоретического подхода допускают существование позитивных санкций в уголовном праве, которые предусматривают наделение субъекта правоотношения определенными благами, правами и привилегиями, как мерой поощрения за общественно-полезное поведение. Например, досрочное снятие судимости за «безупречное поведение» по ч. 5 ст. 86 УК РФ.

Отличие отраслевого (уголовно-правового) подхода от общетеоретического заключается в разнообразии отношения к последствиям, которые заключены в санкции. В частности, Н.С. Таганцев указывает, что санкция представляет собой «карательную часть уголовного закона» [9. С. 37]. При этом многие авторы раскрывают данное определение по-разному. Большинство склоняется к тому, что карательная часть санкции выражается в установлении вида и размера уголовного наказания. Данной позиции придерживаются С.А. Поляков [13], Ю.О. Гончарова [14. С. 3–6], Г.П. Новоселов [15. С. 15–19]. Некоторые авторы (например, Э.В. Густова) указывают, что помимо наказания санкция определяет и иные меры уголовно-правового характера [6].

Кроме общетеоретического и отраслевого подходов следует выделить третий, который условно можно назвать конструктивистским. Приверженцы данного подхода определяют санкцию в более широком смысле, чем те авторы, которые указывают, что санкция определяет исключительно виды и размеры наказания.

Так, А.П. Козлов описывает санкцию как «часть уголовно-правовой нормы, носящую государственно-принудительный характер и представляющую собой формально определенную объективно-субъективную

модель мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступление» [5]. Д.В. Голенко описывает санкцию как «юридическую конструкцию» [16. С. 10–14]. С аналогичной позицией выступает Д.А. Липинский, описывая санкцию как систему, поскольку «она носит сложный характер и предусматривает несколько видов наказаний» [17. С. 87–94].

На наш взгляд, определение, данное А.П. Козловым, является актуальным и в настоящее время. Кроме того, следует согласиться с Д.А. Липинским, что санкция уголовно-правовой нормы обладает признаками системы, в частности уголовно-правовая санкция обладает внутренними и внешними связями, что позволяет связать данную категорию с определенными видами наказаний, которые в ней содержатся, и преступлениями, состав которых предусмотрен в диспозиции уголовно-правовой нормы.

Многие авторы указывают, что санкция напрямую взаимосвязана с преступлением. Так, Ю.О. Гончарова пишет, что «санкция определяет вид и размер потенциально применимого наказания за совершение преступления» [14. С. 3–6]. Однако некоторые авторы избегают термина «преступление», используя при этом термин «общественно опасное деяние» [18] или «деяние, запрещенное в диспозиции правовой нормы» [19]. А. Алиханов, в частности, вообще не использует термины «преступление» или «общественно опасное деяние», указывая, что в основе санкций лежит «нарушение предусмотренных уголовным законодательством общественных отношений» [1. С. 10–11].

Представляется, что использование термина «преступление» в целом является корректным, однако в более широком смысле при определении санкции также может служить словосочетание «общественно опасное деяние, запрещенное в диспозиции правовой нормы». Термин «преступление» является строго определенным (ч. 1 ст. 14 УК РФ). При этом уголовный закон знает множество примеров деяний, не являющихся преступлением (ч. 2 ст. 14 УК РФ, ст. 37–42 УК РФ, также см. ст. 97–104.3 УК РФ). Принудительные меры медицинского характера являются правовым последствием совершения деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ (см. п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ). При этом возможны ситуации, при которых принудительные меры медицинского характера применяются за совершенные деяния, запрещенных уголовным законом, но не являющихся преступлениями, например, в силу невменяемости (см. ст. 21 УК РФ). Если считать, что в уголовно-правовую санкцию входят не только виды и размеры наказаний, но и принудительные меры медицинского характера, то корректнее, на наш взгляд, будет использование термина «общественно опасное деяние» и указание на взаимосвязь этого деяния с диспозицией уголовно-правовой нормы.

При анализе различных определений уголовно-правовой санкции также важно сказать, что санкция основана на характере и степени общественной опасности преступления. Так, С.В. Жилиев пишет, что «уголовно-правовая санкция – облеченная в правовую форму государственная оценка характера и степени общественной

опасности запрещенного уголовным законом деяния» [7. С. 6]. О прямой взаимосвязи общественной опасности деяния и уголовно-правовой санкции также писали Э.В. Густова, В.П.Силкин и многие другие.

На наш взгляд, данная позиция является верной. Согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления. Санкция норм Особенной части УК РФ учитывает виды и пределы наказаний, предусмотренные за совершение конкретных видов преступлений, следовательно, санкция должна отражать характер и степень общественной опасности конкретного вида преступления. Отсутствие четких пределов либо наличие слишком широких пределов размывает определение характера и степени общественной опасности преступления, что излишне увеличивает судебское усмотрение (которое является субъективным критерием) и оказывает негативное влияние на назначение справедливого наказания. Как верно указывает И.В. Поликарпова, «санкция статьи определяет и указывает пределы наказуемости деяния, а также судебного усмотрения» [20. С. 146].

В частности, наличие в уголовном законе санкций такого типа, как «наказывается лишением свободы на срок до двадцати лет» (ч. 1 ст. 356 УК РФ), можно упростить до «наказывается лишением свободы», поскольку указанная санкция не предусматривает специального нижнего предела наказания, а верхний предел достиг максимума, предусмотренного ч. 2 ст. 56 УК РФ. Положения Общей части уголовного закона, конечно, могут конкретизировать данную санкцию, например, при совершении этого преступления несовершеннолетним, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, при рецидиве преступлений и т.д., но судебское усмотрение в каждом конкретном случае будет иметь колоссальное значение.

Уголовно-правовые санкции, на наш взгляд, должны быть четко определены, взаимосвязаны с деянием, установленным в диспозиции правовой нормы, а также все уголовно-правовые санкции должны быть взаимосвязаны между собой, и только тогда санкция будет представлять собой облеченное в правовую форму оценку общественной опасности деяния.

Отдельно, на наш взгляд, следует остановиться на подходе к определению санкции в уголовном праве В.П. Силкиным: автор разделяет санкцию как часть статьи Особенной части УК РФ и как элемент уголовно-правовой нормы, включающий в себя не только санкцию статьи Особенной части УК РФ, но и конкретизирующие ее положения статей Общей части уголовного закона [3]. Данный подход крайне важен, поскольку он позволяет проанализировать санкцию в разных масштабах.

Как часть отдельной статьи Особенной части уголовного закона, санкция может включать в себя указания на конкретные виды уголовных наказаний и конкретные пределы таких наказаний, установленных за совершение определенного вида преступления. Однако

применение положений Особенной части УК РФ невозможно без учета положений Общей части уголовного закона, в которых могут быть установлены, например, дополнительные наказания, которые не указываются в санкции норм Особенной части из-за особенности юридической техники (ст. 48 УК РФ), иные правовые последствия, такие как конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ), судимость (ст. 86 УК РФ) и т.д.

Как верно указывает В.П. Силкин, санкция статьи Особенной части УК РФ – это «только контуры того наказания, которое может быть назначено виновному за совершенное преступление, а более конкретное наполнение имеет лишь санкция уголовно-правовой нормы» [3] в более широком смысле. С аналогичной позицией выступают Н.Н. Дерюга и А.Н. Дерюга: содержание санкции нормы Особенной части УК РФ «формирует коридор предельно допустимых размеров... наказаний, их видов, за рамки которого можно выйти лишь в особых случаях, установленных законом» [21. С. 4–10].

Определение санкции в узком и в широком смысле напрямую зависит от определения уголовно-правовой нормы. Если уголовно-правовую норму понимать узко, лишь в рамках статьи Особенной части УК РФ, то санкция также будет пониматься в узком смысле, как часть этой статьи, содержащей конкретное наказание за совершение конкретного преступления.

Данный подход к определению санкции позволяет определить тот минимум, которым одно наказание за совершение конкретного преступления будет отличаться от другого наказания, установленного за совершение, например, смежного преступления. Именно в этом виде санкция будет указываться в тексте любого уголовного закона.

Если уголовно-правовую норму понимать более широко, то и санкция такой нормы будет толковаться куда шире, чем санкция отдельно взятой статьи Особенной части УК РФ [22]. Такая санкция будет включать не только наказания, указанные в положениях Особенной части УК РФ, но и наказания, указанные в положениях Общей части УК РФ. Пределы наказания в таких санкциях будут регулироваться также с учетом положений Общей части УК РФ применительно к конкретному преступлению.

Данный подход к определению санкций позволяет отграничить наказания, устанавливаемые за совершение отдельных групп преступлений, определить, сколько видов наказаний может быть установлено, например, за совершение тяжких преступлений, какие это должны быть наказания и в каких пределах они должны быть установлены. На этом уровне санкции могут отличаться и в зависимости от личности виновного, например санкции преступлений для несовершеннолетних или для инвалидов и т.д. Подобный масштаб позволяет выявить возможные пробелы в праве, те белые пятна, которые не урегулированы действующими положениями.

Основываясь на вышесказанном, можно сделать следующие выводы:

1. В науке уголовного права сформировалось несколько подходов определения уголовно-правой

санкции. К наиболее распространенным подходам можно отнести общетеоретический, отраслевой (уголовно-правовой), конструктивистский.

2. Уголовно-правовая санкция как модель мер уголовно-правового воздействия, применимых к лицам, совершившим общественно опасное деяние, являющаяся оценкой общественной опасности такого деяния, обладает признаками системы и может пониматься как в узком, так и в широком смысле.

3. В узком смысле санкция является частью статьи Особенной части уголовного закона, предусматривающей конкретные виды и конкретные пределы наказания,

установленные за совершение общественно опасного деяния, запрещенного диспозицией такой статьи.

4. В широком смысле уголовно-правовая санкция – это элемент уголовно-правовой нормы, представляющей систему мер государственного принуждения в предусмотренных уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод виновного, а также в иных уголовно-правовых последствиях совершенного общественно опасного деяния, запрещенного диспозицией уголовно-правовой нормы, применяемой для обеспечения основных задач уголовного закона и являющейся оценкой общественной опасности такого деяния.

Список источников

1. Аликханов А. Понятие и виды санкций в уголовном праве Российской Федерации // *Colloquium-journal*. 2019. № 28-10 (52). С. 10–11.
2. Наумов А.В. Санкции уголовно-правовых норм и квалификация преступлений // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. 2016. № 4 (54). С. 26–29.
3. Силкин В.П. Уголовно-правовые санкции за преступления против собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 25 с.
4. Васильев П.В. Автоматические санкции в российском праве: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2014. 35 с.
5. Козлов А.П. Механизм построения уголовно-правовых санкций : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 38 с.
6. Густова Э.В. Построение санкций в уголовном праве Российской Федерации: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 30 с.
7. Жильев С.В. Кумулятивные санкции в уголовном праве России и зарубежных стран : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. 21 с.
8. Кабанова Л.Н. К вопросу о соотношении понятий «санкция» и «наказание» // *Государственно-правовые исследования*. 2018. № 1. С. 167–171.
9. Тазанцев Н.С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. СПб., 1902. Т. 1. 819 с.
10. Казимов З.И. Уголовно-правовые санкции за преступления, совершаемые отдельными категориями лиц // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 10 (74). С. 212–220.
11. Родионова А.С. К вопросу о понятии и функциональной природе санкций норм российского права // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2020. № 2 (133). С. 43–50.
12. Дьяченко Е.В. Поощрения как позитивные санкции нормы права (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 31 с.
13. Поляков С.А. Санкции в уголовном законодательстве: историко-правовой аспект. 3-е изд. Новосибирск : Академиздат, 2020. 126 с.
14. Гончарова Ю.О. Санкции как элемент уголовно-правовой нормы: понятие, виды, техника построения // *Юридический факт*. 2020. № 91. С. 3–6.
15. Новоселов Г.П. Уголовно-правовая норма: понятие, содержание и структура // *Российское право: образование, практика, наука*. 2015. № 6 (90). С. 15–19.
16. Голенко Д.В. К вопросу о санкциях статей уголовного закона // *Общество и право*. 2020. № 3 (73). С. 10–14.
17. Литинский Д.А. К вопросу о конструкциях альтернативных санкций в уголовном праве // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2018. № 3 (45). С. 87–94.
18. Рыбина А.В. Проблемы построения санкций и эффективность их применения за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 26 с.
19. Чепуров В.В. Построение санкций за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (законодательный и теоретический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 22 с.
20. Поликарпова И.В. Уголовная политика России в отношении посягательств на здоровье и ее влияние на квалификацию преступлений: на примере ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 258 с.
21. Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Правовой контур административной пенеологии: проблемы современного состояния // *Административное право и процесс*. 2018. № 2. С. 4–10.
22. Протосердов М.А. Система санкций Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: анализ, проблемы, пути решений. М. : Российский государственный университет правосудия, 2020. 340 с.

References

1. Alikhanov, A. (2019) Ponyatie i vidy sanktsiy v ugovnom prave Rossiyskoy Federatsii [The concept and types of sanctions in the criminal law of the Russian Federation]. *Colloquium-journal*. 28-10 (52). pp. 10–11.
2. Naumov, A.V. (2016) Sanktsii ugovno-pravovykh norm i kvalifikatsiya prestupleniy [Sanctions of criminal law and qualification of crimes]. *Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii*. 4 (54). pp. 26–29.
3. Silkin, V.P. (2004) *Ugovno-pravovye sanktsii za prestupleniya protiv sobstvennosti* [Criminal Legal Sanctions for Crimes Against Property]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.

4. Vasiliev, P.V. (2014) *Avtomaticheskie sanktsii v rossiyskom prave: teoriya, praktika, tekhnika* [Automatic sanctions in Russian law: Theory, practice, technology]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
5. Kozlov, A.P. (1991) *Mekhanizm postroeniya ugovolno-pravovykh sanktsiy* [A mechanism for constructing criminal legal sanctions]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
6. Gustova, E.V. (2015) *Postroenie sanktsiy v ugovolnom prave Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskiy aspekt* [Construction of sanctions in the criminal law of the Russian Federation: A theoretical aspect]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
7. Zhilyaev, S.V. (2000) *Kumulyativnye sanktsii v ugovolnom prave Rossii i zarubezhnykh stran* [Cumulative sanctions in criminal law of Russia and foreign countries]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
8. Kabanova, L.N. (2018) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy “sanktsiya” i “nakazanie” [On the correlation between the concepts of “sanction” and “punishment”]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya*. 1. pp. 167–171.
9. Tagantsev, N.S. (1902) *Russkoe ugovolnoe pravo: lektzii. Chast' obshchaya* [Russian criminal law: Lectures. General part]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
10. Kazimov, Z.I. (2020) Criminal legal sanctions for crimes committed by specific categories of persons. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 10 (74). pp. 212–220. (In Russian). doi: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.212-220
11. Rodionova, A.S. (2020) K voprosu o ponyatii i funktsional'noy prirode sanktsiy norm rossiyskogo prava [On the concept and functional nature of sanctions in Russian law]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2 (133). pp. 43–50.
12. Dyachenko, E.V. (2011) *Pooshchreniya kak pozitivnye sanktsii normy prava (obshcheteoreticheskiy aspekt)* [Incentives as positive sanctions of the rule of law (general theoretical aspect)]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
13. Polyakov, S.A. (2020) *Sanktsii v ugovolnom zakonodatel'stve: istoriko-pravovoy aspekt* [Sanctions in criminal law: A historical and legal aspect]. 3rd ed. Novosibirsk: Akademizdat.
14. Goncharova, Yu.O. (2020) Sanktsii kak element ugovolno-pravovoy normy: ponyatie, vidy, tekhnika postroeniya [Sanctions as an element of criminal law: A concept, types, construction technique]. *Yuridicheskiy fakt*. 91. pp. 3–6.
15. Novoselov, G.P. (2015) Ugovolno-pravovaya norma: ponyatie, sodержание i struktura [Criminal law norm: A concept, content, and structure]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 6 (90). pp. 15–19.
16. Golenko, D.V. (2020) K voprosu o sanktsiyakh stately ugovolnogo zakona [On sanctions in articles of criminal law]. *Obshchestvo i pravo*. 3 (73). pp. 10–14.
17. Lipinskiy, D.A. (2018) K voprosu o konstruksiyakh al'ternativnykh sanktsiy v ugovolnom prave [On the construction of alternative sanctions in criminal law]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 3 (45). pp. 87–94.
18. Rybina, A.V. (2005) *Problemy postroeniya sanktsiy i effektivnost' ikh primeneniya za prestupleniya, svyazannye s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv ili ikh analogov* [Problems of constructing sanctions and the effectiveness of their application for crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
19. Chepurov, V.V. (2016) *Postroenie sanktsiy za prestupleniya protiv polovoy neprikosновенности i polovoy svobody lichnosti (zakonodatel'nyy i teoreticheskiy aspekty)* [Construction of sanctions for crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual (a legislative and theoretical aspects)]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
20. Alikhanov, A. (2019) Ponyatie i vidy sanktsiy v ugovolnom prave Rossiyskoy Federatsii [The concept and types of sanctions in the criminal law of the Russian Federation]. *Colloquium-journal*. 28-10 (52). pp. 10–11.
21. Polikarpova, I.V. (2008) *Ugovolnaya politika Rossii v otnoshenii posyagatel'stv na zdorov'e i ee vliyaniye na kvalifikatsiyu prestupleniy: na primere otvetstvennosti za umyshlennoye prichineniye tyazhkogo vreda zdorov'yu* [Russian criminal policy regarding attacks on health and its impact on the qualification of crimes: Liability for intentional infliction of grievous harm to health]. Law Cand. Diss. Saratov.
22. Deryuga, N.N. & Deryuga, A.N. (2018) Pravovoy kontur administrativnoy penologii: problemy sovremennogo sostoyaniya [Legal outline of administrative penology: Problems of the current state]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 2. pp. 4–10.
23. Prostoserdov, M.A. (2020) *Sistema sanktsiy Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: analiz, problemy, puti resheniy* [The system of sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation: Analysis, problems, solutions]. Moscow: Russian State University of Justice.

Информация об авторе:

Простосердов М.А. – доцент, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия (Москва, Россия). E-mail: prosto_m_alex@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.A. Prostoserdov, Cand. Sci. (Law), docent, deputy head of the Department of Criminal Law, Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: prosto_m_alex@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.05.2023;
одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 15.05.2023;
approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.847

doi: 10.17223/23088451/22/5

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Александра Сергеевна Скороходова¹

¹ *Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, IPKR.Skorokhodova@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы применения условного осуждения к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте. Анализируется практика назначения и исполнения условного осуждения в отношении несовершеннолетних лиц, свидетельствующая об избыточном применении данной уголовно-правовой меры. Предлагаются пути совершенствования института условного осуждения, направленные на ограничение практики его чрезмерно широкого применения, в том числе в отношении несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: наказание, иные меры уголовно-правового характера, условное осуждение, несовершеннолетние

Для цитирования: Скороходова А.С. Условное осуждение несовершеннолетних: вопросы правоприменения // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 28–34. doi: 10.17223/23088451/22/5

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/5

PROBATION FOR MINORS: ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

Aleksandra S. Skorokhodova¹

¹ *Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, IPKR.Skorokhodova@yandex.ru*

Abstract. The article discusses some issues of applying probation to persons who committed crimes as minors. A humane approach to sentencing minors for committing crimes is confirmed by statistics from 2009 to the present. According to the data, among all types of punishments and legal measures imposed on minors from 2019 to 2022, the share of probation makes more than 50%. The author agrees with the penitentiary Vasily Utkin and Andrey Zvonov, who claim that a frequent application of probation is excessive and indicative of an imbalance in the sentencing system. The article raises the question whether this imbalance is justified, since it may be caused by the extremely high effectiveness of probation for correcting the convict. To assess its effectiveness, the author considers statistical indicators for 2019–2022, including the number of probationers who violated the order and conditions of probation, the number of probationers who committed a repeated crime during their probation. The above-mentioned indicators were compared with other most frequently applied punishments not related to confinement, such as compulsory labour, correctional labour, and restriction of freedom. The results clearly demonstrate that, according to most indicators, probation is less effective than other punishments alternative to imprisonment. It is concluded that probation is so widely used not due to its high effectiveness for criminal punishment and other measures of criminal legal nature, but due to the lack of restrictions on the court especially in relation to minors. To solve the problem of excessive use of probation by courts, the author proposes to make a number of changes to the legislative regulation of the procedure for its application. The proposed changes should lead to a more justified and deliberate application of probation by courts, as well as to the expanded practice of imposing other punishments and legal measures that are not related to confinement, which will contribute to the consistent implementation of the principles of individualization and differentiation of criminal punishment.

Keywords: punishment, other measures of a criminal legal nature, probation, minors

For citation: Skorokhodova, A.S. (2023) Probation for minors: Issues of law enforcement. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 21. pp. 28–34. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/21/5

Подростковая преступность является одной из наиболее острых проблем современного общества, сочетая в себе, с одной стороны, высокий уровень жестокости и порой циничности совершаемых преступлений и, с другой стороны, мягкость назначаемых подросткам наказаний и мер уголовно-правового характера.

В различные периоды становления и развития уголовно-исполнительного (исправительно-трудового)

права в России применялись разные подходы к назначению наказаний несовершеннолетним. Так, в дореволюционной России нормы о наказаниях несовершеннолетних распространялись на лиц в возрасте от 10 до 21 года, ограничивался верхний предел наказания, а также сам перечень наказаний, который мог применяться к данной категории; действовали правила замены уголовных наказаний на помещение в монастыри, приюты, воспитательно-

исправительные учреждения [1]. Советским уголовным законодательством были пересмотрены возрастные границы несовершеннолетия до пределов, аналогичных современным (от 14 до 18 лет), при этом подходы к назначению наказания варьировались от практически полной замены уголовных наказаний мерами воспитательного воздействия в 1920-х гг. до существенного ужесточения наказаний в 1930–1940 гг. [2].

Современное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство демонстрирует в высшей степени гуманный подход к назначению несовершеннолетним наказания за совершение преступлений и общественно опасных деяний. Так, для данной категории правонарушителей предусмотрен специальный порядок назначения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, сформулированный в разделе УК РФ «Уголовная ответственность несовершеннолетних»; перечень наказаний, назначаемых несовершеннолетним, содержит всего 6 видов, в то время как аналогичный «взрослый» перечень включает 13 видов; сроки наказаний, сроки давности и сроки погашения судимости для несовершеннолетних сокращены; преступления, совершенные в возрасте до 18 лет, не учитываются при определении рецидива преступлений; срок подачи ходатайства об условно-досрочном освобождении у несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, наступает раньше, чем у взрослых осужденных. Более того, в отношении несовершеннолетних предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия; подобная возможность не предусмотрена ни для одной другой категории правонарушителей.

Вопросы применения к несовершеннолетним наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, неоднократно становились предметом обсуждения ведущих ученых-пенитенциаристов. Так, Л.М. Прокументов и Н.В. Ольховик отмечают, что действующее уголовное законодательство, устанавливая особые правила назначения несовершеннолетним наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества, не учитывает их возрастные особенности и криминологическую характеристику [3].

Ю.А. Головастова, Л.В. Карханина также указывают на необходимость учета личности несовершеннолетнего осужденного, подчеркивая, что, будучи объектом специального воспитательного и профилактического воздействия, обусловленного его возрастными особенностями, а также видом назначенного наказания или иной меры уголовно-правового характера, он нуждается в комплексном изучении его личности [4].

Помимо специальных норм УК РФ, предписывающих более мягкий, чем для взрослых, порядок назначения наказания, суды при вынесении приговора в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, руководствуются п. 17 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания

несовершеннолетних», в соответствии с которым «наказание несовершеннолетнему в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения».

Статистические данные Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за последние годы свидетельствуют как о последовательном снижении общего количества осужденных несовершеннолетних, так и об уменьшении числа приговоренных к лишению свободы [5] (рис. 1).

На момент написания данной статьи официальные статистические данные о состоянии судимости в России за 2022 г. еще не были опубликованы, однако, как сообщил председатель Верховного суда РФ В.М. Лебедев 14 февраля 2023 г. на совещании председателей республиканских, краевых, областных, арбитражных и военных судов по итогам работы судебной системы страны в 2022 г. с участием Президента России, в отношении несовершеннолетних рассмотрено 19,3 тыс. уголовных дел, осуждено 14,6 тыс. лиц, реальное лишение свободы назначено 2,3 тыс. лицам [6], что свидетельствует о продолжающейся динамике снижения количества осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте, в том числе приговоренных к реальному лишению свободы.

В настоящее время привлечение несовершеннолетних к уголовной ответственности реализуется в подавляющем большинстве случаев посредством назначения альтернативных лишению свободы наказаний (обязательных и исправительных работ, ограничения свободы) либо иных мер уголовно-правового воздействия (условного осуждения, принудительных мер воспитательного воздействия, помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа). Данные о видах наказаний, назначаемых осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, представлены в табл. 1.

Анализ приведенных данных показывает, что реальное лишение свободы назначается в среднем 15–16% осужденных несовершеннолетних, в остальных случаях либо избираются наказания и иные меры, не связанные с изоляцией осужденных от общества, либо подсудимые и вовсе освобождаются от уголовной ответственности.

Безусловно, такой гуманный подход к назначению несовершеннолетним наказания обусловлен их социально-психологическими особенностями: помещение в криминальную среду мест принудительного содержания способно нанести немалый вред еще не до конца сформировавшейся личности подростка, отрицательно сказаться на его социальных связях, а также таких сферах общественной жизни, как образование, творческое и физическое развитие. Поэтому для достижения цели исправления осужденных к несовершеннолетним более целесообразно применять превентивные, нежели карательные меры.

Однако, несмотря на очевидные преимущества гуманной уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, существует и другая сторона медали.

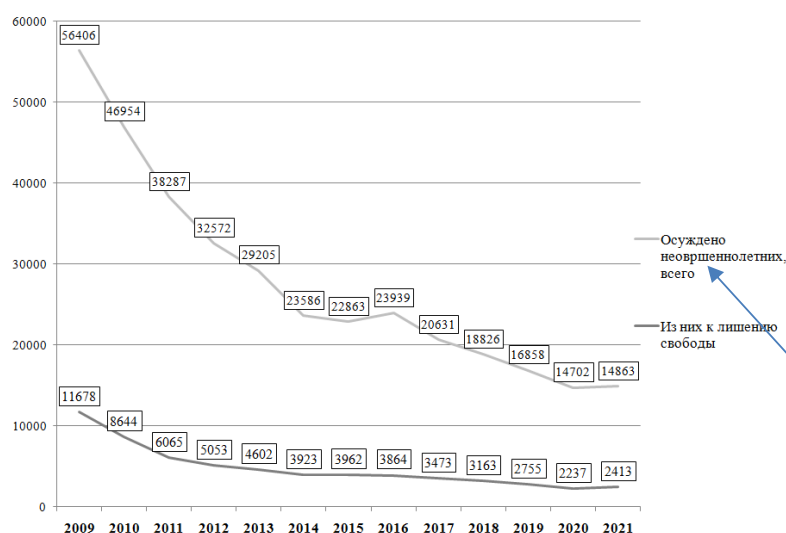

Рис. 1. Данные об осужденных за совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте, в том числе к лишению свободы, за период 2009–2021 гг.

Т а б л и ц а 1

Данные о видах наказаний, назначаемых осужденным, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, за период 2018 – I кв. 2022 г.

Показатель \ Отчетный период		2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	I кв. 2022 г.
Всего осуждено несовершеннолетних		18 826	16 858	14 702	14 863	4 703
Лишение свободы на определенный срок		3 163	2 755	2 237	2 413	1 184
Исправительные работы		248	182	212	203	103
Обязательные работы		4 205	3 706	2 919	2 615	1 206
Штраф (как основной вид наказания)		1 809	1 573	1 462	1 490	670
Условное осуждение к лишению свободы		7 244	6 350	5 790	5 791	2 661
Условное осуждение к иным видам наказаний		280	208	511	158	77
Иные виды наказания		663	636	201	503	201
Освобождено осужденных от наказания по приговору или наказание не назначалось		1 214	1 448	1 368	1 690	910
Из них	Помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа	301	291	227	206	90
	Применены принудительные меры воспитательного воздействия	658	705	564	532	267

Обратимся еще раз к приведенной выше статистике: из всех несовершеннолетних, которым было назначено наказание или иные меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией от общества, доля условно осужденных составила в среднем 53,8%. Статистические данные ФСИН России о лицах, состоящих на учетах уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) [7], демонстрируют еще больший «перекосяк» в сторону условного осуждения (табл. 2).

Стабильно высокий процент условно осужденных наблюдается не только среди несовершеннолетних, но и среди взрослых подучетных УИИ (в 2019 г. – 48,1%, в 2020 г. – 47,7%, в 2021 г. – 47,8%, в 2022 г. – 44,8 % от общего количества).

Рассматривая тенденции применения альтернативных лишению свободы уголовных санкций в России за период с 2008 по 2012 г., В.А. Уткин указывал на чрезмерно высокую долю условного осуждения в судебной практике (до 40% взрослых осужденных и до 50% несовершеннолетних) [8].

А.В. Звонков, проводя аналогичные изыскания за период с 2003 по 2017 г., также отмечал дисбаланс

системы уголовных наказаний, вызванный негативной тенденцией закрепления практики применения фактически всего одной меры уголовно-правового характера – условного осуждения [9].

Возникает вопрос, в чем причина такой «популярности» условного осуждения? Обусловлена ли она высокой эффективностью в достижении целей наказания, особенно в отношении несовершеннолетних, коль скоро их подавляющее большинство осуждено условно?

Для начала обратимся к формальным основаниям назначения несовершеннолетним условного осуждения. По общим правилам ст. 73 УК РФ максимальный срок лишения свободы, при котором может быть назначено условное осуждение, составляет 8 лет. В соответствии со ст. 88 УК РФ наказание в виде лишения свободы назначается несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления в возрасте до шестнадцати лет, на срок не свыше 6 лет; этой же категории несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также остальным несовершеннолетним осужденным наказание назначается на срок не свыше 10 лет; при назначении несовершеннолетнему лишения свободы за совершение тяжкого

либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, сокращается наполовину. Поскольку низший предел устанавливается только для категории особо тяжких преступлений, получается, что условное осуждение не может быть назначено несовершеннолетним

только в случаях, если санкция статьи предусматривает наказание от 16 лет лишения свободы и выше, в остальных случаях суд может назначить условное осуждение. Кроме того, ст. 64 УК РФ дает суду право при наличии исключительных обстоятельств назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление.

Таблица 2

Сведения о несовершеннолетних осужденных, состоявших на учетах УИИ ФСИН России в 2019–2022 гг.

Показатель	Отчетный период							
	2019 г.	% от общего количества несовершеннолетних	2020 г.	% от общего количества несовершеннолетних	2021 г.	% от общего количества несовершеннолетних	2022 г.	% от общего количества несовершеннолетних
Всего несовершеннолетних	14 469		12 284		11 005		9 783	
Условно осужденные	9 655	66,7	8 462	68,9	7 737	70,3	6 698	68,5
Осужденные к обязательным работам	3 743	25,9	2 920	23,8	2 466	22,4	2 224	22,7
Осужденные к ограничению свободы	796	5,5	674	5,5	575	5,2	567	5,8
Осужденные к исправительным работам	164	1,1	151	1,2	138	1,3	123	1,3
Осужденные к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	82	0,6	69	0,6	75	0,7	85	0,9
Осужденные с отсрочкой отбывания наказания в соответствии со ст. 82 УК РФ	28	0,2	7	0,06	11	0,1	6	0,06
Осужденные к штрафу, а также отбывшие иное основное наказание, имеющие обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию в соотв. со ст. 72.1 УК РФ	1	0,001	1	0,001	3	0,03	4	0,04
Условно-досрочно освобожденные	–	0	–	0	0	0	76	0,8
Осужденные с отсрочкой отбывания наказания в соответствии со ст. 82.1 УК РФ	0	0	0	0	0	0	0	0

В соответствии с ч. 1 ст. 73 УК РФ, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, он постановляет считать назначенное наказание условным. Перечень критериев, в соответствии с которыми суд может прийти к такому выводу, в уголовном законе отсутствует; как показывает анализ приговоров к условному осуждению, в качестве таковых судом приводятся любые смягчающие наказание обстоятельства, предусмотренные ст. 62 УК РФ.

Получается, что суд практически не ограничен в назначении несовершеннолетним условного осуждения, о чем позволяют судить и приведенные выше количественные показатели. Значит ли это, что данная уголовно-правовая мера универсальна и наиболее эффективна для достижения целей наказания?

В соответствии со ст. 43 УК РФ, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Не вдаваясь в рассмотрение цели восстановления социальной справедливости при назначении несовершеннолетним условного осуждения, поскольку эта категория носит скорее оценочный характер, рассмотрим цели исправления осужденных и предупреждения повторных преступлений, тем более что эти же цели ставит перед собой уголовно-исполнительное законодательство (ч. 1 ст. 1 УИК РФ).

Ст. 9 УИК РФ содержит легальное определение исправления осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Одним из

формальных показателей исправления при исполнении наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы, выступают правомерное поведение осужденного и надлежащее исполнение возложенных на него обязанностей [10]. Тем не менее статистические данные ФСИН России [7] свидетельствуют о том, что более трети условно осужденных, прошедших по учетам УИИ, допускали нарушения порядка и условий отбывания условного осуждения. Цель предупреждения повторных преступлений при условном осуждении также не достигается в полной мере, поскольку более 5% осужденных совершают повторные преступления после постановки на учет УИИ (табл. 3).

Более высокий уровень повторной преступности условно осужденных несовершеннолетних, на наш взгляд, обусловлен тем, что, в соответствии с ч. 6.2 ст. 88 УК РФ, в случае, если несовершеннолетний, которому назначено условное осуждение, совершил в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок. Опрос сотрудников УИИ, проходящих обучение в ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, показал, что на практике нередки случаи, когда в отношении одного несовершеннолетнего осужденного два и более приговора к условной мере наказания исполняются самостоятельно. По нашему мнению, указанное положение уголовного закона не только не способствует достижению цели предупреждения повторных преступлений, но и препятствует ей.

Сведения об условно осужденных, допустивших нарушения требований приговора суда, за период 2019–2022 гг.

Показатель		2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.	
		Всего осужденных	Из них несовершеннолетних	Всего осужденных	Всего осужденных	Всего осужденных	Всего осужденных	Всего осужденных	Всего осужденных
Численность условно осужденных, состоявших на учете УИИ		482 741	9 655	449 475	8 462	445 701	7 737	445 618	6 698
Из них	Допускавших нарушения порядка и условий отбывания условного осуждения	203 712 (42,2%)	3 339 (34,6%)	176 714 (39,3%)	2 710 (32%)	179 571 (40,3%)	2 573 (33,2%)	179 920 (40,4%)	2 095 (31,3%)
	В отношении которых возбуждены уголовные дела за совершение повторного преступления после постановки на учет УИИ	26 927 (5,6%)	674 (7%)	25 283 (5,6%)	532 (6,3%)	26 542 (5,6%)	488 (7,3%)	24 534 (5,4%)	464 (6%)

Рассмотрим показатели эффективности условного осуждения в сравнении с тремя наиболее часто назначаемыми наказаниями, не связанными с лишением свободы, – обязательными работами, исправительными работами и ограничением свободы. Быть может, достижение более высоких показателей для осужденных без изоляции от общества в принципе невозможно или наказания еще менее эффективны, чем условное осуждение? Результаты анализа статистических данных ФСИН России представлены на диаграммах (рис. 2, 3).

Очевидно, что по большинству показателей условное осуждение «проигрывает» наказаниям, исключением является лишь более высокая доля нарушителей порядка и условия отбывания наказания в виде исправительных работ, что связано скорее с содержанием самого наказания, чем с его исправительным воздействием на осужденных.

Таким образом, результаты столь широкого применения условного осуждения позволяют судить о том, что оно назначается не благодаря его высокой эффективности в достижении целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, а благодаря отсутствию у суда ограничений при его назначении, особенно в отношении несовершеннолетних осужденных.

Не согласимся с авторами, предлагающими упразднить условное осуждение, чтобы прекратить практику его необоснованного применения судами [11]; тем не менее необходимо признать, что эту практику необходимо ограничить.

Решение проблемы видится в изменении законодательного регулирования порядка назначения условного осуждения. Во-первых, для всех категорий осужденных представляется необходимым сократить максимальный срок наказания в виде лишения свободы, который может быть назначен условно, с 8 до 5 лет, так как если с учетом всех смягчающих и отягчающих обстоятельств суд приходит к выводу о необходимости назначения подсудимому лишения свободы на срок более 5 лет, его исправление без изоляции от общества, скорее всего, крайне маловероятно.

Во-вторых, для исключения возможности назначения несовершеннолетним условного осуждения за наиболее тяжкие преступления предлагается изложить п. 6.1 ст. 88 УК РФ в следующей редакции: «При назначении несовершеннолетнему осужденному наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, сокращается наполовину, *кроме случаев, когда наказание назначается условно*» (выделено мной. – А.С.).

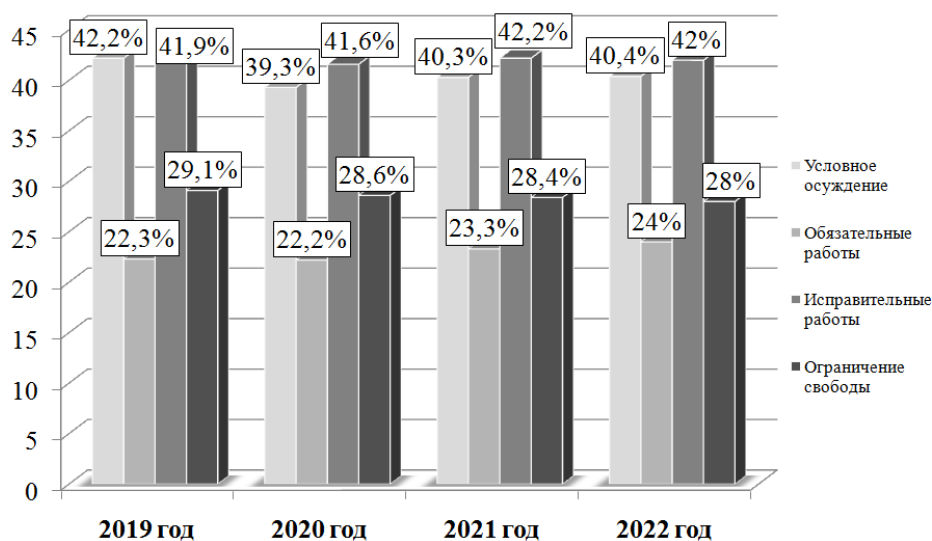

Рис. 2. Доля осужденных, допустивших нарушения порядка и условий отбывания наказания, из числа прошедших по учетам УИИ в 2019–2022 гг.

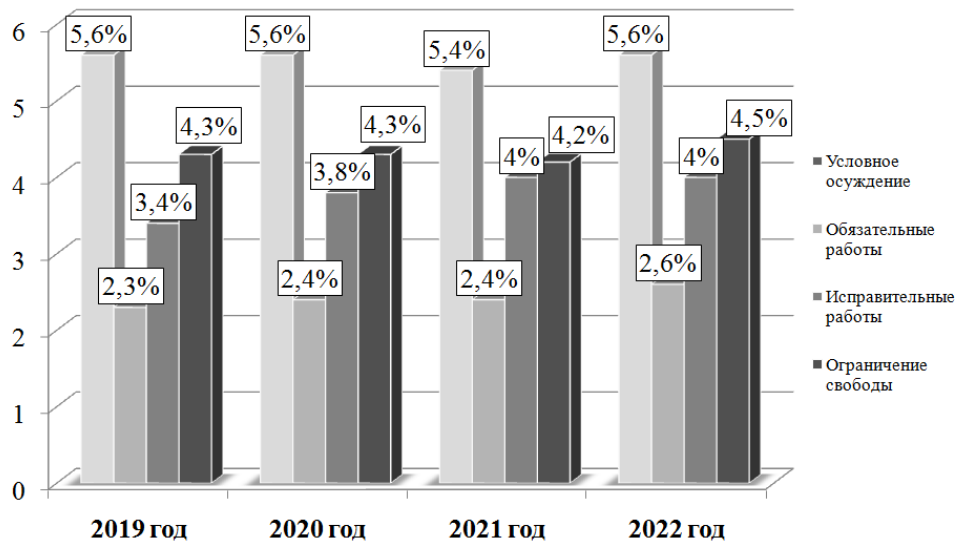

Рис. 3. Доля осужденных, совершивших повторное преступление после постановки на учет УИИ, из числа прошедших по учетам в 2019–2022 гг.

В-третьих, необходимо ограничить возможности практически бесконечного назначения несовершеннолетним условного осуждения в случае совершения повторного преступления в период испытательного срока, дополнив п. 6.2 ст. 88 УК РФ следующим положением: «В случае совершения второго и последующего повторных преступлений в период испытательного срока наказание несовершеннолетнему назначается в порядке части четвертой и части пятой статьи 74 настоящего Кодекса».

В-четвертых, для всех категорий осужденных в ч. 1 ст. 73 УК РФ необходимо определить условия, при соблюдении хотя бы одного из которых суд может прийти к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания, причем эти условия не должны дублировать обстоятельства, смягчающие наказание. К таковым возможно отнести наличие у

осужденного постоянного места жительства и работы (учебы), стойких социальных связей; поручительство лиц, которые могут оказать на условно осужденного положительное влияние в период испытательного срока; добровольное желание пройти курс лечения от алкоголизма и (или) наркомании, а также иные факторы, свидетельствующие о стремлении осужденного к исправлению.

Предлагаемые изменения, на наш взгляд, приведут к более обоснованному и обдуманному назначению судами условного осуждения, а также позволят расширить практику назначения других наказаний и мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией осужденных от общества, что будет способствовать последовательной реализации принципов индивидуализации и дифференциации уголовного наказания.

Список источников

- Новиков Р.В. Назначение наказания несовершеннолетним в современных условиях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.
- Зорькина А.А. Некоторые особенности советского законодательства об ответственности несовершеннолетних // Символ науки: международный научный журнал. 2017. Т. 1, № 3. С. 191–194.
- Прокументов Л.М., Ольховик Н.В. Проблемы и перспективы применения альтернатив лишения свободы к несовершеннолетним // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 123–132.
- Головастова Ю.А., Карханина Л.В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних осужденных // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 2 (48). С. 42–48.
- Статистические данные «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (дата обращения: 13.04.2023).
- Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70510> (дата обращения: 13.04.2023).
- Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций за IV квартал 2019–2022 гг. (форма ФСИН-1, раздел 15). Доступ из АИС «Статистика УИС».
- Уткин В.А. Тенденции применения альтернативных санкций в России // Уголовная юстиция. 2013. № 1 (1). С. 75–80.
- Звонов А.В. Реализуемость уголовных наказаний в практической деятельности судов: аналитический обзор // Вестник Самарского юридического института. 2019. № 1 (32). С. 51–57.
- Медведев Е.В. Функциональные и содержательные различия наказания и иных мер уголовно-правового характера // Адвокатская практика. 2021. № 4. С. 45–50.
- Петров С.А. Необходим ли институт условного осуждения? // Законность. 2022. № 7 (1053). С. 46–50.

References

1. Novikov, R.V. (2010) *Naznachenie nakazaniya nesovershennoletnim v sovremennykh usloviyakh* [Imposing punishment for minors in modern conditions]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Zorkina, A.A. (2017) Nekotorye osobennosti sovetskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti nesovershennoletnikh [Some features of Soviet legislation on the liability of minors]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 1 (3). pp. 191–194.
3. Prozumentov, L.M. & Olkhovik, N.V. (2019) Problems and prospects for the use of alternatives to imprisonment for minors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 31. pp. 123–132. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/31/11
4. Golovastova, Yu.A. & Karkhanina, L.V. (2022) Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Criminological characteristics of the personality of juvenile convicts]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2 (48). pp. 42–48.
5. Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Statisticheskie dannye "Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste"* [Statistical data "Report on convicts who committed crimes as minors"]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7069> (Accessed: 13.04.2023).
6. Russian Federation. (n.d.) *Soveshchanie sudey sudov obshchey yurisdiksiy, voennykh i arbitrazhnykh sudov* [Meeting of judges of courts of general jurisdiction, military, and arbitration courts]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70510> (Accessed: 13.04.2023).
7. Russian Federation. (n.d.) *Svedeniya o deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'nykh inspeksiy za IV kvartal 2019–2022 gg. (forma FSIN-1, razdel 15)* [Information on the activities of penal inspections for the fourth quarter of 2019–2022 (Form FSIN-1, Section 15)]. [Online] Available from: Statistika UIS.
8. Utkin, V.A. (2013) Trends in the application of alternative sanctions in Russia. *Ugovovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (1). pp. 75–80. (In Russian).
9. Zvonov, A.V. (2019) Realizuemost' ugovovnykh nakazaniy v prakticheskoy deyatel'nosti sudov: analiticheskiy obzor [The feasibility of criminal penalties in the practical activities of courts: An analytical review]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (32). pp. 51–57.
10. Medvedev, E.V. (2021) Funktsional'nye i soderzhatel'nye razlichiya nakazaniya i inykh mer ugovovno-pravovogo kharaktera [Functional and substantive differences in punishment and other measures of a criminal law nature]. *Advokatskaya praktika*. 4. pp. 45–50.
11. Petrov, S.A. (2022) Neobkhodim li institut uslovnogo osuzhdeniya? [Is the institution of probation necessary?]. *Zakonost'*. 7 (1053). pp. 46–50.

Информация об авторе:

Скороходова А.С. – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Skorokhodova, lecturer, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: IPKR.Skorokhodova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.232

doi: 10.17223/23088451/22/6

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Виктор Игоревич Титов¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, amdv.96@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются возможные проблемы введения категории уголовного проступка – в понимании Верховного Суда Российской Федерации – в отечественное уголовное право, а также сложности правоприменения, с которыми могут столкнуться правоохранительные и судебные органы России.

Ключевые слова: уголовный проступок, правоприменение, Верховный Суд Российской Федерации

Для цитирования: Титов В.И. Уголовный проступок в российском уголовном праве: проблемы введения и правоприменения // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 35–41. doi: 10.17223/23088451/22/6

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/6

MISDEMEANOR IN RUSSIAN CRIMINAL LAW: PROBLEMS OF INTRODUCTION AND ENFORCEMENT

Viktor I. Titov¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, amdv.96@yandex.ru*

Abstract. Three years after the first, unsuccessful attempt by the Supreme Court of the Russian Federation to introduce the category of misdemeanor into the Criminal Code of the Russian Federation, a second bill was prepared. It partially took into account the criticism of the previous one. The legislators manually selected the crimes proposed to be transferred into the category of misdemeanor, described the sign of a repeated crime, and clarified the mechanism for exemption from criminal liability for committing a misdemeanor. In addition, the legislators provided an incentive for positive post-criminal behavior of the offender – a mandatory compensation for material damage caused to the victim in the event of a property criminal offense. Nevertheless, the bill directly qualifies a misdemeanor as crime, which does not provide a clear understanding of its place in the system of acts prohibited by criminal law. The bill does not list the material characteristics of a misdemeanor, which does not allow identifying criteria for classifying certain acts into this category. It is proposed to include economic crimes that are difficult to solve, which make up about half of all acts proposed for transfer. Crimes whose reduced social danger can be questioned (for example, environmental crimes and crimes against justice) can also be qualified as misdemeanors. The mechanism of exemption from criminal liability works more to relieve the workload of the courts than to the interests of the suspect (accused) and the victim. Due to its superficiality, the bill ignores such institutions of the General Part of Criminal Law as plurality of acts and complicity. Despite the official and academic criticism of the Supreme Court bill, the Government of the Russian Federation has indicated the possibility of its adoption, if the above-described shortcomings are eliminated. Thus, it can be concluded that a reform of criminal legislation is brewing in Russia.

Keywords: misdemeanor, law enforcement, Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Titov, V.I. (2023) Misdemeanor in Russian Criminal Law: Problems of introduction and enforcement. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 35–41. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/6

В 2017 г. Верховным Судом Российской Федерации был предложен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» (далее – законопроект 2017 г.). Данный законопроект, раскритикованный как научным сообществом, так и Правительством Российской Федерации, безусловно, нельзя признать удачным. Несмотря на это, его авторы получили достаточно обратной связи для усовершенствования концепции уголовного проступка,

которая в настоящий момент проходит лишь стадию формирования.

С учетом высказанных замечаний высший судебный орган скорректировал свою позицию относительно уголовного проступка в российском законодательстве, что нашло отражение в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», утвержденного Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 13 октября 2020 г. (далее – законопроект 2020

г.), который по сравнению с предыдущим стал больше соответствовать классическим правовым идеям о сущности уголовного проступка, принятым в зарубежных странах, где такая категория уже существует.

В законопроекте 2020 г. предлагается поместить дефинитивную норму, содержащую определение уголовного проступка, в отдельную ст. 15¹ УК РФ. Исходя из системного толкования, можно предположить, что раскрытие терминов «преступление» и «уголовный проступок» в отдельных статьях означает самостоятельность этих двух категорий уголовного правонарушения. Однако этому выводу противоречит тот факт, что деяния, которые признаются проступками, напрямую называются преступлениями. Относительность уголовного проступка и зависимость признания деяния таковым от решения суда и отсутствия признака повторности (о чем подробнее будет рассказано ниже) делают уголовный проступок даже не категорией преступления, а потенциальной трактовкой содеянного.

Кроме того, предлагаемую к введению в УК РФ ст. 15¹ сложно признать содержащей дефинитивную норму права. Строго говоря, в ней не называются сущностные и социально важные характеристики уголовного проступка, авторы законопроекта ограничиваются только установлением круга составов Особенной части УК РФ, которые предлагается признавать уголовными проступками. Единственное, о чем можно сказать точно – уголовными проступками признаются *некоторые* впервые совершенные преступления небольшой и средней тяжести, однако этих данных слишком мало, чтобы выделить общие признаки любого уголовного проступка, которые выделяет Верховный Суд Российской Федерации.

Таким образом, противоречие между содержанием правовой нормы и ее расположением в уголовном законе указывает на недостаточную степень проработанности вопроса соотношения уголовного проступка и преступления авторами законопроекта. Отсутствие в законопроекте 2020 г. и пояснительной записке к нему сущностных и определяющих характеристик уголовного проступка также не позволяет выделить критерии отнесения выбранных составов Особенной части УК РФ к этой категории.

Итак, уголовными проступками Верховный Суд Российской Федерации предложил считать перечень составов преступлений из Особенной части УК РФ, разделенный на три группы [1. Ч. 1, ст. 1]:

1. Совершенное лицом впервые преступление небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, за исключением определенных составов преступлений.

Этот пункт по своей сути повторяет дефиницию уголовного проступка из законопроекта 2017 г. за некоторыми исключениями. Тремя годами ранее автоматический перенос всех подходящих по санкции преступлений в разряд уголовных проступков было одним из многих неудачных решений авторов законопроекта, которое они впоследствии исправили, выведя из массы подходящих составов преступлений конкретные.

Из данной группы были изъяты составы с административной преюдицией – «Нанесение побоев лицом,

подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» (ст. 116¹ УК РФ), «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» (ст. 151¹ УК РФ) и «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции» (ст. 171⁴ УК РФ). На наш взгляд, это логичная инициатива, не позволяющая еще больше усложнить порядок привлечения правонарушителей к уголовной ответственности, – для того чтобы признать их общественно опасными, не обязательно дожидаться третьего деяния, ведь о том, что они не желают исправляться и склонны к систематическому нарушению требований законодательства, уже свидетельствует второе. Кроме того, из уголовных проступков были исключены «Причинение легкого вреда здоровью» (ст. 115 УК РФ), «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма из хулиганских побуждений» (ч. 1 ст. 207 УК РФ), а также ряд преступлений против военной службы, что можно назвать позитивным изменением.

Однако в числе уголовных проступков Верховный Суд Российской Федерации предложил оставить экологические преступления и преступления против правосудия, утверждение о пониженном уровне общественной опасности которых как минимум спорно.

Например, нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (предполагаемый уголовный проступок) подразумевает наступление таких общественно опасных последствий, как массовая гибель рыбы или других водных биологических ресурсов, уничтожение в значительных размерах кормовых запасов, что вполне коррелирует понятию и содержанию «тяжких последствий» от таких экологических преступлений, как нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (данное деяние предусмотрено ст. 247 УК РФ, ч. 2 которой включает в свой состав наступление последствий в виде массовой гибели животных и предусматривает лишение свободы), и представляет собой реальную угрозу экологической безопасности.

Составы преступлений против правосудия же предполагают возможность наличия специальных субъектов – сотрудников правоохранительных органов. Привлечение их к уголовной ответственности зачастую является сложной задачей ввиду занимаемого ими служебного положения, и это было бы только усугублено признанием совершаемых ими преступлений уголовными проступками. Снисходительное отношение к подкупу, к даче ложных показаний и фальсификации доказательств по административным делам и делам об административных правонарушениях, в которых неизменным участником является государство в лице тех или иных своих органов, нарушает право граждан на эффективное средство правовой защиты. 28 июня 2022 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия», что дополнительно подчеркивает актуальность проблемы данных преступлений.

2. Перечень совершенных лицом впервые преступлений небольшой тяжести.

В данную группу Верховный Суд Российской Федерации включил некоторые неклассифицированные виды преступлений против собственности, в том числе предусматривающие наказание в виде лишения свободы – кражу (ч. 1 ст. 158 УК РФ), присвоение или растрату (ч. 1 ст. 160 УК РФ), уничтожение или повреждение чужого имущества умышленно либо по неосторожности (ч. 1 ст. 167, ст. 168 УК РФ). Можно предположить, что такой инициативой авторы законопроекта 2020 г. стремились пресечь получение судимости и стигматизацию лиц, которые ввиду тяжелых жизненных обстоятельств решились на совершение хищения либо нанесли ущерб чужой собственности по неосторожности – прекращение уголовного преследования таких лиц поможет найти путь к исправлению и без официального осуждения со стороны государства и общества.

Однако в рассматриваемый круг деяний также вошли некоторые виды неклассифицированного уголовно наказуемого обмана – мошенничество, в том числе с использованием электронных средств платежа (ч. 1 ст. 159, ч. 1 ст. 159³ УК РФ), а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием в крупном размере (ч. 1 ст. 165 УК РФ). Необходимо указать, что уголовными проступками (в случае автоматического перевода в рамках первой группы деяний) стали бы также мошенничество при получении выплат, в сфере кредитования, страхования и компьютерной информации (ч. 1 ст. 159¹, ч. 1 ст. 159², ч. 1 ст. 159⁵, ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ). Это прямо свидетельствует о желании Верховного Суда Российской Федерации перевести все неклассифицированные виды мошенничества в разряд уголовных проступков.

Данную инициативу авторов законопроекта 2020 г., на наш взгляд, нельзя признать удачной. Совершение многих видов мошенничества из указанных выше требует специальных знаний, что говорит о лучшей подготовленности, а следовательно, и большей общественной опасности субъектов соответствующих деяний. Мошенничество, как правило, является систематической деятельностью, так называемым «преступным промыслом», а потому освобождение от уголовной ответственности занимающихся этим лиц с большой степенью вероятности приведет к повторному нарушению уголовного закона. Кроме того, отдельные виды мошенничества являются сложными для расследования – в частности, это касается мошенничество с использованием электронных средств платежа и в сфере компьютерной информации. Часто потерпевшие сталкиваются со сложностями еще на этапе возбуждения уголовного дела по факту мошенничества с использованием электронных средств платежа. Как правило, это преступление заключается в склонении потерпевшего добровольно сообщить данные, с помощью которых субъект впоследствии завладевает денежными средствами, и именно добровольность передачи сведений зачастую является поводом для отказа в возбуждении уголовного дела. На наш взгляд, перевод подобных сложных для расследования преступлений в категорию уголовных проступков является нецелесообразным.

3. Перечень совершенных лицом впервые преступлений небольшой или средней тяжести.

В данную группу авторы законопроекта 2020 г. включили 20 составов преступлений в сфере экономической деятельности, содержащихся в гл. 22 УК РФ. Очевидно особо снисходительное отношение Верховного Суда РФ к этим деяниям – данная группа является единственной, в которую входят преступления средней тяжести, а также квалифицированные составы, предусматривающие наказание в виде лишения свободы.

Большинство из этих квалифицированных составов предусматривают:

- причинение крупного ущерба – для воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности (ч. 2 ст. 169 УК РФ) и при неправомерных действиях при банкротстве (ч. 2, 3 ст. 195 УК РФ);

- использование служебного положения для совершения преступления – для незаконных получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 2 ст. 183 УК РФ), и неправомерных действиях при банкротстве (ч. 1.1, 4 ст. 195 УК РФ);

- совершение деяния группой лиц по предварительному сговору для злоупотреблений при эмиссии ценных бумаг (ч. 2 ст. 185 УК РФ), приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины (ч. 2 ст. 191¹ УК РФ) и совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ч. 2 ст. 193¹ УК РФ);

- совершение деяния организованной группой для неправомерных действий при банкротстве (ч. 5 ст. 195 УК РФ);

- использование юридического лица, созданного для совершения преступления, связанного с проведением финансовых операций и иных сделок, для совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ч. 2 ст. 193¹ УК РФ);

- совершение деяния в крупном размере для производства, приобретения, хранения, перевозки или сбыта товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ (ч. 3, 5 ст. 171¹ УК РФ), и совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте РФ на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ч. 2 ст. 193¹ УК РФ), что говорит о повышенной общественной опасности преступлений, которые авторы законопроекта 2020 г. предлагают относить к уголовным проступкам.

Среди предложенных тоже есть деяния, чью небольшую общественную опасность можно поставить под сомнение – фальсификация ЕГРЮЛ без применения насилия (ч. 1, 2, 4 ст. 170¹ УК РФ), незаконное создание или реорганизация юридического лица через подставных лиц, в том числе завладение и незаконное использование документов, удостоверяющих личность, и персональных данных для этого (ч. 1 ст. 173¹, ч. 2 ст. 173² УК РФ), несанкционированное изготовление, сбыт, использование или подделка государственного

пробирного клейма в корыстных целях (ч. 1 ст. 181 УК РФ), незаконные экспорт сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ч. 1 ст. 189 УК РФ), привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве (ч. 1 ст. 200³ УК РФ).

Общее количество составов преступлений, которое Верховный Суд Российской Федерации предложил перевести в категорию уголовных проступков, – 112, из них 53 связаны с экономической сферой и отношениями собственности и располагаются в главах 21, 22 и 23 раздела VIII УК РФ. На необходимость уделить особое внимание экономической сфере авторы законопроекта 2020 г. указали в пояснительной записке к нему [2]. Ссылаясь на данные статистики о судимостях за 2019 г., они пришли к выводу, что категория уголовного проступка потенциально может быть распространена на 68 044 лица, 49 657 (72,97%) из которых являются субъектами преступлений в сфере экономики. Авторы законопроекта 2020 г. также отдельно подчеркнули важность положительного эффекта гуманизации уголовного законодательства на предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также на создание и поддержание благоприятного делового климата. В пояснительной записке также отдельно указывается на необходимость защиты предпринимательского сообщества от необоснованной уголовной репрессии. Исходя из этого можно сделать вывод, что законопроект 2020 г. в значительной степени разрабатывался в интересах российского бизнес-сектора.

Без сомнения, экономическая сфера, переживающая в настоящее время сложный период развития и порождающая новые общественные отношения, заслуживает повышенного внимания законодателя. Однако одновременно с этим способы совершения соответствующих преступлений совершенствуются и обновляются с более высокой скоростью, чем в других сферах. Особенно явно это проявляется на фоне санкций против Российской Федерации, вынуждающих предпринимателей искать новые, не всегда законные, способы ведения бизнеса. Хотя таких условий не наблюдалось в 2020 г., на наш взгляд, Верховный Суд Российской Федерации ошибочно сконцентрировался на разработке механизмов освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные со сферой экономики, для которых еще тогда не было характерно снижение общественной опасности: например, оформление юридического лица на подставное лицо, легализация имущества, полученного преступным путем, обман дольщиков и содействие в создании оружия массового поражения.

Как было упомянуто выше, авторы законопроекта 2020 г. установили совершение деяния впервые признаком любого уголовного проступка. В примечании к предлагаемой ст. 15¹ Уголовного кодекса Российской Федерации этот признак подробно раскрывался как отсутствие у нарушителя неснятой или непогашенной судимости, а также освобождения от уголовной

ответственности за совершение уголовного проступка в течение предшествующего совершению этого деяния одного года. Данное положение подвергается критике некоторыми исследователями как излишне либерализирующее уголовный закон [3. С. 59–64], но, на наш взгляд, одного года своеобразного «испытательного срока» достаточно для деяний, признаваемых государством менее общественно опасными чем остальные преступления.

Законопроект 2020 г. предполагал также внесение изменений в гл. 15² УК РФ, посвященную иным мерам уголовно-правового характера, применяемым при освобождении от уголовной ответственности. Совершивших уголовный проступок лиц предлагалось освобождать от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, общественных работ или ограниченно оплачиваемых работ. Последние представляли собой аналоги обязательных работ и исправительных работ, отличающиеся только продолжительностью (вдвое укороченные – от 30 до 240 часов для общественных работ и от 1 месяца до 1 года для ограниченно оплачиваемых работ соответственно).

Сущностное сходство этих мер и названных видов наказания также критикуется некоторыми учеными, поскольку это, по их мнению, противоречит отношению к уголовному проступку как к менее опасному деянию [4. С. 69–72]. С этой точкой зрения нельзя согласиться в полной мере – сроки предлагаемых мер все-таки сокращены вдвое по сравнению с аналогичными наказаниями (а учитывать при сравнении следует не только качественный аспект меры государственного принуждения, но и количественный). Кроме того, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях также содержит несколько административных наказаний, которые сущностно похожи на уголовные. Административный штраф как денежное взыскание по сути идентичен штрафу уголовному. Дисквалификация как запрет занимать определенные должности или заниматься определенным родом деятельности является аналогом наказания, предусмотренного ст. 47 УК РФ. Обязательные работы в КоАП РФ имеют точно такую же дефиницию, как и обязательные работы в УК РФ.

Законопроект 2020 г. также содержал дополнительное условие для освобождения от уголовной ответственности при совершении уголовного проступка, связанного с причинением материального вреда – его обязательное возмещение правонарушителем. Это важный идеологический аспект концепции уголовного проступка, разработанной Верховным Судом Российской Федерации, который устанавливает принцип, объясняющий более снисходительное отношение государства: лицо имеет право на освобождение от уголовной ответственности не просто потому, что совершило деяние из определенного уголовным законом перечня, а еще и за счет собственного позитивного посткриминального поведения, направленного на возмещение причиненного вреда.

Несмотря на идеологическую ценность данной инициативы, принятие законопроекта 2020 г. породило бы такую проблему правоприменения, как конкуренция

вышеописанной нормы с механизмом освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Статья 76 УК РФ гласит, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный вред. Предлагавшаяся редакция ст. 76² УК РФ устанавливала обязательность возмещения материального вреда при освобождении от ответственности лица, совершившего уголовный проступок. По всей видимости, авторы законопроекта предполагали, что ст. 76 УК РФ будет распространяться только на преступления, а обновленная ст. 76² УК РФ – только на проступки. Однако ввиду того, что уголовный проступок в ст. 15¹ УК РФ прямо назывался преступлением, действие как ст. 76 УК РФ, так и ст. 76² УК РФ потенциально могло бы распространяться на лиц, совершивших уголовный проступок. Это могло вызвать путаницу, когда дело касалось бы обоснования освобождения от уголовной ответственности и необходимости ссылки на конкретную статью Уголовного кодекса Российской Федерации.

Кроме того, ст. 76 УК РФ содержит более строгие для правонарушителя нормы. Во-первых, она предусматривает лишь возможность освобождения от уголовной ответственности, тогда как обновленная ст. 76² УК РФ ее гарантирует. Во-вторых, ст. 76 УК РФ предусматривает еще одно обязательное условие освобождения от уголовной ответственности – примирение с потерпевшим, в то время как по ч. 2 ст. 76² в предлагаемой редакции 2020 г. предусмотрено только обязательное возмещение причиненного вреда.

Телеологическое толкование этих двух статей, конечно, говорит о том, что одна должна использоваться для преступлений, а другая для проступков, однако в случае принятия законопроекта 2020 г. в Уголовном кодексе Российской Федерации все равно осталось бы пространство для конкуренции этих двух норм, что можно было бы поправить, если бы авторы предложили дополнить ст. 76 УК РФ указанием на невозможность распространения ее действия на лиц, совершивших деяния, перечисленные в ст. 76² УК РФ.

Законопроект 2020 г. устанавливал также и механизм прекращения уголовного дела или уголовного преследования и назначения иных мер уголовно-правового характера. Предполагалось, что этот процесс либо должен запускать следователь (дознатель) путем подачи соответствующего ходатайства с согласия руководителя следственного органа (прокурора) и его последующего рассмотрения единолично судьей районного или военного суда, либо непосредственно суд во время судебного заседания. Подача ходатайства органами предварительного расследования предусматривает необходимость получения обязательного согласия на то подозреваемого (обвиняемого), что несколько тормозит процесс. Кроме того, этот процесс тормозится за счет отсутствия возможности подать указанное ходатайство стороной защиты.

В законопроекте 2020 г. предусматривалась обязанность суда при рассмотрении указанного ходатайства

проверить фактические обстоятельства дела (в том числе на предмет иных оснований прекращения уголовного дела), что фактически означало, что суд на данном этапе должен был провести судебное следствие. Законопроект не устанавливал пределов исследования доказательств, однако перечислял лиц, участие которых необходимо при рассмотрении соответствующего ходатайства – обвиняемый (подозреваемый), прокурор, потерпевший, а также защитники и представители при их наличии. Представляется, что Верховный Суд Российской Федерации предложил упрощенную форму судебного следствия, не предусматривающую вызов свидетелей. Таким образом, нельзя говорить о полной и всесторонней проверке обстоятельств дела. Также в таком заседании менялся бы баланс сил: прокурор бы в ряде случаев выступал на стороне подозреваемого (обвиняемого) вместе с его защитником (поскольку ходатайство о прекращении дела подается именно с согласия прокурора в случае проведения дознания), в то время как мнение потерпевшего не имело бы значения, поскольку освобождение от уголовной ответственности за совершение уголовного проступка не предусматривает обязательного согласия с этим потерпевшего или примирения с ним – только возмещение материального вреда для конкретного перечня деяний.

Такой, на наш взгляд, излишне упрощенный механизм рассмотрения ходатайства при минимальной поддержке потерпевшего несет больше негативного эффекта, чем позитивного. Адвокат, прокурор и судья в таком случае имели бы возможность сформировать своеобразную «тройку», решавшую исход дела, а возможность исследовать фактические обстоятельства дела не так тщательно и высокая нагрузка в судах, в особенности районных, приведут к тому, что заседания будут занимать минимальное время, поверхностно учитывать интересы потерпевшей стороны.

Таким образом, законопроект 2020 г. способствовал формированию излишне широкой судебной дискреции в решении вопросов, связанных с освобождением от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовные проступки, причем это могло негативно отразиться как на стороне защиты, так и на потерпевшей стороне.

Возможные проблемы правоприменительной практики, которые могло вызвать принятие законопроекта 2020 г., не исчерпываются описанными выше. Повышенное внимание следует уделить исследованию особенностей реализации институтов множественности деяний и соучастия в случае введения уголовного проступка.

Справедливости ради стоит сказать, что в тексте законопроекта 2020 г. первый уголовно-правовой институт частично упоминался – путем раскрытия понятия впервые совершенного деяния. Однако осталось еще много вопросов. Каким образом суду необходимо применять правила назначения наказания в случае совокупности деяний, когда наряду с преступлением лицом был совершен уголовный проступок? Будет ли иметь место рецидив в случаях, если лицо с неснятой или непогашенной судимостью за совершение умышленного преступления совершит уголовный проступок? На эти вопросы

законопроект 2020 г. не дает прямого ответа, но его, хоть и косвенно, можно вывести из того, что ст. 15¹ напрямую называет уголовный проступок преступлением. Скорее всего, в рамках института множественности уголовные проступки считались бы преступлениями небольшой и средней тяжести, что еще больше подчеркивало бы их несамостоятельность как отдельного вида уголовного правонарушения.

А вот что Верховный Суд явно упустил из виду, так это проблему идеальной совокупности деяний – каким образом должно было бы происходить освобождение от уголовной ответственности в случае, когда одним действием лицо совершало бы и преступление, и проступок, предусмотренные разными статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, повреждение или уничтожение чужого имущества по неосторожности, повлекшее чью-либо смерть, будет являться идеальной совокупностью преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ, и уголовного проступка, предусмотренного ст. 168 УК РФ)? Как можно прекратить уголовное дело наполовину? Вывести из обвинения одну из статей УК РФ после возбуждения уголовного дела можно лишь с помощью перекалфикации, однако законопроект 2020 г. четко говорил о единственном механизме прекращения уголовного дела в связи с совершением уголовного проступка – путем принятия соответствующего решения суда.

Таким образом, единственным способом прекращения преследования в определенной части инкриминируемого деяния становится выделение уголовного дела о совершении проступка для его отдельного прекращения. Однако условия, в которых оно допускается, четко ограничены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, и почти все они связаны со случаями соучастия, когда дело выделяется в отношении одного из субъектов преступления. Единственное основание, допускающее выделение уголовного дела при отсутствии соучастия, – если в ходе расследования было выявлено, что лицом совершено деяние, не связанное с тем, по которому изначально велось следствие (дознание). Поскольку деяния, составляющие идеальную совокупность, очевидно связаны друг с другом, это обстоятельство не позволило бы применять выделение уголовного дела, а правоохранительные органы и суды столкнулись бы с непреодолимыми препятствиями на пути к прекращению уголовного преследования лица, совершившего уголовный проступок.

Институт соучастия вряд ли ждала бы дилемма, подобная вопросу о квалификации преступления, совершенного разновозрастной группой лиц, когда деяние, совершенное лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, не считается преступлением. Все сомнения снова разрешились бы неизменным тезисом

Верховного Суда Российской Федерации о том, что уголовный проступок – это преступление. Однако для более качественного правоприменения предлагавшихся норм авторам законопроекта 2020 г. стоило бы предусмотреть такое дополнительное основание для выделения уголовного дела, как совершение одним из соучастников уголовного проступка (например, когда одно из лиц, входящее в группу по предварительному сговору, совершило злоупотребление при эмиссии ценных бумаг впервые, а остальные – повторно, т.е. в течение года после освобождения от уголовной ответственности в связи с совершением уголовного проступка). Причина та же, как и в случае с идеальной совокупностью преступления и уголовного проступка, – необходимо прекратить часть уголовного дела, но уже в отношении конкретного лица. Но выделить уголовное дело на основании его согласия с предъявленным обвинением возможно только при переходе на дознание в сокращенной форме или заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако очевидно, что не все уголовные проступки расследовались бы в форме дознания.

Таким образом, несмотря на ряд удачных решений авторов законопроекта 2020 г., некоторые его положения являлись спорными и весьма затруднительными для реализации в правоприменительной деятельности. К сожалению, Верховный Суд Российской Федерации не обратил внимание на ряд фундаментально важных вопросов: о совокупности уголовных проступков и преступлений, о соучастии при совершении уголовного проступка, о возможной конкуренции норм о применении иных мер уголовно-правового характера и норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим [5. С. 25–29].

Неудивительно, что Правительство Российской Федерации раскритиковало законопроект 2020 г. В его официальном отзыве были отмечены проблемы поверхностности законопроекта, отнесения к уголовным проступкам деяний с высокой степенью общественной опасности, отсутствия системности, риска ослабления превентивной функции уголовного закона и затруднения процесса расследования преступления и отправления правосудия [6]. Однако, несмотря на основательную критику, Правительство РФ все же рекомендовало доработать законопроект, что указывает на принципиальную поддержку инициативы Верховного Суда Российской Федерации относительно введения категории уголовного проступка в российское уголовное право и позволяет некоторым исследователям говорить о том, что закрепление новой разновидности уголовного деяния в УК РФ является лишь вопросом времени.

Список источников

1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 г. № 24. URL: <https://www.vsrif.ru/files/29300/> (дата обращения: 01.11.2023).
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка». URL: <https://www.vsrif.ru/files/29300/> (дата обращения: 01.12.2023).

3. Орлова А.А. Возвращаясь к обсуждению уголовного проступка // Безопасность бизнеса. М. : Юрист, 2021. № 3. С. 59–64.
4. Щербakov А.Д. Уголовный проступок: никто к ветхой одежде не приставляет заплатки из небеленой ткани // Российский следователь. 2021. № 5. С. 69–72.
5. Капинус О.С. Законодательные инициативы о регламентации в Уголовном кодексе РФ уголовного проступка: критический анализ // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 25–29.
6. Официальный отзыв Правительства РФ от 10.02.2021 г. № 1121п-П4 «На проект федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”» // СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.12.2023).

References

1. Supreme Court of the Russian Federation. (2020) *Proekt Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem ponyatiya ugolovnoogo prostupka"*, utverzhden Postanovleniem Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 13.10.2020 g. № 24 [The draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a misdemeanor”, approved by Resolution No. 24 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2020]. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/files/29300/> (Accessed: 01.11.2023).
2. Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem ponyatiya ugolovnoogo prostupka"* [Explanatory note to the draft federal law “On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a misdemeanor”]. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/files/29300/> (Accessed: 01.12.2023).
3. Orlova, A.A. (2021) *Vozvrashchayas' k obsuzhdeniyu ugolovnoogo prostupka* [Returning to the discussion of misdemeanor]. *Bezopasnost' biznesa*. 3. pp. 59–64.
4. Shcherbakov, A.D. (2021) *Ugolovnyy prostupok: nikto k vetkhoy odezhdze ne pristavlyayet zaplaty iz nebelenoy tkani* [Criminal offense: No one puts patches of unbleached fabric on old clothes]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 69–72.
5. Kapinus, O.S. (2021) *Zakonodatel'nye initsiativy o reglamentatsii v Ugolovnom kodekse RF ugolovnoogo prostupka: kriticheskiy analiz* [Legislative initiatives on the regulation of criminal offenses in the Criminal Code of the Russian Federation: A critical analysis]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3. pp. 25–29.
6. Government of the Russian Federation. (n.d.) *Ofitsial'nyy otzyv Pravitel'stva RF ot 10.02.2021 g. № 1121p-P4 "Na proekt federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v svyazi s vvedeniem ponyatiya ugolovnoogo prostupka" "* [Official Review No. 1121p-P4 of the Government of the Russian Federation dated February 10, 2021, “On the draft federal law ‘On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the concept of a criminal offense’ ”]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant plus. (Accessed: 01.12.2023).

Информация об авторе:

Титов В.И. – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: amd.v.96@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.I. Titov, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: amd.v.96@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/22/7

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ОХРАНЫ ДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Анна Владимировна Даниловская¹

¹ *Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия, d_a_v@list.ru*

Аннотация. Существующие процессуальные и организационные проблемы при выявлении и расследовании антиконкурентных преступлений самым негативным образом сказываются не только на уголовно-правовой политике в сфере охраны конкуренции, но и на конкурентной политике государства. В статье предлагаются законодательные меры, направленные на закрепление правовых основ взаимодействия антимонопольного органа и правоохранительных органов.

Ключевые слова: уголовно-правовая защита конкуренции, антиконкурентные преступления, взаимодействие антимонопольного органа и правоохранительных органов

Для цитирования: Даниловская А.В. Процессуальные и организационные аспекты уголовно-правовой политики в сфере охраны добросовестной конкуренции // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 42–48. doi: 10.17223/23088451/22/7

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/7

PROCEDURAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF CRIMINAL POLICY
IN PROTECTION OF BONA FIDE COMPETITION

Anna V. Danilovskaya¹

¹ *Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russian Federation, d_a_v@list.ru*

Abstract. The current procedural and organizational problems in identifying and investigating anti-competitive crimes have a very negative impact not only on criminal policy in the competition protection, but also on the competition policy of the state. The article proposes legislative measures aimed at consolidating the legal basis for interaction between the antimonopoly authority and law enforcement agencies. One of the aspects of criminal law policy in the field of competition promotion is the organizational and procedural interaction of authorities to identify and investigate anti-competitive acts. The analysis of legislation and the activities of antimonopoly and law enforcement agencies indicates some criteria that significantly affect the effectiveness of legal counteraction to attacks on bona fide competition. Among them are: 1) plurality of state bodies authorized to identify and (or) investigate facts of anti-competitive acts; 2) lack of proper authority; 3) absence of legislative provisions establishing the rules of their interaction.

Keywords: criminal law protection of competition, anti-competitive crimes, interaction between antimonopoly authority and law enforcement agencies

For citation: Danilovskaya A.V. (2023) Procedural and organizational aspects of criminal policy in protection of bona fide competition. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 42–48. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/7

Одним из важнейших вопросов реализации уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции является организационное и процессуальное взаимодействие уполномоченных органов власти между собой при выявлении и расследовании антиконкурентных деяний.

Анализ законодательства, деятельности антимонопольного органа и правоохранительных органов как при самостоятельном исполнении своих полномочий, так и при совместной деятельности свидетельствует о

существовании проблем, которые снижают эффективность уголовно-правового противодействия посягательствам на добросовестную конкуренцию. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о следующих проблемах: 1) множественность органов государства, уполномоченных выявлять и (или) расследовать факты антиконкурентных деяний; 2) отсутствие надлежащих полномочий; 3) отсутствие положений законодательства, закрепляющих правила их взаимодействия;

4) сложность уголовно-правовых норм, предусматривающих основания ответственности, обуславливающие необходимость взаимодействия уполномоченных органов власти.

Анализ перечисленных аспектов уголовно-правовой политики противодействия недобросовестной конкуренции позволяет выйти на возможные пути их решения.

Систему органов власти, взаимодействующих по делам об антиконкурентных деяниях, составляют:

- 1) антимонопольный орган (ФАС РФ, ее территориальные управления);
- 2) орган внутренних дел (МВД РФ, его территориальные управления);
- 3) Следственный комитет РФ и следственные управления по субъектам РФ;
- 4) органы прокуратуры.

Антимонопольный орган является специализированным органом власти, чьи полномочия связаны с выявлением антиконкурентных деяний и их расследованием. В течение всего периода становления и развития правового статуса антимонопольного органа в его деятельности возникали различные затруднения, обусловленные как экономической природой антиконкурентных нарушений, так и причинами организационного и процессуального характера. Антимонопольный орган уже наделен рядом полномочий, облегчающих выявление и расследование отдельных видов нарушений, например, возможностями проводить внезапные проверки, использовать письменные объяснения и электронные доказательства по делам об антиконкурентных соглашениях, результаты оперативно-розыскных мероприятий, переданных в антимонопольные органы из следственных органов. Однако, как показывает практика, этого недостаточно. Весьма актуальным остается законодательное закрепление иных процессуальных правомочий антимонопольного органа, например, право получать от правоохранительных органов результаты оперативно-розыскной деятельности в более упорядоченном и упрощенном порядке; вести реестр участников ограничивающих конкуренцию соглашений, который имеет важное превентивное значение [1. С. 64].

Несмотря на то, что полномочия российского антимонопольного органа оцениваются как самые широкие в мире [2. С. 29–50], такой правовой статус соответствует международным стандартам, рекомендованным ЮНКТАД в Типовом законе о конкуренции. Согласно этому документу, антимонопольный орган может обладать любыми процессуальными полномочиями как административного, так и уголовного характера. Следовательно, правовой статус отечественного антимонопольного органа предопределен текущим состоянием экономики, конкурентной политикой государства, которые, в свою очередь, обоснованы требованиями национальной, экономической безопасности страны.

МВД РФ и Следственный комитет РФ являются органами государственной власти, осуществляющими полномочия в сфере уголовного производства, в частности, уполномоченными возбуждать и расследовать уголовные дела по признакам антиконкурентных преступлений, которые находятся в их подследственности, в

том числе по фактам заключения картелей, включая створы на торгах, а также должностные антиконкурентные преступления (ст. 178, 285, 286 УК РФ).

Изученный опыт правоприменения при расследовании дел по отмеченным видам антиконкурентных преступлений указывает на то, что обычно источниками сведений о преступлении являются заявления хозяйствующих субъектов, организаторов и заказчиков торгов, сообщения в СМИ, сообщения антимонопольного органа, прокуратуры, ФСБ, органов власти и местного самоуправления, а также сообщения из других структурных подразделений правоохранительных органов в связи с выявлением ограничения конкуренции при расследовании ими других материалов доследственной проверки или других уголовных дел.

Участие нескольких органов власти уже на этапе поступления заявления о противоправном деянии предполагает их взаимодействие в связи с обнаружением и фиксацией признаков преступления.

Согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ, единственным основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Установление этих данных в целях правильной квалификации преступления и возбуждения уголовного дела представляет собой определенную сложность, особенно в отношении составов преступлений, признаки которых связаны напрямую с нарушением запретов ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции).

Квалификация поведения представителей хозяйствующих субъектов как заключение ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), а также действий должностных лиц органов власти, нарушивших ст. 15, 16, 17 Закона о защите конкуренции, находится в сфере деятельности антимонопольного органа. Следовательно, в целях подтверждения основания для возбуждения уголовного дела целесообразно получение соответствующего акта (заключения или решения) антимонопольного органа. В этой связи права М.М. Милованова в том, что акт антимонопольного органа, устанавливающий наличие картеля, расценивается как достаточность данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, что не может быть обеспечено в его отсутствие [3. С. 122]. В то же время утверждение автора об обязательности получения заключения территориального антимонопольного органа (комиссии) об имевших место конкурентных отношениях между действовавшими на рынке хозяйствующими субъектами [3. С. 121] не соответствует закону, так как это им не предусмотрено, в чем, как представляется, заключается суть проблемы расследования уголовных дел об антиконкурентных преступлениях.

Аналогично с этой проблемой связана и деятельность прокуратуры по надзору за соблюдением антимонопольного законодательства, в рамках которого, в частности, пресечение действий органов государственной власти и местного самоуправления, ограничивающих свободу экономической деятельности, а также выявление и устранение фактов нарушений антимонопольного законодательства. Эта деятельность должна быть в

центре внимания прокуратуры – в силу прямого указания на то соответствующим правовым актом.

Несмотря на востребованность в данной сфере прокурорского надзора, в науке отмечается нереализованность всего предусмотренного в этих целях потенциала органами прокуратуры, а также наличие существенных препятствий для этого [4. С. 13–16]. Причем указанные недостатки в работе прокуратуры рассматривались еще на заре становления антимонопольного законодательства [5. С. 7], но, как видно, по прошествии более двадцати лет ситуация существенно не изменилась.

Вышеизложенное свидетельствует о пробельности законодательства, что неизбежно ведет к проблемам противодействия антиконкурентным преступлениям, основной причиной которых является отсутствие нормативно установленной связи между антимонопольным органом и органами, осуществляющими уголовное производство.

Между тем попытки закрепления основ взаимодействия между антимонопольным органом и правоохранительными органами предпринимались с 1995 г. В последующем был принят ряд документов об их совместной деятельности, а в 2019 г. ФАС утвердила «Методические рекомендации об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (ст. 178 УК РФ)», закрепившие основной алгоритм действий этих органов, разработанные в соответствии с «Межведомственной программой мер по выявлению и пресечению картелей и иных ограничивающих конкуренцию соглашений на 2019–2023 гг.».

Перечисленные документы ФАС и правоохранительных органов не являются актами нормативно-правового характера, которые бы официально закрепили основы их взаимодействия, а значит, не обязывают их участников соблюдать все их положения в той же мере, как закон. Такая ситуация нередко приводит к неисполнению договоренностей в целом или отдельных ее частей одной из сторон. По статистике ФАС, антимонопольным органом ежегодно возбуждаются сотни дел о картелях, материалы по некоторым из них передаются в правоохранительные органы для возбуждения уголовных дел. Однако на этой стадии и в дальнейшем – на стадии расследования и составления обвинительного заключения дела «разваливаются» по неустановленным истинным причинам [6. С. 20].

Несмотря на то что организационные основы взаимодействия ведомства определяют неоднократно, им не всегда удается достичь понимания по разным аспектам совместной деятельности. В целях установления причин такой ситуации был проведен опрос 144 сотрудников антимонопольного органа и 310 сотрудников правоохранительных органов различных субъектов Российской Федерации. В полученных ответах сотрудники антимонопольного органа в качестве этих причин назвали: 1) низкий уровень подготовки сотрудников правоохранительных органов, отсутствие знаний антимонопольного законодательства – 57,6%; 2) нежелание оказывать содействие в проведении расследования – 15,2%;

3) отсутствие четкой процессуальной роли и опыта в проведении таких мероприятий – 3% и отсутствие правовых механизмов взаимодействия – 3%.

Сотрудники правоохранительных органов указали на экономическую специфику таких дел, которая усложняет процесс их расследования (37,1%); незнание антимонопольного законодательства (30,5%).

Примечательно, что проведенный в 2002–2005 гг. опрос сотрудников правоохранительных органов показал идентичные ответы [7. С. 190]. Из этого следует, что за прошедшие годы в данной проблеме не произошло кардинальных изменений.

Следующий аспект организационной и процессуальной составляющей уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции взаимосвязан с предыдущими, но в большей мере с процессуальными особенностями квалификации антиконкурентных деяний. При выявлении картелей антимонопольный орган проводит мероприятия по сбору доказательств причастности к ним разных лиц, на основе которых в дальнейшем устанавливается или опровергается факт заключения картеля, а также может быть осуществлена оценка причиненного ущерба или полученного дохода. Правоохранительные органы при возбуждении уголовных дел также должны выполнить действия в целях установления признаков объективной стороны преступления, включая размер причиненного ущерба или полученного дохода.

Антимонопольный орган, зачастую являясь первым органом, выявившим картель, на начальном этапе может быть успешным в сборе доказательств, но в силу отсутствия ряда полномочий не имеет возможности их получить оперативным путем. Правоохранительные органы, в свою очередь, могут уже не иметь возможности получить доказательства вследствие различных обстоятельств, в том числе связанных с их уничтожением заинтересованными лицами. Поэтому если между антимонопольным органом и правоохранительными органами нет взаимодействия, то возможности привлечь виновных к уголовной ответственности за заключение картеля практически не существует. Именно этот вариант ситуации наиболее распространен в практике. Помимо уже перечисленных причин, длительность срока производства антимонопольного расследования, который в совокупности составляет от трех месяцев до одного года без учета возможного приостановления производства по делу, повышает риски различных препятствий в расследовании [8. С. 111, 113].

Между тем антимонопольный орган и правоохранительные органы имеют взаимную заинтересованность в скорейшем выявлении всех признаков деяния. Результативность их действий обоюдно зависит от своевременности сообщения друг другу необходимой информации. Как отмечено И.Н. Клименковым, основной упор должен быть сделан на информировании органов внутренних дел на ранней стадии выявления антимонопольным органом о признаках картельных сговоров [9. С. 212].

В этой связи также следует отметить проблему своевременности прокурорского реагирования, отмечаемую в науке. Поскольку закон не предусматривает обязанность антимонопольного органа устанавливать размер

ущерба (дохода), органы прокуратуры, лишённые правовой возможности незамедлительно определить законность принятого антимонопольными органами по делам данной категории решения, вынуждены проводить собственные проверочные действия с привлечением соответствующих специалистов для определения размеров причиненного ущерба и извлеченного дохода, что требует значительных временных затрат и негативно влияет на уровень законности, снижает эффективность прокурорского надзора в рассматриваемой сфере [4. С. 15].

Таким образом, эффективность сбора доказательств в целях установления всех признаков антиконкурентного преступления, реализуемая в первую очередь при осуществлении соответствующих функций и полномочий антимонопольным органом, напрямую зависит от оперативности его взаимодействия с правоохранительными органами.

Решение проблем видится в следующем.

1. Необходимо законодательное закрепление основ взаимодействия антимонопольного органа и правоохранительных органов. Такое правило должно быть, во-первых, включено в Закон о защите конкуренции как специальный нормативный правовой акт и иметь значение принципа, ибо от эффективности такого взаимодействия зависит решение задач как конкурентной, так и уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции. Оно должно предусматривать обязанность антимонопольного органа немедленно сообщать в прокуратуру, органы внутренних дел и Следственный комитет РФ о выявленных нарушениях антимонопольного законодательства, имеющих признаки преступлений.

Во-вторых, следует признать акт антимонопольного органа в качестве повода для возбуждения уголовного дела по ст. 178 УК РФ за заключение соглашения, ограничивающего конкуренцию (картеля), что необходимо отразить в ст. 140 УПК РФ. Данное правило важно также в иных случаях криминализации нарушений антимонопольного законодательства, когда признаки таких нарушений связаны с признаками состава антиконкурентного преступления.

Практика свидетельствует, что антимонопольный орган и правоохранительные органы проводят консультации при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, результатом которых является направление антимонопольным органом следователям акта о наличии или отсутствии в расследуемых действиях признаков нарушения Закона о защите конкуренции. Однако положительные тенденции на отдельном временном этапе не могут гарантировать их продолжение при иных условиях. Например, смена руководства в структурных подразделениях как правоохранительных органов, так и антимонопольного органа нередко приводит к сбою отлаженной системы взаимодействия. Кроме того, ситуация может являться неодинаковой в зависимости от субъекта Российской Федерации. Поэтому, несмотря на критику данного предложения, уже имевшего место быть в качестве законодательной инициативы, представляется правильным его реализовать, как это вновь сделано в отношении налоговых преступлений (п. 1.3 ст. 140 УПК РФ).

2. Важным аспектом совершенствования уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции являются дискуссионные вопросы об изменении правового статуса антимонопольного органа, в частности о наделении антимонопольных органов оперативно-розыскными полномочиями, либо статусом органа дознания, либо статусом органа предварительного следствия.

Проведенный опрос показал, что большинство сотрудников правоохранительных органов поддерживают идею изменения статуса антимонопольного органа, но представители последнего скептически воспринимают такое предложение. В то же время в вопросе о наделении антимонопольного органа статусом органов следствия или дознания предпочтительным для опрошенных обоих органов власти видится первый вариант ответа (27,3% опрошенных сотрудников антимонопольных органов и 50% – правоохранительных).

Представляется, что такой подход на современном этапе развития экономики, а также в ближайшем будущем невозможен в силу различных причин, даже несмотря на вероятность положительных изменений в противодействии антиконкурентной преступности. Поэтому более перспективным видится решение проблемы получения антимонопольным органом результатов оперативно-розыскной деятельности для выявления и расследования антиконкурентных деяний, что в полной мере соответствует задачам уголовного законодательства. Важность законодательного закрепления права поручать уполномоченным на осуществление оперативно-розыскных мероприятий органам их проведение в интересах проводимого антимонопольным органом расследования, иметь беспрепятственный доступ к результатам этой деятельности не должна вызывать сомнений, ибо высокий уровень латентности, в частности антиконкурентных соглашений, не оставляет другого варианта для положительной динамики в борьбе с антиконкурентной преступностью.

Помимо этого, следует закрепить правило о направлении результатов оперативно-розыскной деятельности в антимонопольный орган для использования их при реализации функции государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства. Такое диспозитивное правило предусмотрено ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в отношении налоговых органов. Следует дополнить п. 3 ст. 11 указанного закона, распространив аналогичное правило на антимонопольные органы, изменив его диспозитивную природу.

3. Множественность органов власти, расследующих дела о нарушениях антимонопольного законодательства, очевидно, не оказывает положительного влияния на результативность их деятельности. В этой связи представляется уместным напомнить пример существующей в США и признанной успешной правоохранительной системы, основу которой составляет Министерство юстиции, возглавляемое Генеральным прокурором, на структурные подразделения которой – Антитрестовское управление и ФБР – возложены функции расследования нарушений антитрестовского законодательства. Факт высокой результативности раскрытия картелей в

США не в последнюю очередь обусловлен тем, что такую деятельность осуществляет один орган, подразделения которого действуют согласованно [10. С. 98–99]. В американской структуре отсутствует конкуренция в расследовании антitrustовских преступлений, сотрудники органа обладают всеми необходимыми полномочиями, включая оперативно-розыскные.

Проблема взаимодействия правоохранительных органов в борьбе с преступностью в России не является исключительно современной – отечественный опыт имеет свою историю решения различных аспектов такого взаимодействия. В частности, в установленных законодательством условиях распределения подведомственности по делам определенной категории между несколькими органами власти есть явная необходимость прикомандировывать сотрудников одних ведомств к другим в целях оперативного решения тех или иных процессуальных задач. В практике правоохранительных органов таким путем формируются межведомственные следственно-оперативные группы, в том числе специализирующиеся на расследовании преступлений отдельных категорий.

Созданы такие группы и для расследования антиконкурентных преступлений, в частности картелей, сговоров с должностными лицами органов власти или местного самоуправления. Но, вероятно, здесь также оказалось невозможным избежать общих негативных моментов деятельности, обусловленных разным статусом ведомств, о чем свидетельствуют и статистика, и проведенный в рамках данного исследования опрос сотрудников антимонопольных и правоохранительных органов. Лишь один ответ в качестве комментария был дан сотрудником антимонопольного органа о том, что в случае совместных совещаний с правоохранительными органами проблем при проведении расследования не возникает.

Между тем статус таких групп не имеет законодательных основ (в отличие от следственных групп, статус которых определен ст. 163 УПК РФ), между членами группы существует межведомственная разобщенность, возникают иные проблемы, в том числе связанные со сменой руководящих кадров в правоохранительных органах, из-за чего возникает недопонимание. В то же время и в практике, и в науке отмечаются действенными результаты в раскрытии преступлений существующими на постоянной основе специализированными следственно-оперативными группами, в которых наблюдается рост профессионализма сотрудников, уровня их взаимодействия [11. С. 39–40]. Ключевым представляется именно постоянство деятельности межведомственных специализированных групп, так как лишь в таком режиме возможно наладить качественную организацию всего процесса расследования, повысив уровень его координации, свести к минимуму межведомственные конфликты и непонимание, позитивно изменить культуру межличностных отношений внутри группы и между ведомствами, которая имеет не последнее значение для слаженного взаимодействия.

К сожалению, законодательная инициатива о межведомственной группе была отклонена [12. С. 9], несмотря на высокую востребованность в подобных

образованиях, которые могли бы решить многие вопросы межведомственного взаимодействия.

4. Необходимо решение вопросов профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Данная проблема весьма актуальна также для должностных лиц органов исполнительной, законодательной и судебной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов. Согласно опросу, проведенному в рамках научно-исследовательской работы [13], было установлено, что представление об ответственности за картель имеют лишь 36% опрошенного взрослого населения, при этом 46,9% уверены, что ответственности за картель не существует; лишь 38,2% опрошенных хозяйствующих субъектов или их представителей предполагают наличие своих знаний о понятии картеля.

Проблема отсутствия правовых знаний, в том числе о видах и мерах ответственности за антиконкурентные преступления, должна решаться комплексно как посредством введения в учебные планы вузов соответствующих дисциплин (например, «Конкурентное право»), создания специализированных кафедр, так и за счет систематического повышения квалификации или переподготовки сотрудников правоохранительных и иных органов. Такая подготовка является весьма востребованной в правоохранительных органах, о чем автору данного исследования известно из опыта взаимодействия с представителями антимонопольного органа и правоохранительных органов.

Таким образом, основы взаимодействия антимонопольного органа и правоохранительных органов как ключевой критерий эффективности уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции должны иметь законодательное закрепление. Соответствующие правовые нормы следует ввести как в Закон о защите конкуренции, так и в иные нормативные правовые акты. Отсутствие таковой основы в совокупности с множественностью органов власти, уполномоченных выявлять факты антиконкурентных деяний и расследовать их в уголовно-процессуальном или административно-процессуальном порядке, является дестабилизирующим фактором уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции.

В этой связи предлагаются следующие изменения законодательства:

1. Дополнить ст. 23 Закона о защите конкуренции п. 1.1 следующего содержания:

«1.1 Антимонопольный орган осуществляет взаимодействие с правоохранительными органами Российской Федерации в пределах своих полномочий в следующих формах:

1) в установленном законодательством Российской Федерации порядке обращается в органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, с запросом о проведении оперативно-розыскных мероприятий и получает их результаты;

2) информирует правоохранительные органы о выявленных фактах нарушений ст. 11, 14.1–14.8, 15, 16, 17 Федерального закона «О защите конкуренции»;

3) в пределах своей компетенции проводит по запросам правоохранительных органов экспертизы, дает

заклучения по вопросам применения законодательства Российской Федерации в сфере защиты конкуренции, предоставляет аналитическую информацию о состоянии конкуренции на товарных рынках;

4) по запросам правоохранительных органов, их территориальных подразделений направляет в качестве экспертов своих работников для участия в процессуальных действиях и мероприятиях по расследованию нарушений законодательства Российской Федерации в сфере защиты конкуренции».

2. Дополнить ст. 140 УПК РФ п. 1.4 следующего содержания:

«Поводом для возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, служат только материалы, которые

направлены антимонопольным органом в соответствии с законодательством о защите конкуренции для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

3. Абзац 3 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» изложить в следующей редакции: «Результаты оперативно-розыскной деятельности направляются:

1) в налоговые органы...;

в антимонопольный орган для использования при реализации функций государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства, а также при выявлении нарушений антимонопольного законодательства, принятии мер по прекращению нарушения антимонопольного законодательства и привлечения к ответственности за такие нарушения».

Список источников

1. Тенишев А.П., Даниловская А.В. Приоритетные направления уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции // Законодательство. 2022. № 11. С. 63–65.
2. Цыганов А.Г., Павлова Н.С. Многофункциональные антимонопольные органы в мировой практике: преимущества и риски // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 4. С. 29–50.
3. Милованова М.М. Выявление картелей и следственные ситуации первоначального этапа расследования ограничения конкуренции // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3. С. 121–125.
4. Кожинский А.В. Теоретические и организационные основы деятельности прокуроров по надзору за исполнением антимонопольного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2021. 31 с.
5. Винокуров И.С. Прокурорский надзор за исполнением антимонопольного законодательства // Законность. 2000. № 5. 464 с.
6. Максимов С.В., Утаров К.А. Уголовная политика в сфере защиты конкуренции: цели и возможности / под ред. В.П. Заварухина. М. : ИПРАН РАН, 2018. 80 с.
7. Денисова А.В. Уголовно-правовые аспекты борьбы с монополизмом в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. 217 с.
8. Костылева Г.В. О взаимодействии антимонопольных и правоохранительных органов в ходе расследования ограничения конкуренции // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3. С. 110–115.
9. Клименков И.Н. Некоторые вопросы разграничения компетенции по обеспечению конкуренции между органами внутренних дел и ФАС России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 211–213.
10. Кинев А.Ю. Административно-правовая защита конкуренции: проблемы и пути совершенствования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 98–100.
11. Кучкина В.Г., Ларичев В.Д. Классификация следственно-оперативных групп // Научный портал МВД России. 2017. № 1. С. 39–42.
12. Ложис З.З. Актуальные вопросы взаимодействия Следственного комитета России с органами дознания и следствия других ведомств при расследовании преступлений террористической направленности // Академическая мысль. 2019. № 1 (6). С. 9–13.
13. Отчет «О научно-исследовательской работе “Комплексное (экономическое и криминологическое) исследование картелей и иных антиконкурентных соглашений в Российской Федерации, в том числе уровня их латентности, доходов картелей и иных антиконкурентных соглашений и оценки причиняемого ущерба”». Екатеринбург : Уральский гос. юрид. ун-т, 2018.

References

1. Tenishev, A.P. & Danilovskaya, A.V. (2022) *Prioritetnye napravleniya ugovovno-pravovoy politiki v sfere zashchity konkurentsii* [Priority directions of criminal law policy in the field of competition promotion]. *Zakonodatel'stvo*. 11. pp. 63–65.
2. Tsyganov, A.G. & Pavlova, N.S. (2017) *Mnogofunktsional'nye antimonopol'nye organy v mirovoy praktike: preimushchestva i riski* [Multifunctional antimonopoly authorities in world practice: Advantages and risks]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 4. pp. 29–50.
3. Milovanova, M.M. (2018) *Vyyavlenie karteley i sledstvennye situatsii pervonachal'nogo etapa rassledovaniya ogranicheniya konkurentsii* [Identification of cartels and investigative situations of the initial stage of investigation into restrictions on competition]. *Vestnik un-ta im. O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 3. pp. 121–125.
4. Kozhinskiy, A.V. (2021) *Teoreticheskie i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti prokurorov po nadzoru za ispolnieniem antimonopol'nogo zakonodatel'stva* [Theoretical and organizational foundations of the activities of prosecutors in supervising the implementation of anti-monopoly legislation]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
5. Vinokurov, I.S. (2000) *Prokurorskiy nadzor za ispolnieniem antimonopol'nogo zakonodatel'stva* [Prosecutor's supervision over the implementation of antimonopoly legislation]. *Zakonnost'*. 5.
6. Maksimov, S.V. & Utarov, K.A. (2018) *Ugovovnaya politika v sfere zashchity konkurentsii: tseli i vozmozhnosti* [Criminal policy in the field of competition protection: Goals and opportunities]. Moscow: RAS.
7. Denisova, A.V. (2006) *Ugovovno-pravovye aspekty bor'by s monopolizmom v Rossiyskoy Federatsii* [Criminal legal aspects of the fight against monopolism in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Vladivostok.

8. Kostyleva, G.V. (2018) O vzaimodeystvii antimonopol'nykh i pravookhranitel'nykh organov v khode rassledovaniya ogranicheniya konkurentsii [On the interaction of antimonopoly and law enforcement agencies during the investigation of restrictions on competition]. *Vestnik un-ta im. O.E. Kutafina (MGYuA) – Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 3. pp. 110–115.
9. Klimenkov, I.N. (2020) Nekotorye voprosy razgranicheniya kompetentsii po obespecheniyu konkurentsii mezhdru organami vnutrennikh del i FAS Rossii [Some issues of delimiting competence to ensure competition between internal affairs bodies and the FAS of Russia]. *Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii*. 3. pp. 211–213.
10. Kinev, A.Yu. (2014) *Administrativno-pravovaya zashchita konkurentsii: problemy i puti sovershenstvovaniya* [Administrative and legal protection of competition: Problems and ways of improvement]. Law Dr. Diss. Moscow. pp. 98–100.
11. Kuchkina, V.G. & Larichev, V.D. (2017) Klassifikatsiya sledstvenno-operativnykh grupp [Classification of investigative and operational groups]. *Nauchnyy portal MVD Rossii*. 1. pp. 39–42.
12. Lozhis, Z.Z. (2019) Aktual'nye voprosy vzaimodeystviya Sledstvennogo komiteta Rossii s organami doznaniya i sledstviya drugikh vedomstv pri rassledovanii prestupleniy terroristicheskoy napravlenosti [Current issues of interaction of the Investigative Committee of Russia with the bodies of inquiry and investigation of other departments in the investigation of terrorist crimes]. *Akademicheskaya mysl'*. 1 (6). pp. 9–13.
13. Ural State Law Institute. (2018) *Otchet "O nauchno-issledovatel'skoy rabote 'Kompleksnoe (ekonomicheskoe i kriminologicheskoe) issledovanie karteley i inykh antikonkurentnykh soglasheniy v Rossiyskoy Federatsii, v tom chisle urovnya ikh latentnosti, dokhodov karteley i inykh antikonkurentnykh soglasheniy i otsenki prichinyaemogo ushcherba' "* [Report "On the research work 'Comprehensive (economic and criminological) study of cartels and other anti-competitive agreements in the Russian Federation, including the level of their latency, income of cartels and other anti-competitive agreements and assessment of the damage caused' "]. Ekaterinburg: Ural State Law Institute.

Информация об авторе:

Даниловская А.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процессуального права юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права (Хабаровск, Россия). E-mail: d_a_v@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Danilovskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, Khabarovsk State University of Economics and Law (Khabarovsk, Russian Federation). E-mail: d_a_v@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.140.02

doi: 10.17223/23088451/22/8

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОСЛЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И РЕЛЕВАНТНОСТИ НЕПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Юрий Владимирович Дерисhev¹, Павел Максимилианович Голошубин²

^{1,2} Сибирский юридический университет, Омск, Россия

¹ derishev.omsk@mail.ru

² goloshubin86@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы необходимости сохранения или модернизации следственного производства. В рамках исследования проблемы использования непроцессуальных сведений в качестве оснований для возбуждения уголовного дела определяются критерии эффективности оперативно-розыскного сопровождения (обеспечения) следственного производства, а также получения релевантной (существенной, важной и уместной) информации, в том числе восполнения ее дефицита посредством проведения дополнительных действий органом дознания.

Ключевые слова: уголовный процесс, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, основания для возбуждения уголовного дела, следственная проверка сообщения о преступлении

Для цитирования: Дерисhev Ю.В., Голошубин П.М. О правовой природе следственного производства и релевантности непроцессуальной информации в определении оснований для возбуждения уголовного дела // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 49–54. doi: 10.17223/23088451/22/8

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/8

ON THE LEGAL NATURE OF THE PRE-INVESTIGATION CHECK AND THE RELEVANCE OF NON-PROCEDURAL INFORMATION IN DETERMINING THE GROUNDS FOR INITIATING A CRIMINAL CASE

Yury V. Derishev¹, Pavel M. Goloshubin²

^{1,2} Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

¹ derishev.omsk@mail.ru

² goloshubin86@mail.ru

Abstract. The article discusses the need to preserve or modernize pre-investigation proceedings, in which context the problem of using operational investigative information as grounds for initiating a criminal case is considered. The authors examine the requirements for the effective operational investigative support of pre-investigation check and, in particular, the problems of quick, complete, and legal obtaining of relevant information, i.e., corresponding to the expectations and needs of the investigator for making an informed decision on initiating a criminal case. It is suggested that the informational gaps can be filled by setting additional tasks for the inquiry body. The authors substantiate that operational investigative information ultimately determines the subsequent criminal procedural proving and the relevance of assumptions about the capacity of operational investigation results. The authors conclude that “sufficiency” (quantitative and qualitative) takes precedence over “redundancy” of operational investigative information.

Keywords: criminal process, operational investigative activities, operational investigative actions, grounds for initiating a criminal case, pre-investigation check of a crime report

For citation: Derishev, Yu.V. & Goloshubin, P.M. (2023) On the legal nature of the pre-investigation check and the relevance of non-procedural information in determining the grounds for initiating a criminal case. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 49–54. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/8

Уголовный процесс без оперативно-розыскной деятельности в большинстве случаев производства по серьезным делам бесцелен, оперативно-розыскная деятельность без выхода через уголовный процесс – бесплодна...

В.Т. Томин

Дискуссия о правовой природе и месте стадии возбуждения уголовного дела в современном отечественном уголовном судопроизводстве не теряет своего накала. Фактически ставится принципиальный

вопрос о необходимости ее сохранения как самостоятельного вида уголовно-процессуальной деятельности. При этом следует объективно признать, что следственное производство продолжает серьезно лихорадить, особенно последние годы (примерно с 2007 г.). Действительно, расширение полномочий дознавателей и следователей на стадии проверки сообщения о преступлении превратили ее в «квазирасследование», функционально подменяющее следующую за ней стадию» [1. С. 88].

Следователи «погрязли» в проведении следственных проверок, подменяя в этом органы дознания, и фактически возбуждают уголовные дела лишь в 20 из 100 случаев поступления сообщений о преступлении (происшествии). В связи с этим профессионально, и достаточно серьезно, деформируются и органы дознания, и следственный аппарат.

Неутешителен вывод, что «в современном отечественном уголовном процессе со всей очевидностью сформировалось самостоятельное, относительно квалифицированное производство по уголовному делу в форме предварительного расследования первого уровня, за которым идет собственно предварительное расследование (окончательного уровня), которое практически присваивает “знак качества” предыдущей деятельности» [2. С. 78].

Как известно, аналогов данного производства в подобном виде не знал ни русский, ни ранний советский, ни зарубежный уголовный процесс. В последние годы от него отказываются уголовно-процессуальные порядки государств постсоветского пространства (Грузия, Украина, Казахстан). Однако справедливости ради необходимо отметить, что подобный радикализм также не везде пошел на пользу. Так, один из ведущих экспертов в области уголовного судопроизводства Республики Казахстан, А.Н. Ахпанов среди огрехов нового порядка начального этапа досудебного расследования отмечает сложность определения юридического факта возбуждения уголовного преследования, предлагая исчислять его не с момента регистрации повода к производству досудебного расследования, а с решения о предании обвиняемого прокурором суду, что требует законодательного вмешательства [3. С. 8].

Следует прислушаться и к доводам сторонников сохранения данной стадии, которые считают, что «в кризисный период развития нашей страны отказываться от апробированных и проверенных многими десятилетиями институтов... нецелесообразно» [4. С. 69].

Более того, А.А. Давлетов и Л.А. Кравчук полагают, что отказ от стадии возбуждения дела оправдывает состязательный уголовный процесс, когда досудебное производство осуществляется внесудебными, полицейскими средствами, между тем как отечественное производство остается публично-розыскным. Поэтому «возбуждение уголовного дела объективно занимает в нем место стадии, исполняя роль необходимого фильтра,

предшествующего предварительному расследованию» [5. С. 116], с чем также трудно не согласиться¹.

Вполне очевидно, что здесь необходимо «соломоново решение», которым может стать шаг к возрождению «полицейского дознания». Действительно, «досудебное производство должно начинаться осуществляемым в рамках уголовно-процессуального, административного и оперативно-розыскного законодательства *дознанием* по проверке заявлений и сообщений о происшествиях с признаками преступления и установлению оснований для начала производства предварительного расследования по уголовному делу. *Полицейское (доследственное) дознание* представляет собой конгломерат оперативно-розыскной и процессуальной деятельности по раскрытию преступления в целях передачи дела следователю для производства предварительного следствия либо направления расследованного дела в суд» [7. С. 34].

Вместе с тем это лишь одна из версий оптимизации следственных процедур. Безусловно, в любых правовых порядках поиск оснований для открытия уголовного судопроизводства *ex officio* необходим объективно, очевидна в этом и ведущая роль органов дознания, в первую очередь полиции. Эта деятельность будет всегда востребована, независимо от организации уголовного судопроизводства и его корреляций с оперативно-розыскной деятельностью. Тем не менее проблема соотношения «процессуального и непроцессуального» в следственном производстве остается перманентно актуальной и требует своего разрешения.

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела считается наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, что позволяет выделить *три ключевых элемента* данного понятия, присутствие которых обязательно. Во-первых, это наличие данных, во-вторых, их достаточность и, в-третьих, открытие с их помощью признаков преступления. Как свидетельствует многолетняя правоприменительная практика, для возбуждения уголовного дела чаще всего достаточно указания на объект и объективную сторону состава преступления.

Вместе с тем часть процессуалистов, назовем их «минималистами», полагают, что для возбуждения уголовного дела «достаточно минимума признаков деяния», запрещенного УК РФ [8. С. 253]. Такой подход представляется несколько упрощенным, признающим лишь количественный состав, т.е. самое минимальное количество признаков преступления, чтобы возбудить уголовное дело. Изложенная позиция требует существенного и сущностного уточнения, корень которого в замене количественно *достаточного* минимума на его качественную *достаточность*, которую призвана обеспечить в том числе и оперативно-розыскная деятельность (ОРД).

Более того, считаем, что в современном отечественном правовом порядке роль непроцессуальной (оперативно-розыскной) информации должна быть пересмотрена в

¹ Следует отметить, что данный фильтр приобретает особое, «двойное» значение при решении вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении лиц, указанных в ст. 447 УПК РФ, так как

не только ограничивает доступ в уголовное судопроизводство «не преступлений», но и защищает иммунитет данных персон [6. С. 97–102].

пользу ее более широкого использования в определении оснований для возбуждения уголовного дела.

Формально использование результатов ОРД регламентировано ст. 11 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее ФЗ «Об ОРД») [9], а также соответствующими положениями УПК РФ, что, на первый взгляд, исчерпывает потребности правоприменителя. На деле ситуация сложнее, о чем, в частности, свидетельствуют многократные корректировки, внесенные в гл. 19 УПК РФ [10], а также активная перманентная дискуссия о природе доследственного производства в специальной литературе, где авторы, пишущие по данной теме, порой существенно расходятся в оценках по большинству позиций и ситуаций, соглашаясь в то же время в том, что анализируемая стадия остается «фильтром уголовного судопроизводства» [11. С. 164].

Регламентируемая Уголовно-процессуальным кодексом РФ стадия возбуждения направлена на подтверждение или установление факта запрещенного законом деяния. На этой стадии в рамках следственных (процессуальных) действий сообщение о преступлении проверяется на наличие/отсутствие реальных предпосылок для того, чтобы начать формальное уголовное преследование [12. С. 18]. В целом, принимая во внимание п. 9 ст. 5 УПК РФ, – это уголовно-процессуальная деятельность, так как ведется в рамках уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 144 УПК РФ, проверка сообщения о преступлении направлена на выявление и формализацию признаков его состава, что предполагает необходимость использования следователем результатов ОРД, откуда и черпается информация, прямо или косвенно относящаяся к возможному преступлению. Эти сведения определяют не только наличие/отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела, но и перспективы расследования будущего уголовного дела.

Исходя из положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ, предполагается, что сообщение фактически лишь о происшествии уже содержит указание на наличие в нем признаков преступления. Как свидетельствует практика правоприменения, результаты ОРД, переданные в следственное подразделение, направляются его руководителем следователю, который проверяет их в порядке ст. 144 УПК РФ в плане *достаточности* для возбуждения уголовного дела.

Действительно, правоприменительная практика в полной мере свидетельствует о том, что именно оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), проводимые до возбуждения уголовного дела, обеспечивают следователя необходимым и *достаточным* объемом данных, которые в своей системе ложатся в основу планирования расследования. Именно оценка уровня *достаточности* объема, а возможно, и качества сведений для принятия процессуального решения наиболее важна, и именно она актуализирует научный поиск, так как недостаточность, т.е. дефицит информации, создает ситуацию информационной неопределенности. Именно ее преодоление на стадии возбуждения уголовного дела полностью подчинено, по мнению Н.А. Подольного,

задачам производства следственных действий. В данном случае автор допускает любое, пусть и не вполне обоснованное наращивание числа следственных действий в целях получения информации [13. С. 5], хотя ранее тот же автор указывал на проблему избыточности следственных действий [14. С. 61]. Такой подход опасен превращением в самоцель, когда превалирует стремление «накопать» или «добыть» не столько реальные, сколько формально необходимые данные.

Полагаем, что достижение условного уровня *достаточности* следует рассматривать с позиций реализации принципов законности, разумности, а также эффективности, которая прямо связана с профессионализмом при производстве проверочных и следственных действий. Если понимание первых двух категорий относительно устоялось в литературе, то вокруг последней идут дискуссии. В связи с этим сложно согласиться с позицией В.К. Зникина, который под эффективностью понимает «наиболее высокую степень достижения поставленных перед этой деятельностью целей и задач», смешивая, таким образом, рассматриваемое понятие с «результативностью», в то же время признавая, что критерии определения понятия остаются дискуссионными [15. С. 20].

Экономическая теория (эффективность в первую очередь экономическое понятие), предполагает, что *эффективность* – это достижение максимального результата при минимальных затратах (издержках). Именно такое сопоставление при условии разумного поведения субъектов образует основные критерии любой эффективности. В нашем случае это минимум тщательно спланированных, точно ориентированных своевременных действий, в результате которых без потерь времени и ресурсов удалось получить максимум релевантной информации.

Эффективность – основной признак или критерий оценки профессионализма при производстве следственных действий, а также ОРМ. Эффективность имеет и качественный аспект, так как предполагает требуемую следователю добротность оперативно-розыскной информации. Данная категория в полной мере относится также к оценке уровня процессуального руководства следователем оперативно-розыскным сопровождением (обеспечением) доследственного производства и последующего предварительного расследования, в рамках которых следователь в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 38 и ч. 1 ст. 144 УПК РФ может поручать органам дознания проведение ОРМ.

Как известно, «милицейская ведомственная» уголовно-процессуальная наука много лет рассматривает данные отношения в рамках понятия «взаимодействие» следователя и органов дознания. Так, А.Н. Гушин указывает на то, что «инициатором такого *взаимодействия* может быть следователь» [16. С. 158]. Данный подход считаем теоретически и с точки зрения практики некорректным. Во-первых, «*взаимодействия*» не может быть между руководителем (следователем) и исполнителем (органом дознания). Здесь действуют механизмы и правила *соподчинения* в рамках оперативно-розыскного сопровождения расследования. Во-вторых, УПК РФ не предусматривает, чтобы кто-то другой, помимо следователя, выступал с такого рода *инициативой*. Именно он

формулирует задачи допустимой и относимой реализации ОРМ, так как их результаты могут лечь в основу расследования и стать доказательствами. Также обратим внимание на еще одну неточность, которая довольно часто встречается в литературе. В данном случае речь идет о том, что следователь формулирует требования к результатам ОРМ, указывая, *какую именно* информацию необходимо получить или установить. Вместе с тем для обеспечения объективности следователь не может предустанавливать, «заказывать» определенную информацию, а может лишь давать задание о том знании, которое он хочет получить в результате проведения ОРМ, оценивая в дальнейшем релевантность, относимость и допустимость полученной информации, т.е. фактически качество ОРМ и их результаты, эффективность и своей работы.

В этой ситуации отсутствие формализованного алгоритма подобных взаимоотношений прослеживается при изучении специальной литературы, где типичны указания на «необходимость согласования и координации деятельности следователя и оперативных подразделений» [16. С. 158]. Речь идет, в частности, о составлении планов ОРМ, в ходе которых предполагается проверить сообщение о преступлении, о процедуре его согласования, действиях руководителей оперативных подразделений и органов предварительного следствия. Приоритет здесь отдается в большей части не столько форме, структуре, логике или обоснованности плана, сколько оперативности его составления, а значит, и реализации. Как указывает С.М. Коцюмбас, преступления в основном раскрываются по «горячим следам», а это требует результата «в первые дни или даже часы» [17. С. 396]. Более осторожен в этом плане А.Н. Гуцин, указывающий на специфику возбуждения уголовного дела по результатам ОРМ, которая состоит не в скорости как таковой, а в большей степени «в правильном выборе времени реализации материалов оперативного учета» [16. С. 157–158].

Использование результатов ОРД с целью установления оснований для возбуждения уголовного дела

предполагает полную и эффективную в уголовно-процессуальном смысле этого понятия реализацию положений ст. 11 ФЗ «Об ОРД» и применимых статей УПК РФ. Важно подчеркнуть, что ФЗ «Об ОРД» указывает на то, что результаты ОРД *могут служить*, а не автоматически признаются основанием для возбуждения уголовного дела.

Исходя из ч. 2 ст. 140 УПК РФ, которая в отличие от других статей и их пунктов не подверглась корректировке с момента принятия Кодекса, основанием для возбуждения уголовного дела, бесспорно, остается *наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления*. Именно эти обстоятельства должен констатировать следователь, опираясь в том числе и на результаты ОРД. Если имеющейся процессуальной и оперативно-розыскной информации недостаточно, чтобы возбудить уголовное дело, следователь, как полагает А.Ю. Мирошниченко, наделен полномочиями поручить оперативным подразделениям выявить дополнительную информацию, необходимую для установления всех имеющих значение для дела обстоятельств [18. С. 56]. Акцент здесь следует сделать именно на выявлении объективно имеющейся, но ранее скрытой информации, а не на ее произвольном продуцировании для подкрепления уже имеющейся предполагаемой следственной версии.

Таким образом, основания для открытия уголовного производства необходимы в любом случае – сохранится ли стадия возбуждения уголовного дела, либо она будет кардинально модернизирована. При этом, как представляется, эффективность оперативно-розыскного сопровождения (обеспечения) уголовного досудебного производства всегда будет определяться плодотворной связью следственного запроса на получение необходимой процессуальной информации и качественными результатами деятельности оперативно-розыскных подразделений по получению и представлению сведений – оснований для возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. Маслов И.А., Новиков А.М. Нерешенные проблемы стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2011. № 5. С. 87–99.
2. Деришев Ю.В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 74–91.
3. Ахпанов А.Н. Институт уголовно-процессуального принуждения: казахстанский опыт // Проблемы предварительного следствия и дознания. Сборник научных трудов № 29 : по материалам междунар. науч.-практ. конф. «Принуждение в уголовном процессе: современные проблемы и тенденции». М. : ВНИИ МВД России, 2020. С. 6–14.
4. Яблина М.В. К вопросу об исключении из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 66–69.
5. Давлетов А.А., Кравчук Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела – обязательный этап современного отечественного уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 114–120.
6. Деришев Ю.В., Чекмезова Е.И., Тулева Д.Д. Проблемные вопросы квалификации преступлений и определения подследственности уголовных дел в отношении специальных субъектов: от практики к теории // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 1. С. 92–102.
7. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. 51 с.
8. Кузьмин А.С., Мухтаситова Т.Н. Основание для возбуждения уголовного дела // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 4 (48). С. 252–254.
9. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2022) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.09.2023).
10. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 09.03.2022 № 51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.11.2023).

11. Шинкарук В.М. Основание возбуждения уголовного дела: терминологические проблемы межотраслевого характера // *Legal Concept*. 2016. № 2 (31). С. 162–166.
12. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 60 с.
13. Подольный Н.А. Значение разрешения ситуации информационной неопределенности для расследования преступлений // *Российский следователь*. 2011. № 17. С. 4–6.
14. Подольный Н.А. Проблема избыточных следственных действий // *Уголовное право*. 2002. № 4. С. 60–63.
15. Зникин В.К. Некоторые проблемы эффективности и качества досудебного производства // *Уголовная юстиция*. 2014. № 1 (3). С. 20–24.
16. Гуцин А.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела и в доказывании по уголовным делам // *Вестник Воронежского института МВД России*. 2020. № 4. С. 157–162.
17. Коцюмбас С.М. К вопросу о ситуационных особенностях собирания доказательств на стадии возбуждения уголовного дела (организационно-управленческие и процессуально-криминалистические аспекты) // *Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики : материалы 2-й Международ. науч.-практ. конф.* 11–12 апреля 2012 г. М., 2012. С. 394–398.
18. Мирошниченко А.Ю. Понятие результатов оперативно-розыскной деятельности и их использование в процессе доказывания // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2014. № 1 (26). С. 54–58.

References

1. Maslov, I.A. & Novikov, A.M. (2011) Nereshennye problemy stadii возбуждения уголовного дела pri rassmotrenii soobshcheniy o nalogovykh prestupleniyakh [Unsolved problems at the stage of initiating a criminal case when considering reports of tax crimes]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 87–99.
2. Derishev, Yu.V. (2019) About modern national criminal procedure science generally and organizations of the investigative device in particular *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 31. pp. 74–91. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/31/7
3. Akhpanov, A.N. (2020) Institut ugolovno-protsessual'nogo prinuzhdeniya: kazakhstanskiy opyt [Institute of criminal procedural coercion: Kazakhstan's experience]. *Problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya*. 29. pp. 6–14.
4. Zyablina, M.V. (2017) K voprosu ob isklyuchenii iz rossiyskogo ugolovnogo protsessa stadii возбуждения уголовного дела [On excluding the stage of initiating a criminal case from the Russian criminal process]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 66–69.
5. Davletov, A.A. & Kravchuk, L.A. (2010) Stadiya возбуждения уголовного дела – obyazatel'nyy etap sovremennogo otechestvennogo ugolovnogo protsessa [The stage of initiating a criminal case is a mandatory stage of the modern Russian criminal process]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 6. pp. 114–120.
6. Derishev, Yu.V., Chekmezova, E.I. & Tuleva, D.D. (2021) Problemye voprosy kvalifikatsii prestupleniy i opredeleniya podsledstvennosti ugolovnykh del v otnoshenii spetsial'nykh sub'ektov: ot praktiki k teorii [Issues of qualification of crimes and determination of jurisdiction of criminal cases in relation to special subjects: From practice to theory]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. 18 (1). pp. 92–102.
7. Derishev, Yu.V. (2005) *Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: kontseptsiya protsedurnogo i funktsional'no-pravovogo postroeniya* [Criminal pre-trial proceedings: The concept of procedural and functional legal structure]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk.
8. Kuzmin, A.S. & Mukhtasipova, T.N. (2014) Osnovanie dlya возбуждения уголовного дела [Grounds for initiating a criminal case]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 4 (48). pp. 252–254.
9. Russian Federation. (1995) *Federal'nyy zakon "Ob operativno-rozysknoy deyatel'nosti" ot 12.08.1995 g. № 144-FZ (red. ot 01.04.2022)* [Federal Law No. 144-FZ "On Operational Investigative Activities" dated August 12, 1995 (as amended on April 1, 2022)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 01.09.2023).
10. Russian Federation. (2022) *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v stat'i 140 i 144 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" ot 09.03.2022 №51-FZ* [Federal Law No. 51-FZ "On Amendments to Articles 140 and 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated March 9, 2022]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 01.11.2023).
11. Shinkaruk, V.M. (2016) Osnovanie возбуждения уголовного дела: terminologicheskie problemy mezhotraslevogo kharaktera [Grounds for initiating a criminal case: Terminological problems of an intersectoral nature]. *Legal Concept*. 2 (31). pp. 162–166.
12. Khimicheva, G.P. (2003) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti* [Pre-trial proceedings in criminal cases: The concept of improving criminal procedural activities]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
13. Podolnyy, N.A. (2011) Znachenie razresheniya situatsii informatsionnoy neopredelennosti dlya rassledovaniya prestupleniy [The importance of resolving the situation of information uncertainty for the investigation of crimes]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 17. pp. 4–6.
14. Podolnyy, N.A. (2002) Problema izbytochnykh sledstvennykh deystviy [The problem of excessive investigative actions]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 60–63.
15. Znikin, V.K. (2014) Some problems of efficiency and quality of pre-trial procedure. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (3). pp. 20–24. (In Russian).
16. Gushchin, A.N. (2020) Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti na stadii возбуждения уголовного дела i v dokazyvanii po ugolovnym delam [Using the results of operational investigative activities at the stage of initiating a criminal case and in proving criminal cases]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 4. pp. 157–162.
17. Kotsyumbas, S.M. (2012) K voprosu o situatsionnykh osobennostyakh sobiraniya dokazatel'stv na stadii возбуждения уголовного дела (organizatsionno- upravlencheskie i protsessual'no-kriminalisticheskie aspekty) [On the situational features of collecting evidence at the stage of initiating a criminal case (organizational, managerial and procedural forensic aspects)]. *Perspektivy razvitiya ugolovno-*

protsessual'nogo prava i kriminalistiki [Prospects for the development of criminal procedural law and criminology]. Proc. of the 2nd International Conference. Moscow, April 11–12, 2012. Moscow. pp. 394–398.

18. Miroshnichenko, A. Yu. (2014) Ponyatie rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti i ikh ispol'zovanie v protsesse dokazyvaniya [The concept of the results of operational investigative activities and their use in the process of proof]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 1 (26). pp. 54–58.

Информация об авторах:

Деришев Ю.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор Сибирского юридического университета (Омск, Россия).

E-mail: derishev.omsk@mail.ru

Голошубин П.М. – аспирант кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (Омск, Россия).

E-mail: goloshubin86@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Derishev, Dr. Sci. (Law), professor, professor of Siberian Law University (Omsk, Russian Federation). E-mail:

derishev.omsk@mail.ru

P.M. Goloshubin, postgraduate student, Siberian Law University (Omsk, Russian Federation). E-mail: goloshubin86@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 16.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.131.5

doi: 10.17223/23088451/22/9

ОТВОД АДВОКАТА ЗАЩИТНИКА КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ОБВИНЯЕМОГО И ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Анастасия Сергеевна Морозова¹

¹ Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, morozova.an.s@mail.ru

Аннотация. Исследуется институт отвода адвоката применительно к уголовно-процессуальным стратегиям. Устанавливается связь между институтом отвода адвоката в уголовном судопроизводстве и стратегией защиты прав и свобод обвиняемого. Анализируется позиция Конституционного Суда РФ. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что, несмотря на явно негативное отношение адвокатского сообщества к институту отвода адвоката, его правильное применение способствует эффективной защите прав и свобод обвиняемого.

Ключевые слова: отвод адвоката, уголовно-процессуальные стратегии, защита прав и свобод обвиняемого, конфликт интересов, принципы уголовного процесса

Для цитирования: Морозова А.С. Отвод адвоката защитника как механизм реализации стратегии защиты прав и свобод обвиняемого и подозреваемого // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 55–59. doi: 10.17223/23088451/22/9

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/9

CHALLENGING THE DEFENCE LAWYER AS A MECHANISM OF THE STRATEGY FOR PROTECTING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE ACCUSED AND SUSPECTED

Anastasiia S. Morozova¹

¹ Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, morozova.an.s@mail.ru

Abstract. The article examines challenging a lawyer as a criminal procedural strategy specified by Nikolay Stoyko. The author establishes a connection between challenging a lawyer in criminal proceedings and the strategy for protecting the rights and freedoms of the accused. According to the Constitutional Court of the Russian Federation, the absence of contradiction between the legitimate interests of the defence lawyer and their client is a prerequisite for qualified legal assistance. The author analyzes the situations when a defence lawyer is obliged to refuse an assignment to defend a criminal case, or not to accept it at all and concludes that despite the clearly negative attitude of the legal community towards the institution of challenging the lawyer, its correct application contributes to the effective protection of the rights and freedoms of the accused.

Keywords: challenge of lawyer, criminal procedural strategies, protection of the rights and freedoms of the accused, conflict of interest, principles of criminal procedure

For citation: Morozova, A.S. (2023) Challenging the defence lawyer as a strategy for protecting the rights and freedoms of the accused and suspected. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 55–59. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/9

Наличие обстоятельств, которые исключают возможность участия адвоката в производстве по уголовному делу, вызывает вопросы о том, какие цели преследует законодатель, устанавливая их, и как это сказывается на интересах доверителя адвоката.

Уголовно-процессуальная наука постоянно развивается. Этому способствует стратегическое целеполагание, т.е. выбор наиболее перспективных путей модернизации уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, соответствующих положениям ст. 6 УПК РФ. Права и свободы личности в Российской Федерации может ограничивать только государство, в том числе в уголовном судопроизводстве, где они затрагиваются наиболее остро.

Ст. 6 УПК РФ, закрепляющая назначение уголовного судопроизводства, демонстрирует, что частные интересы и их защита с точки зрения законодателя значительно приоритетнее, поскольку указанная норма гарантирует защиту прав и интересов лиц, потерпевших от преступления, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Обратимся к уголовно-процессуальным стратегиям, выделяемым Н.Г. Стойко. Среди них указаны: защита прав и свобод обвиняемого; уголовное преследование; социальная поддержка обвиняемого; социальная поддержка потерпевшего; рациональность и эффективность уголовного судопроизводства; примирение [1. С. 65].

Стратегия защиты прав и свобод обвиняемого, по мнению Н.Г. Стойко, является одной из основополагающих. Поскольку институт отвода адвоката направлен в первую очередь на реализацию прав и свобод обвиняемого и подозреваемого, он будет рассмотрен именно в рамках указанной стратегии.

Нельзя не отметить, что к институту отвода отдельные адвокаты относятся крайне негативно, отмечая, что он обеспечивает интересы отдельных должностных лиц и порой становится карательным инструментом в руках стороны обвинения или средством воздействия на неугодного адвоката [2]. В связи с этим становится неочевидным то, что отвод адвоката является в первую очередь одним из механизмов реализации стратегии защиты прав и свобод обвиняемого. Защита как юридическое явление имеет общеправовое, а также уголовно-процессуальное значение. Согласно общеправовому значению права, свободы и интересы гражданина соблюдаются во всех сферах правовой практики. Квалифицированная юридическая помощь гарантируется каждому лицу Конституцией РФ. Уголовно-процессуальное же значение защиты выражается в том, что она гарантируется УПК РФ, и лицу предоставляется возможность защищаться всеми способами и средствами, не запрещенными уголовно-процессуальным законом.

В качестве цели стратегии защиты прав и свобод обвиняемого Н.Г. Стойко, прежде всего, выделяет справедливость – процедурную и материальную. У стратегии есть ряд принципов, в том числе автономия суда и разделение сторон; процедурное равноправие и самостоятельность сторон в исследовании доказательств; контроль сторон за ходом судопроизводства и разрешение дела только судом; вероятная невиновность обвиняемых перед судом [3].

Какое же место занимает отвод адвоката в реализации вышеупомянутой стратегии? Для освещения обозначенной темы следует прежде всего обратиться к позиции Конституционного Суда РФ.

Так, в Конституционный Суд РФ направлялись обращения, в которых оспаривалась конституционность ст. 72 УПК РФ. По мнению заявителей, ст. 72 УПК РФ предусматривает возможность отвести защитника без учета позиции доверителя и, как следствие, противоречит закрепленному праву на получение квалифицированной юридической помощи защитником, выбранным конкретным лицом. Конституционный Суд РФ при рассмотрении данных обращений, в свою очередь, указывает, что положение об отводе адвоката «не только не ограничивает право подозреваемого и обвиняемого на защиту, а напротив, является дополнительной гарантией его реализации, поскольку направлено на исключение каких-либо действий со стороны защитника, могущих прямо или косвенно способствовать неблагоприятному для его подзащитного исходу дела» [4].

Конституционный Суд РФ не усматривает ущемления прав лица нормой об отводе адвоката также потому, что данное «нормативное положение, выступающее в системе действующего правового регулирования одной из гарантий надлежащего осуществления адвокатом юридической помощи и направленное как на

обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, являющихся или являющихся его доверителями, так и на защиту публичных интересов в сфере уголовного судопроизводства, осуществляемого в условиях действия принципа состязательности сторон и обеспечивающего всесторонность, полноту и объективность исследования всех обстоятельств дела, не является неопределенным, не ограничивает свидетеля в праве пригласить для участия в допросе иного адвоката, не участвующего в данном деле, не создает непреодолимых препятствий для получения свидетелем квалифицированной юридической помощи и не может расцениваться в качестве нарушающего конституционные права заявительницы в обозначенном ею аспекте» [5].

Нельзя не обратить внимания на явную тенденцию в решениях Конституционного Суда РФ, который весьма последовательно отстаивает конституционность положений УПК РФ об отводе адвоката. Участники же уголовного процесса в настоящее время продолжают воспринимать данные положения как нарушающие их право на защиту, на получение квалифицированной юридической помощи тем лицом, которое они для этого выбрали.

Стоит согласиться с мнением Конституционного Суда РФ по данному вопросу в связи с тем, что именно отсутствие противоречий между законными интересами адвоката и его доверителей является обязательным условием оказания квалифицированной юридической помощи, гарантированной каждому положениями ч. 1 ст. 48 Конституции РФ. Своевременный отвод адвоката при наличии установленных законом обстоятельств поможет таких противоречий избежать.

Как известно, уголовно-процессуальное законодательство не предъявляет к защите требования эффективности, данный вопрос не урегулирован и законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре. Тем не менее требования, предъявляемые к адвокату Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [6], а также Кодексом профессиональной этики адвоката [7], пусть и не указывают прямо, однако предполагают, что любая осуществляемая защита должна быть эффективной.

Стоит отметить, что эффективность является характеристикой защиты, а не ее результатом. Это объясняется тем, что ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката запрещает давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения [7].

Среди признаков неэффективности защиты выделяют нехватку времени для подготовки к защите, отсутствие надлежащих условий при проведении консультаций, отсутствие специальных средств для реализации права на защиту, исключительно формальное присутствие защитника на следственных действиях, неудовлетворение ходатайства обвиняемого о замене защитника по назначению, наличие договоренностей между адвокатом и лицом, осуществляющим предварительное расследование [8]. Однако наличие этих признаков говорит не столько о неэффективности, сколько о несоблюдении минимального,

установленного законом стандарта осуществления защиты по уголовным делам. Эффективность защиты – это нечто большее, чем простое соблюдение закона и добросовестное исполнение своих обязанностей.

В частности, адвокат обязан действовать абсолютно независимо, он должен быть свободен от любого давления извне, особенно со стороны государства, от других внешних воздействий, в первую очередь от своих личных интересов. Таким образом, эффективность защиты достигается, помимо прочего, еще и в том случае, когда деятельность адвоката не порождает конфликта интересов между ним и его доверителем.

При оказании юридической помощи адвокат так или иначе становится обладателем конфиденциальной информации, которая касается жизни доверителей и иных, связанных с доверителем, лиц. Профессиональная независимость адвоката, а также убежденность доверителя в порядочности, честности и добросовестности адвоката являются необходимыми условиями доверия к нему [8]. И адвокат должен действовать, исходя из цели установления и дальнейшего сохранения такого доверия.

Наличие имеющихся противоречий между подзащитным и иным лицом, участвующим в данном деле, которому адвокат ранее оказывал юридическую помощь, является препятствием для осуществления эффективной защиты [9. С. 156].

Так, адвокатское сообщество выделяет «не только противоречия в показаниях данных лиц относительно факты обвинения, но и наличие точно определенных сведений, указывающих, например, на: противоположное процессуальное положение лиц в рамках одного уголовного дела, либо выделенного из него; наличие явно выраженных неприязненных отношений между этими лицами; существующие претензии друг к другу материального характера; четко выраженные существенные различия в описании фактов и обстоятельств дела; разные роли и степень участия лиц относительно предъявленного обвинения; дача одним лицом показаний, опровергающих показания другого лица или изображающих его в деянии, которое тот отрицает; факты давления одного лица на другое и т.п.» [10].

Стоит также отметить, что далеко не всегда подзащитный, а также органы уголовной юстиции, в производстве которых находится дело, осведомлены об обстоятельствах профессиональной деятельности адвоката, имеющих у него служебных, родственных, имущественных и иных социальных связях и отношениях. В таком случае указанные требования влекут обязанность самого адвоката определить дальнейшую возможность оказания помощи тому или иному лицу в уголовном деле.

Как правило, лицо, обращающееся за оказанием квалифицированной юридической помощи, предполагает, что адвокат руководствуется в своей деятельности принципами независимости, объективности, профессионализма и законности своих действий. Этой же мысли придерживаются и дознаватель, следователь или суд при вступлении адвоката в дело в качестве защитника.

Несоблюдение адвокатом указанных в законе ограничений по оказанию юридической помощи, по участию в производстве уголовных дел при наличии

исключающих его участие обстоятельств является грубым нарушением профессиональных обязанностей, так как нарушает закон и права как его нынешнего доверителя (подзащитного), так и бывшего доверителя, порождает недоверие к адвокату, подрывает авторитет адвокатуры как института гражданского общества в целом.

Ст. 62 УПК РФ предписывает, что защитник, представитель потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, наряду с другими участниками уголовного судопроизводства, при наличии оснований для отвода обязаны уклониться от участия в производстве по уголовному делу [11].

В соответствии с ч. 2 ст. 72 УПК РФ решение об отводе защитника принимается в порядке, установленном ст. 69 УПК РФ, т.е. лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Решение об отводе защитника может быть принято только при наличии указанных в законе обстоятельств [11].

Если адвокат обладает сведениями о том, что ранее им была оказана юридическая помощь лицу, чьи интересы противостоят интересам лица, которое на данный момент обращается к нему за защитой по уголовному делу, и если вопросы, по которым адвокатом ранее оказывалась юридическая помощь, взаимосвязаны с обстоятельствами обвинения, предъявленного его подзащитному, он обязан отказаться от принятия поручения.

При наличии сомнений в том, что на момент обращения имеются противоречия, или имеется возможность их возникновения во время дальнейшего производства по делу, адвокату необходимо рассмотреть этот вопрос с доверителем, а также лицом, в производстве которого находится уголовное дело. После этого адвокат должен решить, принимать данное поручение или нет.

Обстоятельства, исключающие возможность участия адвоката в производстве по уголовному делу, могут стать известными уже после принятия на себя поручения о защите, в ходе следствия или судебного разбирательства. В таком случае адвокат обязан уклониться от участия в производстве, расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи.

Кодекс профессиональной этики адвоката предусматривает также ряд запретов на оказание юридической помощи. Так, адвокат не вправе: действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне; оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката, быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противостоят друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон. Также если после принятия поручения, кроме поручения на защиту по уголовному делу на предварительном следствии и в суде первой инстанции, выявятся обстоятельства, при которых адвокат был не вправе принимать поручение, он должен расторгнуть соглашение. Принимая

решение о невозможности выполнения поручения и расторжении соглашения, адвокат должен по возможности заблаговременно поставить об этом в известность доверителя с тем, чтобы последний мог обратиться к другому адвокату.

Если в результате конкретных обстоятельств возникает необходимость оказания юридической помощи лицам с различными интересами, а равно при потенциальной возможности конфликта интересов, адвокаты, оказывающие юридическую помощь совместно на основании партнерского договора, обязаны получить согласие всех сторон конфликтного отношения на продолжение исполнения поручения и обеспечить равные возможности для правовой защиты этих интересов.

Помимо случаев, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, адвокат не вправе принимать поручение на осуществление защиты по одному уголовному делу от двух и более лиц, если:

1) интересы одного из них противоречат интересам другого;

2) интересы одного, хотя и не противоречат интересам другого, но эти лица придерживаются различных позиций по одним и тем же эпизодам дела;

3) необходимо осуществлять защиту лиц, достигших и не достигших совершеннолетия [7].

Исходя из вышеуказанного, можно сделать вывод о том, что наиболее жесткие рамки для участия адвоката установлены в уголовном судопроизводстве. Очевидно, на любой стадии судопроизводства адвокат может столкнуться с различными проблемами и возможными препятствиями, затрудняющими процесс эффективной защиты, для разрешения которых необходимо продемонстрировать весь свой профессионализм. Именно профессионализм и объективность со стороны адвоката позволят использовать такой институт, как отвод, исключительно для защиты прав и свобод обвиняемого, а это в конечном счете и является целью адвокатской деятельности. Таким образом, отвод как правовой институт должен служить стратегии защиты прав и свобод обвиняемого, а в качестве своей цели преследовать справедливость.

Список источников

1. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. 264 с.
2. О проблеме отвода «неудобных» защитников // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-probleme-otvoda-neudobnykh-zashchitnikov/> (дата обращения: 21.02.2023).
3. Стойко Н.Г. Стратегии уголовного процесса и их совместимость // Мудрый Юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/20015-strategii-ugolovnogo-processa-sovmestimost> (дата обращения: 21.02.2023).
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Егоровой Валентины Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 15 октября 2018 г. № 2518-О.
5. Об отказе в рассмотрении жалобы гражданки Дубининой Т.Н. на нарушение ее конституционных прав ч. 1 ст. 69 и пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ: определение Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2010 г. № 1573-О-0.
6. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года) // СПС Гарант (дата обращения: 21.02.2023).
7. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года) (ред. от 15.04.2021) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.02.2024).
8. Качалова О.В. Эффективность защиты по уголовным делам // Мудрый Юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/84596-ehffektivnost-zashhity-ugolovnum-delam> (дата обращения: 20.02.2023).
9. Таран А.С. Отвод адвоката как гарантия права на квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе РФ. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2016. 592 с.
10. Федеральная палата адвокатов. М., 2023. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/o-konflikte-interesov-doveriteley-v-advokatskoy-praktike/> (дата обращения: 20.01.2023).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 21.02.2023).

References

1. Stoyko, N.G. (2006) *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv i Rossii: sravnitel'noe teoretikopravovoe issledovanie anglo-amerikanskoy i romano-germanskoj pravovykh system* [Criminal procedure of Western states and Russia: A comparative theoretical and legal study of the Anglo-American and Romano-Germanic legal systems]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Vozmishchev, E. (2020) *O probleme otvoda "neudobnykh" zashchitnikov* [On challenging "inconvenient" defenders]. [Online] Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-probleme-otvoda-neudobnykh-zashchitnikov/> (Accessed: 21.02.2023).
3. Stoyko, N.G. (n.d.) *Strategii ugolovnogo protsessa i ikh sovmestimost'* [Strategies of the criminal process and their compatibility]. [Online] Available from: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/20015-strategii-ugolovnogo-processa-sovmestimost> (Accessed: 21.02.2023).
4. Russian Federation. (2018) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Egorovoy Valentyiny Ivanovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav punktom 3 chasti pervoy stat'i 72 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 15 oktyabrya 2018 g. № 2518-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valentina Ivanovna Egorova about the violation of her constitutional rights by Paragraph 3 of Part One of Article 72 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Decision No. 2518-O of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 15, 2018].

5. Russian Federation. (2010) *Ob otkaze v rassmotrenii zhaloby grazhdanki Dubininoy T.N. na narushenie ee konstitutsionnykh prav ch. 1 st. 69 i pp. 1 i 3 ch. 1 st. 72 UPK RF: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 9 noyabrya 2010 g. № 1573-0-0* [On the refusal to consider the complaint of citizen T.N. Dubinina about the violation of her constitutional rights by Part 1 of Art. 69 and Parts 1 and 3 Parts of Art. 72 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Decision No. 1573-0-0 of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 9, 2010].
6. Russian Federation. (2017) *Standart osushchestvleniya advokatom zashchity v уголовном sudoproizvodstve (prinyat VIII Vserossiyskim s'ezdom advokатов 20 aprelya 2017 goda)* [Standard for a defence lawyer in criminal proceedings (adopted by the 8th All-Russian Congress of Lawyers on April 20, 2017)]. [Online] Available from: SPS Garant. (Accessed: 21.02.2023).
7. Russian Federation. (2003) *Kodeks professional'noy etiki advokata (prinyat I Vserossiyskim s'ezdom advokатов 31 yanvarya 2003 goda) (red. ot 15.04.2021)* [The Code of Professional Ethics for Lawyers (adopted by the 1st All-Russian Congress of Lawyers on January 31, 2003) (as amended on April 15, 2021)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 21.02.2023).
8. Kachalova, O.V. (n.d.) *Effektivnost' zashchity po уголовным delam* [Efficiency of defense in criminal cases]. [Online] Available from: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/84596-ehffektivnost-zashchity-ugolovnym-delam> (Accessed: 20.02.2023).
9. Taran, A.S. (2016) *Otvod advokata kak garantiya prava na kvalifitsirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' v уголовном protsesse RF* [Challenging of a lawyer as a guarantee of the right to qualified legal assistance in criminal proceedings in the Russian Federation]. Samara: Samara State University.
10. Russian Federation. (2023) *Federal'naya palata advokатов* [Federal Chamber of Lawyers]. [Online] Available from: <https://fparf.ru/polemic/opinions/o-konflikte-interesov-doveriteley-v-advokatskoy-praktike/> (Accessed: 20.01.2023).
11. Russian Federation. (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 21.02.2023).

Информация об авторе:

Морозова А.С. – ассистент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Института юстиции Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: morozova.an.s@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Morozova, teaching assistant, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: morozova.an.s@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/22/10

О СПОСОБАХ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ КООРДИНАЦИИ ДЕЙСТВИЙ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОПЕРАТИВНЫХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПО ПЕНИТЕНЦИАРНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Кристина Вадимовна Бобрешова¹

¹ *Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, Воронеж, Россия, lawyerkp8@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается взаимодействие следственных органов и оперативных подразделений УИС в процессе совместного осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по преступлениям пенитенциарной направленности. Актуальность статьи заключается в том, что предлагаются конкретные способы решения проблем, возникающих на практике в процессе координации действий, что может наилучшим образом повлиять на эффективность формирования устойчивой доказательственной базы по делам о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы.

Ключевые слова: оперативные сотрудники уголовно-исполнительной системы, оперативно-розыскные мероприятия, следователи, следственные действия, процесс доказывания

Для цитирования: Бобрешова К.В. О способах повышения уровня координации действий следственных органов и оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы в процессе взаимодействия по пенитенциарным преступлениям // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 60–63. doi: 10.17223/23088451/22/10

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/10

ON WAYS TO INCREASE THE LEVEL OF COORDINATION OF INVESTIGATING BODIES AND OPERATIONAL AGENTS OF THE PENITENTIARY SYSTEM IN THE COURSE OF INTERACTION ON PENITENTIAL CRIMES

Kristina V. Bobreshova¹

¹ *Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Voronezh, Russian Federation, lawyerkp8@yandex.ru*

Abstract. The interaction of investigative bodies and operational units of the penitentiary system plays an important role in the fight against crime, since it aims at coordinating several bodies that work to investigate and prevent crimes. The coordinated planning and investigative orders help achieve the best results in the work, as does the determination of the priority of urgent investigative actions. The cooperation between the investigator and the operational officers is necessary for a more effective search and evidence check on the spot. A higher level of coordination of institutions and penal bodies can be achieved by drawing up recommendations on information and analytical support, especially on studying the operational situation. The study of the operational situation is of great importance both for the activities of correctional institutions in general and for their operational units in particular. To effectively meet the needs of operational units, it is necessary to determine the types of information about the operational situation, its sources, periods of information collection, information connections and channels for transmitting information, as well as forms of systematization, accumulation, and storage of relevant information. The author suggests that an interdepartmental legal act should be designed to ensure a stable channel for the transmission of operational information, especially when collecting operational intelligence information. The crimes committed in institutions will be investigated more effectively, if investigating working groups are formed. It is also important to ensure the systematization, accumulation, and storage of information about the operational situation using digital technology and software. Together with instructions, investigators could provide operational agents with a list of correct questions and give instructions on the interrogation. They could also conduct practical classes to analyze the strengths and weaknesses of archival cases on penitentiary crimes. We must not forget that the investigation of penitentiary crimes requires taking into account the specificity of working with witnesses and victims in places of confinement. It is important to improve the professional training of operational staff. When interacting, the investigator and the correctional system officers should strive to help each other in the investigation.

Keywords: operational officers of the penal system, operational search activities, investigators, investigative actions, process of evidence

For citation: Bobreshova, K.V. (2023) On ways to improve coordination between investigating bodies and operational agents of the penitentiary system in the course of interaction on penitential crimes. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 60–63. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/10

Вопросы взаимодействия следственных органов и оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и координации их действий в борьбе с преступностью в современных условиях приобретают особую актуальность, так как осуществление такого взаимодействия на высоком уровне в определенной мере обеспечивает быстроту и эффективность расследования. В рассматриваемом нами контексте взаимодействие рассматривается как взаимная совместная координационная деятельность нескольких органов, имеющая своей целью решение различных задач по расследованию и предупреждению преступлений. Координация же по своему смыслу и наименованию представляет не вид деятельности, а процесс осуществления взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в борьбе с преступностью.

Очевидно, что сущность взаимодействия проявляется в соединении усилий следователя и оперативного состава уголовно-исполнительной системы в период раскрытия преступления, в согласованности их действий при строжайшем соблюдении законности. Инициатива по координации действий должна исходить от следователя, в производстве которого находится дело или информация о проверке, так как он является мозговым центром и к нему стекается вся информация. Координация деятельности следственных органов и оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы включает в себя достаточно широкий круг действий, характеризующих деятельность государственных органов по борьбе с преступностью. К ним можно отнести: межведомственные оперативные совещания, обмен информацией, разработку совместных докладов о состоянии преступности, основных направлениях и результатах борьбы с ней.

Одной из ключевых форм координации является «согласованное планирование», которое заключается в согласовании оперативным работником плана проведения неотложных следственных действий или расследования по делу. Оперативный работник самостоятельно составляет план оперативно-розыскных мероприятий, которые после возбуждения уголовного дела осуществляются по согласованию со следователем. Выдвижение версий и разработка плана мероприятий определяют уровень организации раскрытия и расследования преступлений, качество взаимодействия следствия и служб уголовно-исполнительной системы.

В продолжении разговора обратим внимание на следственные поручения, относительно которых уголовно-процессуальный закон требует доведения до сведения уголовно-исполнительной системы следователем в письменном виде. На практике имеет место дача устных поручений, как правило, посредством телефонного звонка. Нередко оперативные работники отрицательно относятся к письменной форме поручения, видя в ней определенное недоверие со стороны следователя и проявление формализма и лишней, по их мнению,

бумажной работы. Однако письменная форма поручения позволяет четко изложить его содержание, указать, какие следственные и розыскные действия должны быть проведены, дать необходимую информацию для исполнителя, а также не оставляет места для последующего неверного трактования содержания поручений, позволяет протоколировать качество и сроки его исполнения. На наш взгляд, одновременно с дачей письменного поручения следователь должен вступать в устный контакт с оперативным работником, разъясняя ему содержание поручения и необходимость его исполнения для расследуемого уголовного дела. Также считаем, что следователь с большей вероятностью предотвратит возможность неверного отношения к поручению, данному в письменной форме, если напомним оперативному работнику о требовании уголовно-процессуального закона к форме поручения.

В комплексе неотложных следственных действий важно определить очередность их производства, которая, в общем, определяется следственной ситуацией и логикой расследования, предполагающей не только последовательное накопление доказательственной информации, но в отдельных случаях и прерывание этой цепи внезапным проведением какого-либо неотложного следственного действия – обыска или назначения какой-либо экспертизы, например, в целях установления идентичности личности по оставленным следам рук. Такая последовательность должна быть прогнозируема следователем, исходя из анализа имеющихся материалов дела и их оценки.

Так, при производстве такого первоначального действия, как обыск, взаимодействие следователя с оперативно-розыскными работниками является непременным условием. При этом важно, чтобы оперативные работники участвовали не только в его проведении, но и в подготовке. Так, следователь дает поручения оперативным работникам о выяснении данных о месте предстоящего обыска, находящихся там лицах, подозреваемом или обвиняемом, их образе жизни, связях, интересах, характеристике. Сведения, получаемые негласным путем, способствуют планированию предстоящего обыска и его организации (выборе времени, числа участников, необходимой охране, определению характера обыска – одиночный или групповой, характера искомых объектов и мест их возможного сокрытия). Выяснение данных о месте обыска (расположении помещения, возможных входов и выходов) позволяет более целенаправленно проводить обыск, экономя силы и время. Оперативные работники, участвующие в производстве обыска, выполняют охрану места обыска, ведут наблюдение за обыскиваемыми лицами, оказывают помощь в случаях сопротивления со стороны обыскиваемых действиям следователя. Таким образом, осуществление координации действий следователя и оперативного сотрудника уголовно-исполнительной системы при производстве обыска гарантирует его результативность.

Координация действий следователя и оперативного сотрудника уголовно-исполнительной системы необходима и при производстве такого следственного действия, как проверка показаний на месте. Как известно, проверка показаний на месте имеет своей целью сопоставление ранее данных показаний с обстановкой, в которой происходило преступление. Такое действие является эффективным средством проверки правильности показаний, а также установления лжи. При проведении этого действия необходимо скоординировать следователя с оперативным аппаратом пенитенциарных учреждений по следующим направлениям:

- предварительная подготовка места проведения действия;
- обеспечение приглашения понятых;
- сопровождение обвиняемого или свидетеля, показания которых необходимо проверить;
- удаление посторонних лиц при проведении проверки показаний на месте.

Несмотря на то, что оперативно-розыскные результаты являются продуктом непроцессуальной деятельности, хочется отметить, что задачи, стоящие перед сотрудниками оперативных отделов пенитенциарных учреждений и лицами, ведущими расследование, одинаковые [1. С. 70]. Обозначим, что с завидной регулярностью результаты оперативно-розыскной деятельности попадают в итоговые документы лиц, ведущих расследование [2. С. 46].

На наш взгляд, одним из решающих условий повышения уровня координационной работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы является выработка научных рекомендаций информационно-аналитического обеспечения, в особенности по изучению оперативной обстановки. Это обусловлено тем, что изучение оперативной обстановки имеет основополагающее значение как для организации деятельности исправительного учреждения по исполнению уголовных наказаний в целом, так и для их оперативных подразделений в частности.

Определив потребности оперативных подразделений в получении необходимой информации, характеризующей оперативную обстановку в исправительном учреждении, исходя из теоретико-прикладного характера рассматриваемой проблемы, нужно учесть, что эффективное построение системы информационного обеспечения потребностей оперативного подразделения обуславливает определение видов информации об оперативной обстановке, источников получения такой информации, перечня информационных материалов, периодов сбора информации, информационных связей и каналов передачи информации, форм систематизации, накопления и хранения соответствующей информации.

Таким образом, считаем необходимым создание межведомственного (МВД, ФСИН) нормативного правового акта, который содержал бы обязанность обеспечения своевременного информирования органами внутренних дел оперативных подразделений исправительных учреждений об оперативной обстановке, складывающейся в районе дислокации исправительных учреждений, тем самым создав стабильный канал передачи

указанной информации из органов внутренних дел в оперативные подразделения исправительных учреждений. Это позволило бы двум ведомствам обладать как внешней информацией, так и внутренней.

Особое внимание нужно уделять вопросам сбора оперативно-розыскной информации, в которой как в «фокусе» сосредоточиваются различные социально-психологические явления и процессы, протекающие не только в исправительных учреждениях, но и в непосредственной близости с ними. Применительно к разработанным элементам оперативной обстановки оперативно-розыскная информация позволяет в первую очередь изучить: осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, их формальные и неформальные группы, вольнонаемных рабочих и служащих, а также взаимоотношения между ними; лиц и обстоятельства замышляемых, подготавливаемых либо совершенных правонарушений; моральное состояние работников исправительных учреждений.

Считаем справедливым отметить, что принятие своевременных и необходимых мер реагирования на изменение оперативной обстановки в исправительных учреждениях прежде всего зависит от правильной организации поступления в оперативные подразделения внеочередной оперативной информации о чрезвычайных происшествиях, совершенных и предупрежденных преступлениях. Отсутствие в нормативных актах централизованных форм, в частности, о предупрежденных в исправительных учреждениях преступлениях приводит к различному решению данного вопроса на практике.

Таким образом, поступление в оперативные подразделения большого количества информации об оперативной обстановке в учреждениях уголовно-исполнительной системы из различных источников и в самых разнообразных формах предопределяет необходимость решения вопроса о ее систематизации, накоплении и хранении. Поэтому при определении основных путей совершенствования информационно-аналитического обеспечения оперативных подразделений необходимо обеспечить их типовыми информационно-справочными делами, в которые бы вносились сведения о всех элементах оперативной обстановки. Наряду с указанным, необходимо активное использование компьютерной техники с программным обеспечением в специфических условиях УИС в целях сбора и обработки информации об оперативной обстановке.

Кроме того, повысить эффективность координации следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий для обеспечения процесса доказывания по делам о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы, на наш взгляд, можно путем создания рабочих групп по расследованию пенитенциарных преступлений, которые включали бы в себя сотрудников различных ведомств (прокуратуры, ФСБ, следственных органов, ФСИН) и действовали бы на постоянной основе, а не от случая к случаю. Таким образом, и следователь получил бы возможность скорейшего расследования дела, ввиду наибольшей осведомленности по всем направлениям о данной сложившейся ситуации, и оперативные сотрудники уголовно-исполнительной системы смогли

бы максимально задействовать имеющиеся у них ресурсы и информацию. Кроме того, много времени у следователя уходит на то, чтобы получить допуск на территорию исправительного учреждения. На практике ему проще выписать отдельное поручение для исполнения оперативным сотрудником пенитенциарного учреждения, который, в свою очередь, имея небольшой стаж, может быть не осведомлен в текущей ситуации, ввиду чего довольно поверхностно проводит предписанные действия и, как следствие, не получает никакого результата.

Так как следователь, в силу опыта, имеет возможность постановки более правильных вопросов при осуществлении допроса, то нам видится нормальной ситуация, в которой следователь оперативному сотруднику уголовно-исполнительной системы к поручению предоставляет отдельный перечень вопросов и дает инструктаж о том, как нужно начать допрос. Кроме того, положительное влияние на процесс координации действий следователя и оперативных сотрудников пенитенциарных учреждений окажет проведение следователем практических занятий, на которых раскрывались бы сильные и слабые стороны архивных дел по пенитенциарным преступлениям.

Кроме того, негативное влияние на взаимодействие следователя и оперативного сотрудника уголовно-исполнительной системы оказывает нежелание раскрывать свои упущения, просчеты и слабые стороны. Это выражается в том, что оперативные сотрудники уголовно-исполнительной системы не хотят показывать негативные процессы, происходящие на территории учреждения, так как это может привести к серьезным последствиям (вплоть до увольнения сотрудника), поэтому первое время расследования как такового нет, а напротив,

происходит «замыливание» – устранение всего, что может как-то скомпрометировать руководство учреждения и заинтересованных сотрудников.

Также необходимо сказать, что в пенитенциарных учреждениях есть своя специфика работы со свидетелями и потерпевшими, и это зачастую не учитывается следователем ввиду отсутствия в его практике прецедентов. В результате пенитенциарные преступления расследуют и доказывают по шаблонам обычных преступлений, что в корне не верно.

Кроме того, важно не упускать из виду необходимость повышения качества профессиональной подготовки оперативных сотрудников ввиду сложности и многогранности организации и осуществления информационно-аналитической работы, специфического объема знаний, умений и навыков, которыми должны обладать оперативные сотрудники для проведения этой исследовательской функции. Данную меру считаем возможным реализовать путем проведения стажировок сотрудников оперативных подразделений в штабах управлений и на специализированных курсах повышения квалификации в образовательных учреждениях ФСИН России, на которых изучались бы непосредственно пенитенциарные преступления и осуществление процессуальной деятельности оперативными сотрудниками уголовно-исполнительной системы во взаимодействии со следственными органами.

Осуществляя взаимодействие со следователем, сотрудник оперативного отдела не должен подменять его, так как в своей работе они не должны дублировать друг друга, а стремиться к тому, чтобы помогать друг другу и помнить, что в одиночку раскрыть и расследовать преступление, особенно совершенное в условиях пенитенциарных учреждений, невозможно.

Список источников

1. *Россинский С.Б.* Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // *Lex Russica*. 2018. № 10. С. 70–84.
2. *Терентьева Е.Е.* Правовой статус результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // *Законность*. 2021. № 10. С. 46–49.

References

1. *Rossinskiy, S.B.* (2018) Problema ispol'zovaniya v ugovolnom protsesse rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti trebuets okonchatel'nogo razresheniya [The problem of using the results of operational investigative activities in criminal proceedings requires final resolution]. *Lex Russica*. 10. pp. 70–84.
2. *Terentieva, E.E.* (2021) Pravovoy status rezul'tatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii [Legal status of the results of operational investigative activities in criminal procedural evidence]. *Zakonnost'*. 10. pp. 46–49.

Информация об авторе:

Бобрешова К.В. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии Федеральной службы исполнения наказаний России (Воронеж, Россия). E-mail: lawyerkp8@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Bobreshova, adjunct, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Voronezh, Russian Federation). E-mail: lawyerkp8@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.811

doi: 10.17223/23088451/21/11

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ – ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС

Юлия Александровна Головастова¹, Андрей Николаевич Гордополов²

¹ Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия

¹ ugolovastova@yandex.ru

² andrei.gordopolov@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются теоретические и практические вопросы привлечения к дисциплинарной и административной ответственности осужденных к лишению свободы. В исследовании проводится оценка реальной возможности расширения круга злостных нарушений режима, представлено переосмысление субинститута дисциплинарного производства. Высказывается предложение по обновлению УИК РФ за счет выделения особой главы, регламентирующей привлечение к дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, административная ответственность, осужденный к лишению свободы, злостные нарушения режима, лишение свободы

Для цитирования: Головастова Ю.А., Гордополов А.Н. Перспективы развития института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы: быть или не быть – вот в чем вопрос // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 64–71. doi: 10.17223/23088451/22/11

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/11

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF DISCIPLINARY LIABILITY OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT: TO BE, OR NOT TO BE, THAT IS THE QUESTION

Yulia A. Golovastova¹, Andrey N. Gordopolov²

¹ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

¹ ugolovastova@yandex.ru

² andrei.gordopolov@yandex.ru

Abstract. The interaction of investigative bodies and operational units in the penal system is aimed at coordinating the actions of several agencies working on the investigation and prevention of crimes. Cooperation between the investigator and operational workers is necessary when conducting investigative actions, and this allows a more effective achievement of goals. For better coordination in the activities of institutions and bodies of the penal system, it is necessary to create scientific recommendations on information and analytical support. It is important to determine the types of information about the operational situation, its sources, periods of information collection, information connections and channels for transmitting information, as well as forms of systematization, accumulation and storage of relevant information. The creation of an interdepartmental legal act and interdepartmental working groups to establish a stable channel for the transmission of operational information, especially in the field of collecting operational intelligence information, will be useful.

Keywords: disciplinary liability, administrative liability, person sentenced to imprisonment, malicious violations of regime, imprisonment

For citation: Golovastova, Yu.A. & Gordopolov, A.N. (2023) Prospects for the development of the institution of disciplinary liability of persons sentenced to imprisonment: To be, or not to be, that is the question. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 64–71. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/11

Постановка вопроса

Уголовно-исполнительное законодательство предусматривает перечень нарушений режима отбывания наказания, совершаемых осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях. Решая задачи исправительно-предупредительного воздействия, оно предусматривает охранительные нормы уголовно-исполнительного

права, закрепляющие весьма строгие специальные взыскания, за счет которых и само уголовно-исполнительное право оперирует уникальным императивным методом регулирования уголовно-исполнительных отношений. Речь идет об институте дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы.

Проблема дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы до сих пор привлекает к

себе большое внимание представителей науки уголовно-исполнительного права, несмотря на значительные научные разработки по этой тематике. Чем обуславливается такая тенденция? Как ни странно, приходится, к сожалению, констатировать, что проблема дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы до сих пор остается недостаточно разработанной и спорной. Она носит комплексный характер, поскольку затрагивает реализацию не только материальных, но и процедурно-процессуальных норм уголовно-исполнительного права. Думается, что при определении дисциплинарной ответственности требуется четкое понимание и закрепление на законодательном уровне обязанности осужденного отвечать за нарушения режима на основании норм уголовно-исполнительного законодательства.

В настоящее время получается, что дисциплинарная ответственность остается нереализованной по причине отсутствия конкретного нарушения (противоправного деяния) в соответствующем перечне проступков в уголовно-исполнительном законодательстве. В данном случае мы выступаем противниками толкования ответственности осужденного к лишению свободы в контексте административной, руководствуясь прежде всего весьма значимым аргументом, – действующей особой системой правовых норм в уголовно-исполнительном праве. Таким образом, сложившееся положение вещей, когда осужденных к лишению свободы привлекают к административной ответственности, где суды ограничены применением мер взыскания, ставит перед наукой уголовно-исполнительного права вопросы, связанные с обсуждением юридической природы проступков, совершаемых ими в местах лишения свободы.

Помимо всего прочего, обозначенная проблема требует обсуждения перечня видов взысканий, оснований их применения, что свидетельствует о переосмыслении самого субинститута дисциплинарного производства. Решение указанных вопросов имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение. Следовательно, для того, чтобы ответить на вопрос, целесообразно ли, в частности, расширять перечень ряда злостных нарушений режима за счет перевода их из административной плоскости в уголовно-исполнительную, нам необходимо обратиться к философским категориям «возможность» и «действительность». Сущность выдвигаемой позиции прежде всего состоит в том, чтобы применять к осужденному, находящемуся в изоляции от общества, соразмерную и справедливую меру дисциплинарного взыскания [1. С. 29–30], усиливая при этом исправительное и превентивное воздействие на него с учетом его личности.

Философские категории «действительность» и «возможность» состоят во взаимосвязи. В частности, на примере критического взгляда на институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы в части наполненности его нормами материального и процессуально-процедурного характера, можно произвести соответствующую оценку и выяснить, станут ли такие нарушения (ст. 5.61, 5.62, 6.1.1, 7.27, 20.3 КоАП РФ) дисциплинарными, т.е. в перспективе реальной действительности, сменив свое положение с возможности на

действительность. И, конечно, в контексте определения юридической природы указанных нарушений, совершаемых осужденными к лишению свободы, небезынтесным представляется выяснение вопроса о расширении списка злостных нарушений и включении их в ч. 1 ст. 116 УИК РФ. Быть или не быть этой трансформации – вот в чем вопрос. Полагаем, что такая возможность имеет все реальные перспективы воплощения в действительность.

Исследовательская часть

Отраслевая принадлежность ответственности осужденных за совершение проступков в местах лишения свободы

Действительно, весьма спорны многополярные взгляды ученых, изучающих проблемы привлечения к ответственности осужденных за проступки, совершенные в местах лишения, внешне подпадающие под описание статей Особенной части КоАП РФ. Единственное, что объединяет всех исследователей, это то, что они не исключают такой возможности осужденного – быть субъектом иных отраслей права наравне со всеми гражданами [2. С. 26–27; 3. С. 213].

Рассматривая проблему межотраслевых связей уголовно-исполнительного права, некоторые ученые высказывают точку зрения, что институт дисциплинарной ответственности имеет отраслевой характер и относится в том числе и к административному праву [4. С. 19]. Однако его присутствие в уголовно-исполнительном праве в уточненном виде подтверждает существование межпредметных связей между уголовно-исполнительным и административным правом.

При сопоставлении ряда проступков осужденных в ч. 1 ст. 116 УИК РФ и правонарушений в КоАП РФ отмечается их сходство. Речь идет о противоправных деяниях, которые по названию и форме описания объективной стороны напоминают ряд административных правонарушений, например: «мелкое хулиганство», встречающееся ч. 1 ст. 116 УИК РФ и в ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; «изготовление, хранение или передача запрещенных предметов» – в ч. 1 ст. 116 УИК РФ и в ст. 19.12 КоАП РФ – «передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания»; «угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления» имеет аналог – «неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции, военнослужащего, сотрудника органов федеральной службы безопасности, сотрудника органов государственной охраны, сотрудника органов, осуществляющих федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы либо сотрудника войск национальной гвардии Российской Федерации» (ст. 19.3 КоАП РФ) либо оскорбление

(ст. 5.61 КоАП РФ); принуждение к участию в забастовке (ст. 5.40 КоАП РФ) [5. С. 63].

Следует признать, что в уголовно-исполнительное право проникают чужие термины, понятия, конструкции из других отраслей права, и впоследствии они внедряются в уголовно-исполнительное законодательство. В этом случае возникает вопрос: к какому виду ответственности следует привлекать осужденного при совершении им правонарушения – к дисциплинарной или административной? Закономерно то, что разграничение между двумя видами ответственности должно проводиться по трем критериям: субъектному, содержательному и территориальному. Первый критерий сводится к тому, что в качестве субъектов дисциплинарной ответственности, дела по которым рассматриваются должностными лицами исправительных учреждений, выступают исключительно осужденные к лишению свободы. Второй критерий отражает характер нарушений. С одной стороны, просматривается, что они с позиции административного законодательства посягают на разные группы объектов правовой охраны – общественный порядок и нравственность, здоровье граждан, порядок управления и др. Но, с другой стороны, в уголовно-исполнительной сфере юрисдикции путем реформирования они приобретают иной оттенок, и их уже объединяет общий единый объект – порядок в исправительном учреждении. В свое время еще профессор Н.А. Стручков справедливо и обоснованно писал о том, что нормы, предусматривающие дисциплинарную ответственность осужденных, регулируют особые общественные отношения со специальными целями, что придает им особое содержание, в силу чего они не могут быть нормами административного права... несмотря на их внешнюю схожесть [6. С. 55]. Ученый аргументированно писал о таком новом приобретенном качестве данных видов нарушений и доказывал отраслевую специфику дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы. Третий критерий характеризуется местом совершения такого проступка, так как он должен быть совершен на территории исправительного учреждения. В этом случае производство по делу в отношении осужденного должно быть рассмотрено по месту его совершения и входить в подведомственность должностных лиц исправительных учреждений, где они составят в отношении осужденного протокол, а начальник учреждения по представлению администрации вынесет соответствующее постановление путем наложения специального взыскания. Напротив, если лицо допустило противоправные деяния за пределами исправительного учреждения, например в отпуске, то его целесообразно привлекать к административной ответственности, так как оно происходит за пределами территории, где распространены режимные требования отбывания наказания.

Мы склонны полагать, что выделение дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы должно объясняться особенными чертами правовой природы нарушения режима. И действительно, понятие дисциплинарного нарушения (проступка), совершенного осужденным на территории исправительного учреждения, убедительно демонстрирует, что оно имеет

свою трансформированную природу. Те санкции, в особенности назначаемые за совершение злостных деяний, обладают материально-правовой спецификой (например, водворение в штрафной и дисциплинарный изолятор, помещение камерного типа, единое помещение камерного типа и др.), позволяют их отграничивать от иных видов санкций, не известных какой-либо другой отрасли права. В данном случае мы отделяем их от административных санкций и не пытаемся искать признаки сходства. Справедливости ради отметим, что в юридической литературе можно встретить позицию, с учетом которой утверждается идентичность санкций в уголовно-исполнительном праве с административными взысканиями. В частности, заявляют о тождестве между водворением в штрафной изолятор и административным арестом [7. С. 341]. Полагаем, что высказанные точки зрения являются серьезным препятствием на пути развития института дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы.

Правовой анализ юридической литературы, а также оценка правоприменительной деятельности позволяют выделить два подхода.

Первый подход выражается в том, что некоторые исследователи не исключают факт одновременного привлечения осужденного к лишению свободы и к дисциплинарной и административной ответственности [7. С. 341]. Подчеркнем, что, безусловно, требования принципа законности отвергают такую возможность, когда одно и то же противоправное нарушение, допущенное осужденным, квалифицируется как дисциплинарное и административное, так как осужденный не может одновременно нести и дисциплинарную и административную ответственность. Здесь мы уверены, что кумулятивное применение мер взыскания, предусмотренных ст. 115 УИК РФ и санкциями статей КоАП РФ, недопустимо.

К тому же «двойное привлечение к ответственности» осужденного рассматривается не только как нарушение принципа законности, но и не будет способствовать исправлению осужденного. К сожалению, получится обратный негативный эффект, который спровоцирует осужденного на повторные противоправные действия. Ведь вопрос об отраслевой принадлежности ответственности осужденных к лишению свободы за проступки, совершенные в исправительном учреждении, не приобрел бы такого принципиального значения, если бы не имел важный практический аспект, связанный с оказанием на него исправительно-предупредительного воздействия. Эта проблема не устранена и сейчас. Очевидно, выходом из сложившейся ситуации может стать закрепление на федеральном уровне запрета о недопущении привлечения к «двойной ответственности» за нарушения режима отбывания наказания в соответствии с нормами УИК РФ и КоАП РФ.

В основе второго подхода лежит утверждение, что нормы уголовно-исполнительного права «доминируют», являясь специальными по отношению к нормам административного права, предусматривающими ответственность осужденного за проступки на территории исправительного учреждения [8. С. 63]. В обоснование

импонируемой точки зрения со своей стороны отметим, что они действительно «перерождаются» с учетом специфики регулирования уголовно-исполнительных отношений. Такой подход к разрешению возникшей коллизии считаем оправданным при наличии вышеуказанных трех критериев, сопровождающих факт совершения проступка осужденным в местах лишения свободы.

Таким образом, для правильной квалификации уголовно-исполнительных правонарушений необходимо учитывать линию разграничения, которая проходит с учетом их правовой природы. Немаловажную роль играет объект, на который посягает осужденный, отбывающий лишение свободы. Именно он, по нашему мнению, является индикатором, определяющим применение норм уголовно-исполнительной ответственности. Наряду с этим сходство злостных деяний, совершенных осужденными к лишению свободы, с указанными видами правонарушений лишь внешнее, так как первые имеют специфическое содержание за счет особого объекта охранительных уголовно-исполнительных отношений – обеспечения безопасности и установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы. В то же время должны учитываться специфический статус осужденного, характер нарушения, а также место его совершения.

Наконец, рассуждая о видовой идентификации дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы, можно признать, что особенностью таких проступков является не только особый объект посягательства – действующий режим наказания, но и материальная сущностная специфика охранительных уголовно-исполнительных правоотношений, имеющая наглядное проявление в особых санкциях.

***Расширение круга злостных нарушений
в уголовно-исполнительном законодательстве
в контексте «реальной возможности»
и «предстоящей действительности»***

На сегодняшний день существует ряд противоправных действий, совершаемых осужденными к лишению свободы, ответственность за которые предусмотрена нормами КоАП РФ. Отметим, что в КоАП РФ закреплены составы правонарушений, которые повсеместно могут допускаться осужденными в рамках исправительного учреждения, вместе с тем они не регулируются уголовно-исполнительным законодательством. Среди них можно назвать следующие статьи КоАП РФ: 5.62 (Дискриминация), 6.1.1 (Побои), 7.27.1 (Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), 2.3.1 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), 2.5 (Нарушение требований чрезвычайного положения), ст. 20.3 «Пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами». Думается, что выявление их

противоправного характера на данный момент носит проблематичный характер ввиду их латентности, и установление их противоправного характера происходит не без участия оперативных подразделений [9. С. 73].

Разница же состоит исключительно в том, что они предусмотрены в различных нормативных отраслевых актах и ориентированы на разных субъектов. Вместе с тем правовой анализ отдельных видов нарушений, совершаемых осужденными к лишению свободы во время отбывания наказания на территории исправительного учреждения, но установленных КоАП РФ, свидетельствует о том, что законодатель не совсем последователен в своей идее их разграничения по субъектному признаку. Так почему же за одни нарушения осужденные к лишению свободы признаются злостными нарушителями режима и несут дисциплинарную ответственность, и, напротив, законодателем предусматривается административная ответственность при совершении ими мелких хищений, публичном демонстрация запрещенной атрибутики и символики на теле, побоев?

По поводу такого соотношения в юридической литературе была уже высказана обоснованная критика. Действительно, трудно объяснить, чем вызвана позиция законодателя. Проанализируем ситуацию.

В частности, определенные трудности возникают при совершении осужденным противоправного деяния, подпадающего под описание объективной стороны проступка, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ. Отметим, что в исправительном учреждении наиболее часто практическую реализацию получает ст. 20.3 КоАП РФ, когда осужденный, имея татуировки на теле в виде нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики экстремистских организаций, публично демонстрирует их в среде осужденных в местах проживания или работы. В последнее время актуальность данной статьи обуславливается фактом внесения криминальной субкультуры «А.У.Е»¹ в перечень экстремистских материалов.

Заметим, что противоправность деяний осужденных, пропагандирующих либо публично демонстрирующих нацистскую атрибутику или символику экстремистских и нацистских организаций на территории исправительного учреждения, установлена как в Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», так и в Федеральном законе от 19.05.1995 № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Форма выражения противоправных действий чаще всего заключается в устном распространении экстремистской идеологии, обладании предметами с запрещенной символикой, а также демонстрация татуировок на теле. При анализе судебной практики выяснилось, что доказательствами в суде могут выступать письменные объяснения очевидцев, фото- и видеоматериалы, а также заключения специалистов, непосредственно занимающихся данной деятельностью. Следует признать, что специалистом может являться любое

¹ Запрещенная на территории РФ организация.

лицо, не заинтересованное в исходе дела, обладающее специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств. Однако на законодательном уровне не установлены четкие критерии, предъявляемые как к компетентности лиц, выступающих в качестве специалистов, так и к полноте их заключений. В то же время противоправные действия находят свое выражение в объяснении очевидцев, которые могут видеть запрещенную символику в общественных местах на теле осужденного. Противоправность данных деяний, как правило, рассматривается в судах общей юрисдикции.

Так, все материалы дела передаются на рассмотрение судьи районного суда в соответствии с родовой подведомственностью, предусмотренной ст. 23.1 КоАП РФ. Рассматривая дело по существу, судьи вынуждены назначать раз за разом административный штраф, что объясняется невозможностью к осужденному применить административный арест или обязательные работы, поскольку он отбывает уголовное наказание и находится в изоляции от общества. И, конечно, здесь напрашивается закономерный вопрос: почему не расширить перечень злостных нарушений в ч. 1 ст. 116 УИК РФ за счет проступка, подпадающего под описание диспозиции ст. 20.3 КоАП РФ, при условии его совершения на территории исправительного учреждения? Заметим, что видимых никаких препятствий не существует, требуется лишь воля законодателя.

Дополнительной коллизией является то, что в случае установления виновности осужденного в совершении административного нарушения отсутствует возможность применения всех санкций, предусмотренных статьями КоАП РФ. В данном случае рассматриваются ситуации, когда статья предусматривает в качестве наказания административный арест [10. С. 73], обязательные работы. При всей привлекательности административного ареста отметим, что его применение в местах лишения свободы будет нарушать принцип законности, а также противоречить ст. 3.9 КоАП РФ. Стоит отметить, что применение административного ареста задумывалось законодателем как мера изоляции правонарушителей от общества. В то же время, проецируя данную меру на осужденных, уже изолированных от общества, предложение видится весьма дискуссионным.

Применение обязательных работ в местах лишения свободы также не представляется возможным. Согласно ст. 3.13 КоАП РФ их реализация заключается в выполнении общественно полезных работ в свободное от работы, службы или учебы время.

Так вот, такая конструкция с реализуемой административной ответственностью за нарушения осужденными к лишению свободы в исправительных учреждениях со стопроцентной вероятностью назначения административного штрафа представляется крайне неубедительной. Может возникнуть вопрос: почему в резолютивной части постановления о назначении административного взыскания фигурирует этот вид наказания? На самом деле ответ очевиден. Дело в том, что другие административные взыскания нельзя назначить осужденному, отбывающему назначенный срок в местах

лишения свободы, по объективным причинам – он изолирован от общества. Уверены, что, привлекая к административной ответственности осужденного к лишению свободы за допущенные нарушения режима в исправительных учреждениях и назначая ему административный штраф на основании постановления мирового судьи или судьи районного суда, вряд ли приходится рассчитывать на дифференцированный и продуманный подход, который не должен сводиться исключительно к воздействию на него наказанием. Эффективен ли административный штраф в отношении осужденного к лишению свободы? Думается, что вряд ли, по крайней мере такой эффект представляется крайне сомнительным. Так, административный штраф, как правило, составляет в среднем от одной тысячи до пяти тысяч рублей. С одной стороны, у многих осужденных отсутствуют средства на оплату штрафа. С другой стороны, назначаемая сумма слишком мала, чтобы оказать положительное воздействие на поведение осужденного, которое позволит прекратить или предупредить дальнейшие противоправные действия.

С учетом проведенного анализа эффективности мер административной ответственности приходим к выводу, что существующие формы реализации ответственности имеют низкую эффективность в условиях мест лишения свободы, так как не способствуют достижению цели исправления осужденного. Небезынтересным представляется то, что суд может потребовать свести или внешне изменить экстремистскую татуировку, но в условиях мест лишения свободы такая возможность практически отсутствует.

Помимо всего прочего, некоторые ученые отмечают практику латентного применения мер дисциплинарной ответственности за действия осужденных, содержащих объективную сторону вышеприведенных деяний, предусмотренных КоАП РФ. Причинами выступают как нежелание сотрудников дополнительно готовить документы для привлечения к административной ответственности, так и ее нецелесообразность в рамках исправительного учреждения [11. С. 185]. Соглашаясь с последним, а также принимая во внимание проблематичность привлечения осужденного к административной ответственности, считаем необходимым расширить перечень злостных нарушений режима отбывания наказания за счет рассмотренных административных правонарушений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы.

***Закономерности развития норм
процессуально-процедурного характера,
составляющих субинститут
дисциплинарного производства***

Современные потребности регулирования охранительных уголовно-исполнительных отношений настоятельно требуют пересмотра взглядов на институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы. Тем более что системный характер отрасли предполагает, чтобы институты конструировались по принципу максимальной наполненности нормами

материального и процессуально-процедурного характера. Учитывая то, что институт дисциплинарной ответственности осужденных призван обеспечивать целостное воздействие на группу охранительных уголовно-исполнительных отношений, важным направлением динамики развития всей отрасли права является оптимизация внутренней структуры за счет его содержательной стороны недостающими нормами уголовно-исполнительного права.

Одним из пробелов регулирования статуса осужденного, привлеченного к дисциплинарной ответственности, является отсутствие в полном объеме материальных и процессуально-процедурных норм уголовно-исполнительного права. Конечно, сказанное относится не только к реальной возможности расширения перечня злостных нарушений режима, о чем было сказано нами ранее. Анализ правового статуса должностных лиц исправительных учреждений и самих осужденных, состоящих в охранительных правоотношениях, показывает, что УИК РФ не располагает достаточными нормативными положениями, регламентирующими их процессуальные статусы, в связи с чем они нуждаются в дополнении.

Предлагаем предусмотреть в разделе IV «Исполнение наказания в виде лишения свободы» отдельную главу «Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы». Представляется, что в указанной главе должны найти отражение вопросы, возникающие в процессе привлечения осужденных к лишению свободы за совершение нарушений режима. В частности, дисциплинарное производство по делам о нарушениях осужденных имеет ряд стадий: 1) возбуждение дела; 2) рассмотрение дела; 3) принятие решение по делу; 4) исполнение вынесенного постановления. Уверены, что все указанные стадии должны найти отражение в предлагаемой главе УИК РФ. Их закрепление будет способствовать повышению обеспеченности прав осужденных, а также минимизирует факты субъективного усмотрения со стороны субъекта исполнения наказания, выступающего в роли правоприменителя.

На наш взгляд, нуждается в пересмотре система специальных взысканий в отношении осужденных за счет их выстроенной градации на основные и дополнительные. Кроме того, следует уточнить правила назначения осужденному взысканий [12. С. 21–22]. К сожалению, не охвачены вниманием законодателя некоторые вопросы: порядок исполнения мер взыскания, предусмотренных ст. 115 УИК РФ; обращение постановления начальника ИУ к исполнению; отсрочка исполнения взыскания; обстоятельства приостановления или прекращения исполнения взыскания начальником исправительного учреждения; порядок возмещения имущественного ущерба, причиненного дисциплинарным нарушением. На практике возникают трудности по причине скудной регламентации правоприменителем следующих вопросов: возможно ли приостановление взыскания, назначенного осужденному? существуют ли критерии, определяющие условное и безусловное освобождение осужденного от

вынесенного взыскания? Законодатель поставленные вопросы оставил без ответа, в связи с чем правоприменителям приходится восполнять существующие пробелы с помощью приемов аналогии в праве.

Явным пробелом в уголовно-исполнительном законодательстве признается отсутствие нормы права, предусматривающей срок погашения взыскания в отношении злостного нарушителя режима.

Полагаем, законодателю следует обратить внимание на отмеченные нами проблемы в части правового регулирования привлечения к ответственности осужденных к лишению свободы, наполнив недостающими нормативными предписаниями институт дисциплинарной ответственности, что позволит в его внутренней структуре выделить субинститут дисциплинарного производства.

Результаты исследования

Институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы требует совершенствования и обновления. Целесообразно восполнить накопившиеся пробелы при привлечении к ответственности субъектов лишения свободы, а также учесть опыт правоприменительной деятельности должностных лиц исправительных учреждений.

Думается, что все рассмотренные «возможности» имеют реальную перспективу перейти на уровень «действительности» за счет включения нормативных положений в УИК РФ, а также выделения особой главы «Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы». Как показал проведенный нами анализ, они значимы и существенны. Среди них можно отметить такие, потребность в которых остро назрела (срок погашения взыскания в отношении злостных нарушителей, основания приостановления и освобождения от исполнения взысканий, назначенных осужденным; расширение перечня злостных нарушений); другие положения имеют статус «заслуживают внимания» (градация взысканий на основные и дополнительные).

Помимо всего прочего необходимо дополнить КоАП РФ новой статьей – ст. 2.5.1, предусматривающей с учетом вышеобозначенных критериев особенности привлечения к административной ответственности осужденных к лишению свободы как специальных субъектов. Ратуя за ее нормативное расположение в ст. 2.5.1 КоАП РФ с названием «Административная ответственность осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы», предлагаем изложить ее в следующей редакции: «1. За административные правонарушения, за исключением перечисленных в ч. 2 настоящей статьи, осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, несут дисциплинарную ответственность в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации. 2. За административные правонарушения, совершенные ими за пределами исправительного учреждения, осужденные несут административную ответственность на общих основаниях».

Список источников

1. Уткин В.А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 29–36.

2. Стручков Н.А. Об исправительно-трудовых правоотношениях // Труды Высшей школы МВД СССР. 1961. № 6. С. 21–27.
3. Румянцев Н.В. Административная ответственность подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 211–214.
4. Сенатова Е.В. Механизм трансформации норм административного права в уголовно-исполнительном законодательстве // Административное право и процесс. 2016. № 4. С. 17–20.
5. Каляшин А.В. Конкуренция норм, регламентирующих дисциплинарную и административную ответственность подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, и осужденных к лишению свободы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 2 (24). С. 60–64.
6. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М.: Юрид. лит., 1984. 240 с.
7. Поникаров В.А. Особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1-14). С. 336–344.
8. Чорный В.Н., Сенатова Е.В. Административно-правовой статус осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 2. С. 63–70.
9. Латыпова Д.М. Вопросы квалификации насилия, совершенного в отношении сотрудников исправительного учреждения // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1 (6). С. 71–74.
10. Румянцев Н.В., Журавлев В.В. К вопросу об административной ответственности лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1 (36). С. 71–75.
11. Упоров А.Г. Институт административной ответственности осужденных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXI Всерос. науч.-практ. конф., Новокузнецк, 20–21 октября 2021 года. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 183–186.
12. Гордолопов А.Н. Злостный нарушитель режима отбывания наказания в виде лишения свободы и его ответственность в уголовно-исполнительном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 30 с.

References

1. Utkin, V.A. (2022) Ratsional'nost' prinuzhdeniya kak printsip pravovogo regulirovaniya ispolneniya lisheniya svobody [Rationality of coercion as a principle of legal regulation of the execution of imprisonment]. *Penitentsiarnaya nauka*. 16:1 (57). pp. 29–36.
2. Struchkov, N.A. (1961) Ob ispravitel'no-trudovykh pravootnosheniyakh [About corrective labor relations]. *Trudy Vyshey shkoly MVD SSSR*. 6. pp. 21–27.
3. Rumyantsev, N.V. (2019) Administrativnaya otvetstvennost' podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh, sodержashchikhsya v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy [Administrative liability of suspected, accused, and convicted persons held in institutions of the penal system]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 211–214.
4. Senatova, E.V. (2016) Mekhanizm transformatsii norm administrativnogo prava v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve [The mechanism for transforming the norms of administrative law in penal legislation]. *Administrativnoe pravo i protsess*. 4. pp. 17–20.
5. Kalyashin, A.V. (2020) Konkurentsia norm, reglamentiruyushchikh distsiplinarnuyu i administrativnuyu otvetstvennost' podozrevaemykh i obvinyaemykh, v otnoshenii kotorykh v kachestve mery presecheniya izbrano zaklyuchenie pod strazhu, i osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Competition of norms regulating the disciplinary and administrative liability of suspected and accused persons, in respect of whom detention in custody has been chosen as a preventive measure, and of those sentenced to imprisonment]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika*. 2 (24). pp. 60–64.
6. Struchkov, N.A. (1984) *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy Obshchey chasti* [Corrective labor law course. Problems of the General Part]. Moscow: Yurid. lit.
7. Poniukarov, V.A. (2022) Osobennosti administrativnoy otvetstvennosti osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Peculiarities of administrative liability of those sentenced to imprisonment]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 30 (1-14). pp. 336–344.
8. Chorny, V.N. & Senatova, E.V. (2021) Administrativno-pravovoy status osuzhdennykh [Administrative and legal status of convicts]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 2. pp. 63–70.
9. Latypova, D.M. (2012) Voprosy kvalifikatsii nasiliya, sovershenogo v otnoshenii sotrudnikov ispravitel'nogo uchrezhdeniya [Issues of qualification of violence committed against employees of a correctional institution]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1 (6). pp. 71–74.
10. Rumyantsev, N.V. & Zhuravlev, V.V. (2020) K voprosu ob administrativnoy otvetstvennosti lits, otbyvayushchikh nakazanie v uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noy sistemy [On the administrative liability of persons serving sentences in institutions of the penal system]. *Vestnik Permskogo instituta FSIN Rossii*. 1 (36). pp. 71–75.
11. Uporov, A.G. (2021) [Institution of administrative liability of convicts in correctional institutions]. *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystvie nauki i praktiki* [Penal system today: interaction between science and practice]. Proceedings of the XXI All-Russian Conference. Novokuznetsk. 20–21 October 2021. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 183–186. (In Russian).
12. Gordolov, A.N. (2022) *Zlostnyy narushitel' rezhima otbivaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody i ego otvetstvennost' v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve* [A malicious violator of the regime of serving a sentence in the form of imprisonment and his/her responsibility in penal legislation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Головастова Ю.А. – доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: ugovlovastova@yandex.ru

Гордолопов А.Н. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе юридического факультета Академии права и управления ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: andrei.gordolov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.A. Golovastova, Dr. Sci. (Law), docent, professor, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: ugovlovastova@yandex.ru

A.N. Gordopolov, Cand. Sci. (Law), lecturer, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 21.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/22/12

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ ГРУППОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Константин Викторович Каретников¹

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, Kostya_385@mail.ru

Аннотация. Приведен ретроспективный обзор деятельности воспитательных колоний в качестве субъектов профилактики групповых правонарушений осужденных. Анализируются данные ведомственной статистики, фиксируется низкая проработка на законодательном уровне профилактических функций воспитательных колоний, что сказывается на недостатках в этой сфере. В статье акцентируется внимание на становлении воспитательных колоний в качестве субъектов профилактической деятельности. Дается характеристика этапов становления и развития пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Автором предлагается повышение качества профилактики посредством формирования алгоритмов реализации форм профилактического воздействия. Целью статьи является установление роли воспитательных колоний в системе субъектов профилактики групповых правонарушений осужденных на разных этапах развития учреждений уголовно-исполнительной системы, а также оценка системы применяемых ими профилактических мер с целью выработки предложений по их совершенствованию.

Ключевые слова: воспитательная колония, профилактика, осужденные, правонарушения, субъекты профилактики

Для цитирования: Каретников К.В. Воспитательная колония как субъект профилактики групповых правонарушений осужденных: ретроспективный анализ // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 72–76. doi: 10.17223/23088451/22/12

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/12

EDUCATIVE COLONY AS A SUBJECT OF CONVICTS' GROUP OFFENSE PREVENTION: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Konstantin V. Karetnikov¹

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, Kostya_385@mail.ru

Abstract. The article provides a retrospective review of the activities of educative colonies as subjects of prevention of group offenses by convicts. The data of departmental statistics are analyzed, and the low level of elaboration of the preventive functions of educative colonies at the legislative level is observed, which creates the shortcomings in this area. The article focuses on the formation of educative colonies as subjects of preventive activities through the analysis of legal documents regulating the shaping of institutions for the detention of juvenile offenders in Russia. The characteristics of the stages of formation and development of penitentiary institutions for juvenile offenders are given. The author proposes to improve the quality of prevention through the formation of algorithms for the implementation of forms of preventive intervention. The aim of the article is to establish the role of educative colonies in the system of subjects for the prevention of group offenses of convicts at different stages of development of institutions of the penal system and the system of preventive measures they use in order to develop proposals for their improvement. Today, to improve the preventive activities of educative colonies, it seems advisable at the level of departmental legislation to develop algorithms for the implementation of forms of preventive influence provided by federal legislation. This will make it possible to make the activities of penal correction system employees more practice-oriented and to outline directions for improving the existing system for the prevention of juvenile delinquency.

Keywords: educative colony, prevention, convicts, offenses, subjects of prevention

For citation: Karetnikov, K.V. (2023) Educative colony as a subject of convicts' group offense prevention: A retrospective analysis. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 72–76. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/12

Наличие в настоящее время в системе видов исправительных учреждений (далее – ИУ) воспитательных колоний (далее – ВК) свидетельствует об актуальности

и значимости реализации наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Процесс гуманизации ювенальной уголовной политики, с одной сто-

роны, привел к уменьшению количества ВК и осужденных, содержащихся в них. Но есть и иная сторона этого вопроса – ежегодно фиксируется увеличение в ВК доли осужденных, имеющих криминальный опыт. Отмеченная категория подростков является наиболее опасной, а ее сосредоточение в условиях мест лишения свободы несет в себе дополнительные отрицательные последствия [1. С. 69–73; 2. С. 135–136]. Кроме того, стоит учитывать отмечаемые учеными негативные тенденции относительно правопорядка в ИУ [3. С. 7–10]. Противоправные и деструктивные действия со стороны осужденных, как правило, имеющие демонстративно-шантажную форму выражения, требуют выработки комплекса превентивных мер, а также вовлечения в такую деятельность иных субъектов профилактики, помимо структурных подразделений ВК. Роль же самой ВК в сфере предупреждения пенитенциарных правонарушений весьма многозначна, она из года в год приобретает все большую востребованность. В этой связи рассмотрим подробнее процесс формирования указанного направления деятельности с криминологической точки зрения и определим позицию учреждений, предназначенных для содержания несовершеннолетних правонарушителей.

Целью исследования является характеристика процесса развития системы учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, а также установление их места в системе субъектов предупредительного воздействия.

Для характеристики этапов возникновения, становления и развития современных ВК следует обратиться к истории пенитенциарной системы России [4. С. 17–18]. Первое упоминание о несовершеннолетних как субъектах уголовной ответственности и наказания фиксируется в Уложении 1649 г., но большую ясность в этот вопрос в 1715 г. внесли положения Артикула Воинского. Однако существенными недостатками указанного документа являлись отсутствие конкретизации возраста уголовной ответственности, а также неимение видов наказаний, к которым привлекаются несовершеннолетние. В качестве достоинства можно отметить заложение в Артикуле Воинском основы для последующего формирования принудительных мер воспитательного воздействия (предоставлялась возможность вместо наказания передать подростка для применения мер со стороны родителей). Отмеченные обстоятельства не дают оснований говорить о наличии специализированных учреждений для несовершеннолетних.

Последующие два столетия характеризуются развитием видов наказаний в отношении несовершеннолетних преступников, начиная с мер государственного принуждения за отдельные виды преступлений. Так, например, с 1823 до 1833 г. в отношении несовершеннолетних начали применяться такие наказания, как заключение в монастырь на церковное покаяние. Фактически это можно считать лишением несовершеннолетнего свободы с применением в отношении него мер усиленного духовного воспитания.

В принятом в 1845 г. Уложении о наказаниях уголовных и исправительных провозглашалось, что к несовершеннолетним можно применять уголовные наказания

наравне со взрослыми, но с незначительными ограничениями. Это обстоятельство совершенно точно провозглашало применение в отношении данной категории преступников лишения свободы.

Чуть позднее, в 1866 г., был утвержден закон «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» [5. С. 216–217]. Указанный документ стал заделом в формировании системы учреждений, в которых должно было реализовываться наказание в виде лишения свободы применительно к подросткам. К сожалению, со временем система таких учреждений широкого развития не получила вследствие серьезных проблем экономического характера, так как финансирование должно было осуществляться за счет государственной казны и добровольных пожертвований граждан, на которых распространялась определенная система льгот. Предпринятые попытки урегулировать процесс формирования учреждений не дали желаемых результатов, а созданные к тому времени приюты не оказывали желаемого эффекта на снижение преступности подростков. Эти неудачи государственные органы связывали с большим объемом учреждений для исполнения уголовных наказаний [6. С. 11–12]. Поскольку ведомства и земства не проявляли рвения в процессе создания характеризуемых учреждений, попечительские общества осуществляли недофинансирование этого направления. Ежегодное увеличение количества совершаемых подростками преступлений остро ставило вопрос о целесообразности их развития. Необходимо было в срочном порядке изменять систему учреждений, исполняющих уголовные наказания для несовершеннолетних [7. С. 12–14].

Так, в 1897 г. был принят акт «О малолетних и несовершеннолетних преступниках». В нем отражалась информация, что подростков (от 17 до 21 года) нужно содержать в специализированных помещениях при тюрьмах или арестных домах (помещение в монастырь не исключалось).

Анализ процесса совершенствования законодательства позволяет заключить, что на рассматриваемом историческом этапе существующая система наказаний себя изжила, преступность несовершеннолетних неуклонно росла, требовалось принятие соответствующих решений для стабилизации негативных тенденций. При реализации наказаний, связанных с лишением подростка свободы, фиксировалось, что администрацией учреждений не выполнялись элементарные требования, обязывающие отдельно содержать осужденных женского и мужского пола, а также подростков и взрослых. Поэтому несовершеннолетние быстро осваивались в «преступном мире» и большая половина из них после освобождения вновь вступала на преступную дорогу и попадала в места лишения свободы.

Итогом длительной работы компетентных органов явилось создание в 1909 г. положения «О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних». Его основой выступили уставы учреждений, действовавшие ранее. Путем анализа содержащихся в них требований удалось получить четкий, емкий и структурированный правовой акт.

Целью создания воспитательно-исправительных заведений явилось нравственное исправление лиц и подготовка их к трудовой жизни после освобождения из мест лишения свободы. Достижение этого невозможно без религиозно-нравственного, умственного и физического развития личности несовершеннолетнего, в основе которого – общее образование. Помимо указанного, к числу средств исправительного воздействия относилось профессиональное обучение. Целью его активного применения являлась необходимость в последующем трудоустройстве освобожденного подростка. В случае комплексной работы в отношении подростков, ввиду их возрастных показателей, уровня развития, психолого-педагогических личностных особенностей, достижение целей по исправлению и предупреждению новых преступлений все-таки осуществимо.

Однако произошедшие на этом этапе изменения в уголовно-исполнительной политике России в отношении несовершеннолетних осужденных не решили проблемы их раздельного содержания (совместно со взрослыми) и получения начального и общего образования [8. С. 63–65]. К середине двадцатых годов XX в. все несовершеннолетние, содержащиеся в тюрьмах и арестных домах, были освобождены, в связи с этим начали проводиться мероприятия по изменению и созданию совершенно новых воспитательных учреждений для подростков [9. С. 96–98]. Вплоть до конца двадцатых годов их направляли в реформатории и земледельческие колонии, а также трудовые дома [10. С. 418–421].

Существование и развитие их нормативно-правовой базы осуществлялось вплоть до 1969 г., когда воспитательно-трудовые колонии (далее – ВТК) вошли в систему исправительно-трудовых учреждений. Это крайне негативно сказалось на их функционировании и дальнейшем существовании. Структура их управления была несовершенной, что ослабляло достижение поставленных перед ними задач по исправлению и перевоспитанию подростков, преступивших закон. В материально-техническом плане ВТК начали напоминать ИК для взрослых. Применяемые администрацией ВТК методы и формы воспитания и превенции не способствовали качественной и результативной работе [11. С. 54–56].

Дальнейшее развитие системы учреждений для несовершеннолетних происходило наряду с процессом становления политической системы страны. Так, в 1998 г. все учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, в том числе и ВК, перешли в ведение Минюста России согласно указу Президента РФ от 28.07.1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации». Указанная дата знаменует новый этап развития ВК в организационном плане. Со временем существенная стабильность стала формироваться в экономическом, материально-хозяйственном и социальном плане. Государство осознавало необходимость приведения процесса исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних в соответствии с международными нормами и стандартами.

С установившейся позиции развития ВК можно судить об их роли и месте в УИС в целом, а также в системе субъектов предупреждения правонарушений. Если с начала и до 90-х гг. XX в. они, можно сказать, выполняли второстепенную функцию, им не уделяли должного внимания [12. С. 13–16], то в настоящее время ВК представляют собой не только ИУ, предназначенные для содержания несовершеннолетних осужденных к лишению свободы. На них в значительной мере возложены предупредительные функции в отношении содержащихся в них осужденных, а также иных лиц, посещающих ИУ. Это обусловлено потребностью в формировании системы профилактики правонарушений со стороны несовершеннолетних.

В конце 1990-х гг. федеральным законом от 24.06.1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» ВК были отнесены к субъектам профилактики правонарушений несовершеннолетних, а начиная с 2016 г., в соответствии с положениями федерального закона от 23.06.2016 № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», на них возложен комплекс обязанностей по формированию системы профилактики правонарушений, предоставлены к реализации отдельные актуальные направления и формы профилактического воздействия, ряд из которых обрел нормативное выражение только в 2021 г. в связи с принятием приказа ФСИН России от 03.12.2021 № 1106 «О некоторых вопросах объявления органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений и административных правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения». Таким образом, процесс формирования деятельности ВК как субъектов предупреждения правонарушений только начался.

В системе учреждений УИС ВК занимают особое место, так как основным фактором, определяющим условия отбывания наказания в этих учреждениях, является возраст преступников [13. С. 28–30]. Это, во-первых, требует более льготных по сравнению со взрослыми осужденными условий отбывания наказания, а во-вторых, дает широкие воспитательно-педагогические возможности для исправления несовершеннолетних осужденных.

Сегодня ВК исполняют наказание в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Согласно статистическим данным ФСИН России, в УИС на 01.08.2023 г. функционирует всего 13 ВК, общая численность осужденных составляет порядка 810 человек. Стоит отметить, что за последние 5 лет численность ВК, как и число осужденных, в них содержащихся, снизилось более чем на 50%. Так, анализ структуры преступности в ВК свидетельствует о следующем: в 2016 г. зарегистрировано 9 преступлений, в 2017 г. – 3, в 2018 г. – 1, в 2019 г. – 5, в 2020 г. – 0, в 2021 г. – 3, в 2022 г. – 2 [14].

ВК являются учреждениями, в которых концентрируются наиболее социально опасные подростки.

По данным судебной статистики, к отбыванию наказания в ВК осуждается лишь 1/5 несовершеннолетних преступников. Судебные органы применяют, в первую очередь, условное осуждение и иные виды наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Ежегодно с осужденными, поступающими в ВК, становится все сложнее работать в педагогическом плане: растет доля осужденных за умышленное убийство, нанесение тяжкого вреда здоровью, разбой, грабеж и др. Рост численности несовершеннолетних, осужденных за корыстные и корыстно-насильственные преступления, повышает уровень их криминальной активности и возможного противоправного поведения в местах лишения свободы. Это осложняется наличием подростков, больных социально-значимыми заболеваниями и имеющими различные отклонения в психическом развитии.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать ряд выводов:

1. Профилактическая направленность деятельности воспитательных колоний стала зарождаться только во второй половине XX в., тем самым определив их доподлинные цели и задачи, приобретшие документальное очертание в федеральном законодательстве и подзаконных актах в начале XXI в. Однако вектор на профилактику именно групповых правонарушений осужденных, содержащихся в

ВК, не задан до сих пор. Этому способствуют недостатки в правовом поле и порождаемые ими проблемы в организации профилактической деятельности ВК.

2. Функционирующим в условиях УИС ВК отведена весьма значимая роль как предупредительного, так и воспитательного плана. Помимо этого, она включает в себя совокупность функций и задач, возложенных уголовно-исполнительным законодательством на иные учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы. Безусловно, возраст содержащихся в ВК лиц дает возможность повлиять на них в плане исправления наиболее продуктивно, чем на иные категории осужденных (например, взрослых). Процесс установления ВК непосредственным субъектом предупреждения правонарушений берет свое начало с конца девяностых годов XX в.

3. На сегодняшний день в целях совершенствования предупредительной деятельности ВК видится целесообразным на уровне ведомственного законодательства осуществить выработку алгоритмов реализации форм профилактического воздействия, предоставленных федеральным законодательством. Это обстоятельство позволит ориентировать деятельность сотрудников УИС в практическое русло, а также наметить направления совершенствования существующей системы профилактики правонарушений подростков.

Список источников

1. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Учет особенностей преступности несовершеннолетних в профилактической деятельности полиции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 68–81.
2. Писаревская Е.А. Переориентация и разобшение предкриминальных и преступных групп несовершеннолетних // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 135–137.
3. Уткин В.А. Об уголовно-правовых средствах обеспечения правопорядка в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2013. № 1 (14). С. 7–13.
4. Минназметова Е.Ю. Отбывание уголовного наказания несовершеннолетними, осужденными к лишению свободы (исторический аспект, XI–XIX вв.) // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 17–19.
5. Кара С.В. Начало создания исправительно-воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в России // Вестник БГУ. 2015. № 2. С. 216–218.
6. Асеева А.С. Правовые основы помещения несовершеннолетних в исправительные заведения в Российской империи после 1861 г. // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 10–13.
7. Бурлака С.А., Бельский А.И. Ретроспективный обзор нормативно-правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних в дореволюционной России // Проблемы правоприменительной деятельности. 2016. № 3. С. 11–16.
8. Куркина И.Н. Особенности воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в воспитательных колониях: история и современность // Ведомости УИС. 2019. № 5 (204). С. 57–66.
9. Шаратов А.Е. Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними, осужденными во второй половине 1930-х гг. XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. С. 95–98.
10. Ибрагимов Е.В. Развитие системы детских исправительно-воспитательных учреждений НКВД СССР как одно из направлений в борьбе с массовой детской беспризорностью в 1941–1945 гг. (на материалах среднего Поволжья) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 417–423.
11. Кацуба Ю.А. Эксперимент по созданию новой модели воспитательно-трудовой колонии в СССР // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 53–57.
12. Белова Н.А. История пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в СССР в 30-е годы XX века // Ведомости УИС. 2018. № 7 (194). С. 13–20.
13. Кацуба Ю.А. Учреждения для содержания несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи // Человек: преступление и наказание. 2012. № 4. С. 25–31.
14. Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://www.fsin.ru/statistika> (дата обращения: 31.07.2023).

References

1. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2023) Consideration of the characteristics of juvenile delinquency in police prevention activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 47. pp. 68–81. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/47/5
2. Pisarevskaya, E.A. (2012) Reorientation and separation of pre-criminal and criminal groups of minors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 360. pp. 135–137. (In Russian).

3. Utkin, V.A. (2013) Ob ugovolno-pravovykh sredstvakh obespecheniya pravoporyadka v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [On criminal legal means of ensuring law and order in correctional institutions]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 1 (14). pp. 7–13.
4. Minnazmetova, E.Yu. (2009) Otbyvanie ugovolnogo nakazaniya nesovershennoletnimi, osuzhdennymi k lisheniyu svobody (istoricheskiy aspekt, XI–XIX vv.) [Serving a criminal sentence by minors sentenced to imprisonment (historical aspect, 11th–13th centuries)]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 1. pp. 17–19.
5. Kara, S.V. (2015) Nachalo sozdaniya ispravitel'no-vospitatel'nykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley v Rossii [The beginning of the establishment of correctional institutions for juvenile offenders in Russia]. *Vestnik BGU*. 2. pp. 216–218.
6. Aseeva, A.S. (2019) Pravovye osnovy pomeshcheniya nesovershennoletnikh v ispravitel'nye zavedeniya v Rossiyskoy imperii posle 1861 g. [Legal basis for placing minors in correctional institutions in the Russian Empire after 1861]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2. pp. 10–13.
7. Burlaka, S.A. & Bel'skiy, A.I. (2016) Retrospektivnyy obzor normativno-pravovogo regulirovaniya ugovolnoy otvetstvennosti nesovershennoletnikh v dorevolyutsionnoy Rossii [Retrospective review of the legal regulation of criminal liability of minors in pre-revolutionary Russia] *Problemy pravoprimenitel'noy deyatel'nosti*. 3. pp. 11–16.
8. Kurkina, I.N. (2019) Osobennosti vospitatel'noy raboty s osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vospitatel'nykh koloniyakh: istoriya i sovremennost' [Peculiarities of educational work with convicts serving sentences in educational colonies: history and modernity]. *Vedomosti UIS*. 5 (204). pp. 57–66.
9. Sharapov, A.E. (2011) Osobennosti vospitatel'noy raboty s nesovershennoletnimi, osuzhdennymi vo vtoroy polovine 1930-kh gg. XX v. [Features of educational work with minors convicted in the second half of the 1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 6. pp. 95–98.
10. Ibragimov, E.V. (2011) Razvitie sistemy detskikh ispravitel'no-vospitatel'nykh uchrezhdeniy NKVD SSSR kak odno iz napravleniy v bor'be s massovoy detskoj besprizornost'yu v 1941–1945 gg. (na materialakh srednego Povolzh'ya) [Development of the system of children's correctional institutions of the NKVD of the USSR as one of the directions in the fight against mass child homelessness in 1941–1945 (based on materials from the middle Volga region)]. *Izvestiya PGU im. V.G. Belinskogo*. 23. pp. 417–423.
11. Kashuba, Yu.A. (2012) Eksperiment po sozdaniyu novoy modeli vospitatel'no-trudovoy kolonii v SSSR [Experiment to create a new model of an educational labor colony in the USSR]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2. pp. 53–57.
12. Belova, N.A. (2018) Istoriya penitentsiarnykh uchrezhdeniy dlya nesovershennoletnikh pravonarushiteley v SSSR v 30-e gody XX veka [History of penitentiary institutions for juvenile offenders in the USSR in the 1930s]. *Vedomosti UIS*. 7 (194). pp. 13–20.
13. Kashuba, Yu.A. (2012) Uchrezhdeniya dlya sodержaniya nesovershennoletnikh pravonarushiteley v Rossiyskoy imperii [Institutions for the detention of juvenile offenders in the Russian Empire]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 4. pp. 25–31.
14. Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia. (2023) *Statistics*. [Online] Available from: <http://www.fsin.ru/statistika> (Accessed: 31.07.2023). (In Russian).

Информация об авторе:

Каретников К.В. – преподаватель кафедры организации режима в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: Kostya_385@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.V. Karetnikov, lecturer, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Kostya_385@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.85

doi: 10.17223/23088451/22/13

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Иванович Паканич¹

¹ *Вятский государственный университет, Киров, Россия, sergeipakanich@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются некоторые вопросы противодействия коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Актуальность изучения коррупции обусловливается объективной необходимостью совершенствования российского законодательства и практики его применения по борьбе с данным негативным явлением. Раскрываются причины коррупционных проявлений, дается криминологический портрет сотрудника уголовно-исполнительной системы, склонного к совершению коррупционных правонарушений. На основе личного опыта работы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Вологодской, Кировской и Кемеровской областей, анализа правовой базы и практики деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации отмечается ряд проблемных вопросов, а также высказываются отдельные предложения по их решению. По мнению исследователя, некоторые положения могут быть успешно реализованы в законодательстве в современных условиях реформирования в рамках Концепции развития УИС РФ до 2030 г.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, коррупция в уголовно-исполнительной системе

Для цитирования: Паканич С.И. К вопросу о противодействии коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 77–80. doi: 10.17223/23088451/22/13

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/13

ON COMBATING CORRUPTION IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey I. Pakanich¹

¹ *Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, sergeipakanich@mail.ru*

Abstract. Anti-corruption activities are aimed at solving the following main tasks in the field of preventing and combating corruption: 1) improving the system of prohibitions, restrictions and obligations established to counter corruption, ensuring the inevitability of liability for corruption offenses; 2) increasing the efficiency of preventing and resolving conflicts of interest in the penal system, ensuring uniform law enforcement practice and the inevitability of liability; 3) improving anti-corruption measures when purchasing goods, works, and services to meet state and municipal needs; 4) improving the control over expenses and providing, in the prescribed order, relevant materials to the Prosecutor's Office of the Russian Federation so that the property for which no information has been provided confirming its acquisition with legal income can become the state's income; 5) analyzing the current anti-corruption legislation of the Russian Federation to systematize and update it, as well as to eliminate gaps and contradictions in it. The analysis of these measures shows that they do not eradicate the main reasons that make the Russian penal system's employees commit corruption offenses. It seems appropriate, first of all, to resolve issues of personnel's social and legal protection, to consistently improve their working conditions, and staffing mechanisms. The measures proposed in the plan will not have a real impact on reducing the level of corruption in the penal system, in the author's opinion.

Keywords: corruption, combating corruption, corruption in penal system

For citation: Pakanich, S.I. (2023) On combating corruption in the penal system of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 77–80. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/13

Международное антикоррупционное движение Transparency International опубликовало исследование «Индекс восприятия коррупции» за 2021 г. В данном рейтинге Российская Федерация набрала 29 баллов из 100 и заняла 136-е место из 180 стран. Столько же набрали, например, Ангола, Либерия и Мали [1]. Тема коррупции остается одной из наиболее притягательных для исследователей самого широкого диапазона в течение последних десятилетий.

Это крайне парадоксальное явление, поскольку теоретическая степень его изученности, а также интенсивность практических мер по борьбе с ним не способствуют ни искоренению, ни даже уменьшению его проявлений. Коррупция продолжает оказывать крайне негативное влияние на социальную жизнь общества, на его повседневную реальность, поэтому ученые стремятся расширить границы существующих подходов к этому «серьезному нарушению» [2. С. 3].

В послании Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации подчеркивается, что коррупция является одним из главных барьеров на пути развития государства. Борьба с ней должна вестись по всем направлениям: от совершенствования законодательства, работы правоохранительной и судебной систем до воспитания в гражданах нетерпимости к любым, в том числе бытовым, проявлениям этого социального зла; борьба с коррупцией – это не шоу, она требует профессионализма, серьезности и ответственности, только тогда она даст результат, получит осознанную, широкую поддержку со стороны общества [3].

Актуальность исследования вопросов противодействия коррупции обусловлена повышенной опасностью данного явления для государства и общества. Проникая в различные сферы, коррупция наносит значительный ущерб общественным отношениям. Не является исключением деятельность Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФСИН России). Данной проблеме придается широкий общественный резонанс в связи с тем, что уголовно-исполнительная система (УИС) – это сфера осуществления исполнительной власти, требующая неукоснительного соблюдения норм законодательства в деле исполнения уголовных наказаний. Данная деятельность не должна содержать в себе каких-либо корыстных мотивов со стороны сотрудников ФСИН России [4. С. 3].

Вместе с тем с 2015 г. уголовному преследованию подверглись директор ФСИН России Александр Реймер и три заместителя директора – Николай Баринов, Олег Коршунов и Валерий Максименко. В отношении еще двоих – экс-главы службы Геннадия Корниенко и его первого заместителя Александра Рудого – после отставки были организованы проверки. Как отмечают некоторые средства массовой информации, ФСИН России стала «чемпионом» среди российских федеральных ведомств по числу уличенных в коррупции руководителей [5–7].

Причины роста преступлений коррупционной направленности в УИС определяются, прежде всего, общими факторами, обуславливающими преступность вообще: 1) слабая социально правовая защита; 2) отток квалифицированных кадров; 3) коррумпированность отдельных работников и их сотрудничество с лидерами преступных групп; 4) низкий уровень правовой культуры.

К факультативным причинам коррупционных проявлений в УИС РФ можно отнести:

1) высокий некомплект личного состава (так, например, только в период с 2020 по 2021 г. численность вакантных должностей в УИС РФ увеличилась на 9 261 единицу с 9,92 до 13,26% [8, 9]);

2) научно не обоснованные нормативы штатной численности персонала УИС РФ. Имеют место быть многочисленные случаи совмещения сотрудниками двух и более должностей, не оплаты этой деятельности и сверхурочной работы в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации [10]. Подобное отношение к сотруднику формирует в нем противоправные установки – «раз государство нарушает мои права, то и я могу не соблюдать нормы закона»;

3) слабое финансовое и материальное обеспечение УИС РФ (например, когда государство не решает многочисленные личностные, социально-бытовые и медико-психологические проблемы осужденных, они и их близкие родственники пытаются пойти на подкуп должностных лиц, чтобы передать теплые вещи, лекарства, книги);

4) провокации коррупционных ситуаций со стороны осужденных, подозреваемых и обвиняемых, их родственников, знакомых;

5) попустительство и некомпетентность руководства. Принятие антикоррупционной политики в учреждениях и органах УИС РФ должно сопровождаться не только информированием работников об установленных ею подходах к противодействию коррупции и разъяснением важности их соблюдения. При этом Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции» обязывает принимать конкретные меры по предупреждению коррупции [11]. Вместе с тем в ряде исправительных учреждений, например, не организовано питание личного состава (отсутствуют столовые для сотрудников), не ведется досуговая работа с персоналом и членами их семьи. Методы включенного наблюдения, опроса и анкетирования сотрудников УИС показывают, что в учреждениях и органах, руководство которых предпринимает максимальные меры по созданию наиболее благоприятных условий при прохождении службы, наблюдается меньшее число случаев коррупционных проявлений. На вакантные места в таких учреждениях и органах имеется значительно больший резерв кадров. Это позволяет руководству при приеме на службу подбирать наиболее квалифицированный персонал, тем самым снижая коррупционные риски.

В юридической литературе представлен криминологический портрет сотрудника, склонного к совершению коррупционных правонарушений: 1) возраст – до 30 лет; 2) стаж – менее 5 лет; 3) звание рядового, младшего или среднего начальствующего состава; 4) уровень образования – среднее специальное; 5) занимаемая должность – кадровый аппарат, медицинская служба, сотрудники охраны, режима, безопасности, конвоирования, оперативного состава [12]. Следовательно, чаще всего коррупционные правонарушения совершают лица с небольшим стажем, низким уровнем образования, занимающие должности младшего начальствующего состава. Однако в финансово-репутационном плане наибольший ущерб представляют коррупционные действия высших должностных лиц ФСИН России.

Правовую основу противодействия коррупции в УИС составляют: Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» [12], Указ Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [13], Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» [14]. На основе данных документов в УИС разработан и реализуется «План противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2021–2024 годы» [15].

Мероприятия плана противодействия коррупции направлены на решение следующих основных задач в

области профилактики и противодействия коррупции: 1) совершенствование системы запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, и обеспечение неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения; 2) повышение эффективности предотвращения и урегулирования конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе, обеспечение единообразной правоприменительной практики и неотвратимости ответственности; 3) совершенствование мер по противодействию коррупции при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; 4) совершенствование механизмов контроля за расходами; направление в установленном порядке соответствующих материалов в органы прокуратуры Российской Федерации с целью обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы; 5) проведение анализа действующего законода-

тельства Российской Федерации в сфере противодействия коррупции с целью его систематизации, актуализации, а также устранения пробелов и противоречий.

Анализ данных мероприятий показывает, что они не решают основных причин толкающих сотрудников УИС РФ на коррупционные правонарушения. Представляется целесообразным в первую очередь решить вопросы социально-правовой защиты персонала, последовательно улучшать условия их труда, совершенствовать механизмы комплектования кадров. Предложенные же в плане мероприятия реального влияния на снижение уровня коррупции в УИС РФ, по нашему мнению, не окажут.

Таким образом, в целях эффективного противодействия коррупции в УИС РФ важно знать наиболее уязвимые места, создающие благоприятную почву для ее развития. Актуальность перечисленных выше проблем обуславливает необходимость их дальнейшего теоретического осмысления и разрешения в нормах законодательства и практике его применения.

Список источников

1. *Россия* в Индексе восприятия коррупции – 2021: 29 баллов и 136-е место. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptcii-2021-29-ballov-i-136-e-mesto> (дата обращения: 24.11.2022).
2. Горбова В.В. Философско-антропологические измерения коррупции : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Воронеж, 2016. 19 с.
3. *Послания* Президента РФ Федеральному Собранию РФ на 2008, 2012, 2013, 2015 годы // Официальное интернет-представительство Президента России в сети Интернет. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 10.03.2022).
4. Яковлев Е.А. Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере реализации антикоррупционного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2015. 24 с.
5. *Из кресла* на нары: как руководители ФСИН занимали места своих подопечных. URL: <https://pasm.ru/archive/316480/> (дата обращения: 24.11.2022).
6. *Оборот* незаконных коррупционных схем в системе ФСИН достигает 5 миллиардов рублей в год: тюремный контингент как источник криминального дохода. URL: https://www.ng.ru/politics/2020-12-17/1_8043_prison.html (дата обращения: 24.11.2022).
7. Селиверстов В.И. Куда социальный лифт теперь вывезет экс-директора ФСИН // Независимая газета. 2015. № 70 (6400). С. 14–17.
8. *Основные* показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Информационно-аналитический сборник (январь–декабрь 2021 года). Тверь, 2022. С. 231–232.
9. *Основные* показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России. Информационно-аналитический сборник (январь–декабрь 2020 года). Тверь, 2021. С. 211–213.
10. *Трудовой кодекс* Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрании законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.
11. *Федеральный закон* от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 06.02.2023) // Собрании законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.
12. Дазмарова Т.Н., Чёрная А.В. Коррупция среди сотрудников УИС: причины и административно-правовые методы предупреждения и противодействия // Правовая культура в современном обществе : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции. 2019. С. 194–198.
13. *Указ* Президента РФ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.
14. *Распоряжение* Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года» от 29.04.2021 № 1138-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2023).
15. *План* противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2021–2024 годы (утв. ФСИН России 17.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.09.2023).

References

1. Transparency.org.ru. (2021) *Rossiya v Indekse vospriyatiya korruptsii – 2021: 29 ballov i 136-e mesto* [Russia in the Corruption Perceptions Index 2021: 29 points and 136th place]. [Online] Available from: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptcii-2021-29-ballov-i-136-e-mesto> (Accessed: 24.11.2022).
2. Gorbova, V.V. (2016) *Filosofsko-antropologicheskie izmereniya korruptsii* [Philosophical and anthropological dimensions of corruption]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Voronezh.
3. Kremlin.ru. (2022) *Poslaniya Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF na 2008, 2012, 2013, 2015 gody* [Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation for 2008, 2012, 2013, 2015]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru> (Accessed: 10.03.2022).

4. Yakovlev, E.A. (2015) *Pravovoe regulirovanie i organizatsiya deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy v sfere realizatsii antikorrupcionnogo zakonodatel'stva* [regulation and organization of the activities of the penal system in the field of implementation of anti-corruption legislation]. Abstract of Law Cand. Diss. Ryazan.
5. Pasmir.ru. (2022) *Iz kresla na nary: kak rukovoditeli FSIN zanimali mesta svoikh podopechnykh* [From the chair to the bunk: how the heads of the Federal Penitentiary Service took the roles of their charges]. [Online] Available from: <https://pasmir.ru/archive/316480/> (Accessed: 24.11.2022).
6. Ng.ru. (2020) *Oborot nezakonnykh korrupcionnykh skhem v sisteme FSIN dostigaet 5 milliardov rubley v god: tyuremnyy kontingent kak istochnik kriminal'nogo dokhoda* [The turnover of illegal corruption schemes in the Federal Penitentiary Service system reaches 5 billion rubles a year: the prison population as a source of criminal income]. [Online] Available from: https://www.ng.ru/politics/2020-12-17/1_8043_prison.html (Accessed: 24.11.2022).
7. Seliverstov, V.I. (2015) *Kuda sotsial'nyy lift teper' vyvezet eks-direktora FSIN* [Where will the social elevator now take the ex-director of the Federal Penitentiary Service]. *Nezavisimaya gazeta*. 70 (6400). pp. 14–17.
8. RF Federal Penitentiary Service. (2022) *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy FSIN Rossii. Informatsionno-analiticheskiy sbornik (yanvar'-dekabr' 2021 goda)* [Main performance indicators of the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russia. Informational and analytical collection (January–December 2021)]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii. pp. 231–232.
9. RF Federal Penitentiary Service. (2021) *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy FSIN Rossii. Informatsionno-analiticheskiy sbornik (yanvar'-dekabr' 2020 goda)* [Main performance indicators of the penal system of the Federal Penitentiary Service of Russia. Information and analytical collection (January–December 2020)]. Tver: FKU NIIIT FSIN Rossii. pp. 211–213.
10. Russian Federation. (2002) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. Ot 19.12.2022)* [Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on December 19, 2022)]. *Sobranii zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1. Art. 3.
11. Russian Federation. (2008) *Federal'nyy zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ "O protivodeystvii korruptsii"* (red. Ot 06.02.2023) [Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on December 19, 2022)]. *Sobranii zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52 (I). Art. 6228.
12. Dazmarova, T.N. & Chernaya, A.V. (2019) [Corruption among employees of the penal system: causes and administrative and legal methods of prevention and counteraction]. *Pravovaya kul'tura v sovremennom obshchestve* [Legal culture in modern society]. Proceedings of the 2nd International Conference. pp. 194–198. (In Russian).
13. Russian Federation. (2021) *Ukaz Prezidenta RF "O Natsional'nom plane protivodeystviya korruptsii na 2021–2024 gody"* ot 16.08.2021 № 478 [Decree of the President of the Russian Federation "On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024" dated August 16, 2021, No. 478]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 34. Art. 6170.
14. Consultant Plus. (2021) *Order of the Government of the Russian Federation "On approval of the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period until 2030" dated 29 April 2021 No. 1138-r*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
15. Consultant Plus. (2021) *Anti-corruption plan of the Federal Penitentiary Service for 2021–2024 (approved by the Federal Penitentiary Service of Russia on September 17, 2021)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторе:

Паканич С.И. – доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности Юридического института Вятского государственного университета, кандидат юридических наук (Киров, Россия). E-mail: sergeipakanich@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.I. Pakanich, Cand. Sci. (Law), associate professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: sergeipakanich@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/22/14

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Олег Николаевич Уваров¹

¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. Цели уголовного наказания, определенные как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения преступлений, как осужденным, так и иными лицами, исчерпывают реальное современное представление о таких целях и безусловно отражают социальное содержание наказания. Отмечая некоторые противоречия в подходах к содержанию этих целей, автор считает, что это не повод для их исключения, а лишь доказательство того, что они обоснованы, уместны, проверены временем, а внутреннее их содержание исторически развивается, в том числе, и подвергаясь критике.

Ключевые слова: уголовное наказание, уголовная ответственность, исправление осужденного, восстановление социальной справедливости, кара, возмездие

Для цитирования: Уваров О.Н. К вопросу о целях уголовного наказания // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 81–84. doi: 10.17223/23088451/22/14

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/14

ON THE PURPOSES OF CRIMINAL PUNISHMENT

Oleg N. Uvarov¹

¹ Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

Abstract. Correction of convicts is the formation in them of a respectful attitude towards man, society, work, norms, rules and traditions of human society, and stimulation of law-abiding behavior. It is not so much a legal correction (the convicted person will not commit a new crime), but rather a more complex phenomenon – moral correction, when the convicted person observes the values of human coexistence deeply consciously, not out of fear of a new punishment. In addition, correction is, first of all, an improvement and change that corrects personality traits, negative ones in this context. The personality of any individual is formed through upbringing and education, knowledge acquisition, and the development of skills. To change personality traits is possible through the acquisition of knowledge, skills and abilities that determine such a change. Denying the possibility of correcting a convicted person also denies the system of knowledge, abilities and skills, that is, denies the very possibility of a person's education and upbringing. It seems that the purposes of criminal punishment, defined as the restoration of social justice, the correction of the convicted person, and the prevention of the commission of crimes both by the convicted person and by other persons, exhaust the real modern understanding of such purposes and certainly reflect the social content of punishment. Noting some contradictions in approaches to the content of these purposes, it seems that this is not a reason to exclude them, but only a proof that they are justified, appropriate, time-tested, and their content develops historically, including through criticism.

Keywords: criminal punishment, criminal liability, correction of convicted person, restoration of social justice, penance, retribution

For citation: Uvarov, O.N. (2023) On the purposes of criminal punishment. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 81–84. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/14

В современной уголовно-правовой литературе до сих пор не стихают дискуссии вокруг целей уголовного наказания. В научных публикациях встречаются весьма разнообразные суждения об этом предмете. Здесь указывается, например, на то, что стоит отказаться от признания в качестве целей наказания восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, обозначив такие цели, как безусловное и полное восстановление нару-

шенных преступлением прав и исправление осужденного [1]. Также предлагается в качестве цели наказания снижение уровня преступности или, как минимум, сдерживание ее роста. А в качестве задач, способствующих ее достижению, определяются восстановление социальной справедливости, а также общая и частная превенция. Исправление осужденного исключено из этого перечня, поскольку исправление осужденного, в данном случае, подразумевается как частная превен-

ция [2]. Обосновывается, кроме того, и введение дополнительных целей, например, с выводами о том, что вполне сформировались реальные предпосылки для установления в российском уголовном законодательстве цели ресоциализации (социальной реабилитации) осужденных [3].

Безусловно, имеются и иные мнения, с не меньшей убежденностью предлагаемые авторами. Однако, при всем многообразии суждений о целях уголовного наказания, на наш взгляд, этот вопрос стоит поднять еще раз, выступив в защиту ныне установленных уголовным законом целей: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение повторных преступлений.

Рассматривая собственно цели уголовного наказания, следует исходить из того, что уголовные правоотношения в обществе устанавливаются и обеспечиваются государством. Поскольку они касаются и общества, и государства, то здесь должны преследоваться государственные и общественные интересы. Не интересы осужденных, связанные со справедливым к ним отношением, заявленные в принципах уголовного законодательства, не интересы государственных органов, имеющих отношение к назначению или исполнению этих наказаний, а именно интересы государства как объединяющей общество структуры и общества, т.е. граждан, в этом государстве проживающих.

Давно не секрет, что наказание как государственное принуждение есть принуждение социальное, которое осуществляется на основании, в пределах и порядке, установленном социальными нормами, внешним воздействием уполномоченного лица (принуждающего), на волю другого лица (принуждаемого), обусловленное конфликтом воли принуждаемого лица с содержащимся в социальной норме предписанием, характеризующееся снятием воли принуждаемого лица с целью приведения его поведения в соответствие с социальной нормой [4].

Рассматривая тезис о «приведении поведения лица в соответствие с социальной нормой» как цель воздействия, следует согласиться, что государственное принуждение, в частности, стремится вернуть поведение лица, признанного виновным в совершении преступления, непосредственно в соответствие с уголовно-правовой нормой. Иными словами, здесь происходит приведение в изначальное состояние нарушенных общественных отношений, охраняемых и обеспечиваемых государством, при этом данные общественные отношения входят в привычный нормальный уклад жизни общества, а следовательно, восстановление системы нарушенных общественных отношений здесь имеет прямое отношение к понятию социальной справедливости.

Справедливость, как известно, категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека [5]. «Социальный» – значит общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе [6], в первую очередь то, что относится к обществу и общности [7].

Таким образом, социальную справедливость можно определить как категорию морально-правового и соци-

ально-политического сознания общества, обусловленную понятием о должном, связанным с совместной жизнью людей и различными формами их общения. В свою очередь, такое морально-правовое и социально-политическое понятие общества о должном, как социальная справедливость, вполне может быть обусловлено системой наказаний, включающих в себя большую или меньшую карательную составляющую. Иными словами, социальная справедливость, как предусмотрено уголовным законом, достигается неотвратимостью наказания и соответствием его характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, а также личности осужденного [8].

Именно поэтому представляется, что социальную справедливость не следует исключать из целей уголовного наказания, так как именно она отражает реакцию общества на применение и исполнение уголовного наказания.

В то же время, говоря о «восстановлении» социальной справедливости, т.е. о «максимально возможном приведении в первоначальное состояние системы нарушенных преступлением общественных отношений», мы видим что для достижения такой цели простой системной комбинации с карательными элементами явно недостаточно [9. С. 144]. «Восстановление социальной справедливости» как термин действительно не может заключать в себе только карательные меры. Здесь следует обратить внимание на компенсацию нанесенного преступлением вреда, ведь именно в этом раскрывается содержание такого восстановления. Компенсацию, или восстановление, можно обеспечить переводом компенсации материального и нематериального вреда, нанесенного преступлением из сферы гражданско-правовых отношений в уголовно-правовые.

Принуждение в любом случае представляет собой определенное насилие над волей человека, которое может быть реализовано либо непосредственным негативным воздействием на него, либо угрозой применения такого воздействия. Угроза применения определенного негативного воздействия, без всякого сомнения, предупреждает совершение преступлений, непосредственное же применение такого воздействия служит реакцией государства на противоправное поведение человека [10]. Однако в этом случае профилактическое значение такого воздействия не утрачивается и по отношению к иным лицам.

В науке в предупреждении повторных преступлений принято различать частное (специальное) предупреждение (в отношении виновного) и общее (в отношении иных лиц) [11]. Общее предупреждение не исчерпывается устрашением, но устрашающее значение наказания полезно, и надо его сознательно использовать в интересах охраны общества. В борьбе с опасными преступниками преимущественное значение имеет общее предупреждение, а с менее опасными – специальное [12]. Общая превенция в данном случае обеспечивается одобрением в обществе уголовно-правового порядка, в том числе в определенном смысле страхом перед наказанием. А уже специальное предупреждение является целью учреждений и органов, исполняющих уголовное

наказание, что отражает предупредительную составляющую целей наказания. Иными словами, наказание существует для того, чтобы снизить преступность, что и достигается предупреждением, с ним связанным.

Исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения [13]. Речь идет здесь не столько о юридическом исправлении (осужденный не совершит нового преступления), а о более сложном явлении – нравственном исправлении, когда ценности человеческого общежития осужденный соблюдает глубоко осознанно, а не из-за боязни нового наказания [14].

Кроме того, следует подчеркнуть, что исправление – это прежде всего улучшение и изменение, исправляющее [6] черты личности, причем в нашем случае – ее негативные черты. Личность же любого человека формируется в процессе воспитания и образования, посред-

ством приобретения знаний, выработки умений и навыков. Изменение черт такой личности возможно приобретением знаний, обретением умений и навыков, обуславливающих такое изменение. Отрицание возможности исправления осужденного отрицает и систему знаний, умений и навыков, т.е. отрицает саму возможность образования и воспитания человека [15].

Как представляется, цели уголовного наказания, определенные как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения преступлений как осужденным, так и иными лицами, исчерпывают реальное современное представление о таких целях и безусловно отражают социальное содержание наказания. Отмечая некоторые противоречия в подходах к содержанию этих целей, представляется, что это не повод для их исключения, а лишь доказательство того, что они обоснованы, уместны, проверены временем, а внутреннее их содержание исторически развивается, в том числе подвергаясь критике.

Список источников

1. Маслов В.А. Декларируемые и истинные цели уголовного наказания // *Lex Russica* (Русский закон). 2022. Т. 75, № 12 (193). С. 52–62.
2. Батурова О.С. Цели и эффективность уголовного наказания // *Научный электронный журнал Меридиан*. 2020. № 6 (40). С. 201–203.
3. Волкова Т.Н. Ресоциализация осужденных как мера профилактики преступности и цель уголовного наказания // *Правовая культура*. 2007. № 2 (3). С. 102–109.
4. Лапшина И.В. Типы социального принуждения в России и на Западе: сравнительное социально-философское исследование : автореф. дис. ... канд. филос. наук. 2007. 34 с.
5. *Большой энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва : Советская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Фонд «Ленингр. галерея», 2002. 1628 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 673 с.
7. *Новая философская энциклопедия* [Текст] : в 4 т. / науч.-ред. совет.: В.С. Степин [и др.]. М. : Мысль, 2000–2001. 692 с.
8. Филимонов В.Д. Справедливость как принцип права // *Государство и право*. 2009. № 9. С. 5–13.
9. Прокументов Л.М. Эволюция целей уголовного наказания в России. Новосибирск : Альфа-Порте, 2021. 149 с.
10. Сатина Э.А. Понятие и виды государственного принуждения // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2003. № 2 (30). С. 72–76.
11. *Уголовное право. Общая часть* : учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 600 с.
12. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1965. 64 с.
13. *Ч. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023)* // СПС «КонсультантПлюс». М., 2023. Доступ свободный.
14. *Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации* / [Брезгин Н.И. и др.] ; под ред. А.И. Зубкова. 4-е изд., перераб. М. : Норма, 2008. 495 с.
15. *Дидактика* : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Ю.В. Аннушкин, О.Л. Подлиняев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. 165 с.

References

1. Maslov, V.A. (2022) Deklariruemye i istinnye tseli ugovornogo nakazaniya [Declared and true purposes of criminal punishment]. *Lex Russica*. 75:12 (193). pp. 52–62.
2. Baturova, O.S. (2020) Tseli i effektivnost' ugovornogo nakazaniya [Purposes and effectiveness of criminal punishment]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. 6 (40). pp. 201–203.
3. Volkova, T.N. (2007) Resotsializatsiya osuzhdennykh kak mera profilaktiki prestupnosti i tsel' ugovornogo nakazaniya [Resocialization of convicts as a measure of crime prevention and the purpose of criminal punishment]. *Pravovaya kul'tura*. 2 (3). pp. 102–109.
4. Lapshina, I.V. (2007) *Tipy sotsial'nogo prinuzhdeniya v Rossii i na Zapade: sravnitel'noe sotsial'no-filosofskoe issledovanie* [Types of social coercion in Russia and the West: a comparative socio-philosophical study]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Chita.
5. Prokhorov, A.M. (ed.) (2002) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; Saint Petersburg: Fond "Leningr. galereya".
6. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: OOO "A TEMP".

7. Stepin, V.S. et al. (eds) (2000–2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 volumes]. Moscow: Mysl'.
8. Filimonov, V.D. (2009) Spravedlivost' kak printsip prava [Justice as a principle of law]. *Gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 5–13.
9. Prozumentov, L.M. (2021) *Evolutsiya tseley ugovolnogo nakazaniya v Rossii* [Evolution of the purposes of criminal punishment in Russia]. Novosibirsk: AI'fa-Porte.
10. Satina, E.A. (2003) Ponyatie i vidy gosudarstvennogo prinuzhdeniya [The concept and types of state coercion]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2 (30). pp. 72–76.
11. Utkin, V.A. & Shesler, A.V. (eds) (2016) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': ucheb. posobie* [Criminal law. General part: textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Remenson, A.L. (1965) *Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perevospitaniya zaklyuchennykh* [Theoretical issues of execution of imprisonment and re-education of prisoners]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
13. Consultant Plus. (2023) *Part 1 of Art. 9 of the Penal Code of the Russian Federation dated 08 August 1997 No. 1-FZ (as amended on 24 June 2023)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
14. Zubkov, A.I. (ed.) (2008) *Kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Penal Code of the Russian Federation]. 4th ed. Moscow: Norma.
15. Annushkin, Yu.V. & Podlinyaev, O.L. (2018) *Didaktika: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Didactics: textbook for bachelor's and master's students]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.

Информация об авторе:

Уваров О.Н. – профессор кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.N. Uvarov, Cand. Sci. (Law), docent, professor, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.85

doi: 10.17223/23088451/22/15

РОЛЬ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОХРАНЫ И НАДЗОРА В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПОБЕГОВ ОСУЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Роман Анатольевич Филипов¹, Егор Александрович Рахманкин²

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, Filipiev@live.ru

² Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, eXtreme_XL@bk.ru

Аннотация. Инженерно-технические средства охраны и надзора обязаны применяться с целью создания условий для предупреждения и пресечения побегов, преступлений и нарушений установленного режима содержания осужденными и лицами, содержащимися под стражей, повышения эффективности надзора за ними и получения необходимой информации об их поведении, а также для обеспечения выполнения других служебных задач, возложенных на учреждения и органы УИС.

Ключевые слова: совершение побегов, инженерно-технические средства охраны и надзора

Для цитирования: Филипов Р.А., Рахманкин Е.А. Роль инженерно-технических средств охраны и надзора в предупреждении и пресечении побегов осужденных из мест лишения свободы // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 85–90. doi: 10.17223/23088451/22/15

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/15

THE ROLE OF ENGINEERING AND TECHNICAL TOOLS OF SECURITY AND SUPERVISION IN PREVENTING AND SUPPRESSING CONVICTS' ESCAPES FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Roman A. Filipiev¹, Egor A. Rakhmankin²

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, Filipiev@live.ru

² Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation, eXtreme_XL@bk.ru

Abstract. Engineering and technical tools of security and supervision are used for creating conditions for compliance and suppression of escapes, crimes and violations of the regime by convicts and persons in custody; for increasing the efficiency of supervision over them and obtaining the necessary information about their behavior; for performing other official tasks assigned to institutions and bodies of the penal system. Conditions conducive to escapes are: the weakening of supervision over convicts at work (negligent attitude of employees towards checking the presence of convicts at work-places, accompanying cargo, and performing their duties; insufficient control over the consumption of materials and use of equipment and tools); unsatisfactory supervision over convicts in the residential area; violation of the procedure for serving at the security checkpoint; unsatisfactory condition of alarm and control equipment, lack of anti-ram barriers and locks at hatches and doors of underground communications, their blocking, untimely implementation of routine maintenance of engineering and technical tools of security and supervision (ETTSS). The following preventive measures can be distinguished: identifying and eliminating deficiencies in the equipment of restricted areas protected by ETTSS; strengthening the security of convicts working short-term at facilities whose restricted areas are not fully equipped with the ETTSS complex; increasing control over all vehicles passing through security checkpoints; tightening control over convicts prone to escape and persons on preventive registration; increasing vigilance and discipline among correctional institution employees who are part of the guards and squads; systematically conducting searches of convicts, the premises in which they are located, and the territories of protected facilities. At the moment, there is a positive trend in the work to suppress escapes from places of deprivation of liberty, but one should not lose vigilance – maintaining law and order and ensuring the isolation of convicts in correctional institutions are the most basic tasks of the Federal Penitentiary Service of Russia. Only with the help of ETTSS can correctional officers carry out effective activities in accordance with the tasks assigned to Russia's Federal Penitentiary Service.

Keywords: escape, engineering and technical tools of security and supervision

For citation: Filipiev, R.A. & Rakhmankin, E.A. (2023) The role of engineering and technical tools of security and supervision in preventing and suppressing convicts' escapes from places of deprivation of liberty. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 85–90. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/15

Федеральная служба исполнения наказаний (далее – ФСИН) – орган исполнительной власти в Российской Федерации, уполномоченный осуществлять полномочия в области исполнения уголовных наказаний [1]. Основными задачами ФСИН являются:

- исполнение уголовных наказаний, а также мер пресечения в отношении лиц, обвиняемых или подозреваемых в совершении преступлений, а также подсудимых и осужденных;

- контроль за соблюдением ограничений при отбывании наказания или меры пресечения, не связанных с лишением свободы;

- контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно, а также условно осужденных;

- обеспечение охраны прав лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений и осужденных;

- обеспечение правопорядка и законности в учреждениях Уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), обеспечение безопасности содержащихся в них лиц, а также персонала УИС;

- создание осужденным и лицам, содержащимся под стражей, условий содержания, соответствующих нормам международного права и федеральных законов РФ;

- организация деятельности по оказанию осужденным помощи в ресоциализации и социальной адаптации на момент отбывания уголовного наказания.

Исходя из вышеперечисленных задач, можно сделать вывод, что основной целью деятельности ФСИН России является обеспечение законности в сфере отбывания уголовных наказаний и мер пресечения. Кроме того, по приведенному выше материалу становится ясно, насколько разноплановы направления деятельности Федеральной службы исполнения наказаний: помимо исполнения уголовных наказаний, ФСИН занимается также и исполнением ряда мер пресечения (например, содержание под стражей). Сами же уголовные наказания, исполняемые ФСИН России, принято подвергать различным классификациям, одна из них отражает в себе связь данного наказания с лишением свободы. Например, без изоляции от общества могут исполняться следующие уголовные наказания: исправительные работы, штраф, ограничение по военной службе. Ярким примером наказания, связанного с изоляцией от общества, является лишение свободы лица на определенный срок.

Исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы занимаются исправительные учреждения различных видов (колонии-поселения, исправительные колонии, тюрьмы и т.д.). В данном случае основной задачей исправительного учреждения является постоянная охрана и надзор за осужденными, предупреждение совершения ими противоправных деяний и реализация их прав, законных интересов и обязанностей [2. С. 165]. Благодаря четкому исполнению своих служебных обязанностей сотрудниками УИС, действенной правовой регламентации деятельности персонала и многоплановой системе отбора кадров в Федеральную службу исполнения наказаний, совершение побегов лицами, содержащимися в местах лишения свободы, сведено к минимуму. В 2022 г. фактов побега зафиксировано не было, все они пресечены на стадии подготовки.

Вместе с развитием уголовно-исполнительной системы не стоит на месте также и технологическая сноровка лиц, содержащихся в местах лишения свободы: все больше новых способов придумано осужденными, желающими незаконно оказаться на свободе. Итак, побег – умышленное противоправное оставление осужденным места отбывания уголовного наказания [3. С. 223]. Существует множество ухищрений для совершения побегов из-под охраны – это приемы и методы, применяемые осужденными для подготовки и совершения побега, а также сокрытия следов совершаемых ими деяний. Условно можно выделить 2 стадии побега:

1. Стадия подготовки к побегу. На данной стадии к ухищрениям можно отнести все процессы, предшествующие его совершению, в том числе сокрытие следов подготовки (подкопы, изготовление необходимых инструментов, разработка планов и т.д.).

2. Непосредственное совершение деяния. На данной стадии ухищрением являться будет сам способ совершения побега (укрытие в транспортном средстве, совершение побега «на рывок» при конвоировании, преодоление инженерных средств охраны и надзора различными путями).

Вообще различают множество способов побега из-под охраны, некоторые из них рассмотрим подробнее:

- совершение побега путем преодоления инженерных средств охраны и надзора различными способами;

- совершение побега путем беспрепятственного незаконного преодоления контрольно-пропускных пунктов;

- совершение побега с использованием отвлекающих маневров;

- совершение побега с использованием тайников на временных объектах охраны;

- совершение побега путем выведения из строя технических средств охраны и надзора (ТСОН).

В статье уже было упомянуто, что своевременное пресечение попыток совершения побегов – следствие слаженной и эффективной работы подразделений УИС, однако это не единственное средство достижения таких целей. В современном мире на передний план выходят различные технические средства; не обошел стороной период информатизации и исправительные учреждения [4. С. 54]. Во многих сферах уголовно-исполнительная система широко применяет технические средства обнаружения, сама проектировка исправительных учреждений также обеспечивает довольно надежную изоляцию осужденных от общества, что в значительной мере затрудняет возможность совершения побега из-под охраны. Оба вышеизложенных понятия в уголовно-исполнительной системе принято объединять в одно понятие – инженерно-технические средства охраны и надзора (ИТСОН). ИТСОН применяются с целью создания условий для предупреждения и пресечения побегов, других преступлений и нарушений установленного режима содержания осужденными и лицами, содержащимися под стражей, повышения эффективности надзора за ними, а также для обеспечения выполнения других служебных задач, возложенных на учреждения и органы УИС. Так какое же влияние оказывают инженерно-технические средства охраны и надзора на интенсивность побегов из мест лишения свободы?

Чтобы разобраться в этом вопросе подробнее, рассмотрим каждый способ совершения побега отдельно [5. С. 460].

1. Ухищрения, используемые осужденными для осуществления побега путем преодоления ограждений запретных зон различными путями.

В данном примере можно выделить несколько наиболее вероятных способов побега:

- через ограждение запретных зон или над ним (в данном случае осужденные могут использовать заранее подготовленные лестницы и трапы, веревки, летательные аппараты кустарного производства);

- под ограждениями (путем совершения подкопов или по подземным коммуникациям);

- путем полного или частичного разрушения ограждений запретных зон, нарушение их целостности (в случае затруднения преодоления ограждений вышеизложенными способами осужденные чаще всего делают проломы и прорезы в ограждениях сплошного заполнения с помощью багров, пил и ножовок, а в проволочных ограждениях – с помощью различных металлорежущих инструментов или путем раздвигания смежных нитей и поднятия их над землей рогатками).

Роль ИТСОН в пресечении попытки побега в данном случае занимает центральное место. Сама по себе инженерная планировка исправительных учреждений изначально создает серьезные затруднения для осуществления побега осужденными: высота ограждений, их большое количество, наличие на ряде построек противопобеговых козырьков; все это увеличивает время на совершение противоправного деяния и, как следствие, дает время сотрудникам караула на выдвижение для пресечения побега. Помимо этого, на контрольно-следовой полосе и по верху ограждений устанавливаются различные технические средства охраны, предназначенные для отслеживания появления вблизи запретной зоны посторонних лиц. Например, двухпозиционный радиоволновой датчик обнаружения выдает сигнал тревоги при приближении человека к инженерным средствам охраны [6. С. 48].

2. Ухищрения, используемые осужденными для осуществления побега через контрольно-пропускной пункт (КПП).

Как мы знаем, существует 3 вида КПП – по пропуску людей, автомобильного транспорта и железнодорожного транспорта. Для каждого из данных видов КПП существуют присущие только ему способы осуществления побега. Одним из наиболее частых видов побега является противоправное преодоление КПП в транспортном средстве. Как правило, в данном случае осужденные укрываются в жидкостях, грузах, вывозимых из исправительного учреждения, утаиваются в отдельных деталях автомобиля, устанавливают двойные стенки в кабинах и так далее. Однако существуют технические средства обнаружения, препятствующие осужденным осуществить побег таким образом. В качестве примера такого средства обнаружения назовем датчик «Лаванда», улавливающий сердцебиение человека. Для обнаружения посторонних предметов в грузах существуют различные щупы, видеоэндоскопы, химические средства обнаружения и многое другое.

Преодоление КПП по пропуску людей чаще всего происходит путем подмены лиц во время длительных или краткосрочных свиданий, а также при выводе на работу лиц, пользующихся правом бесконвойного передвижения. Тут в предупреждении совершения побега осужденным могут помочь различные системы распознавания лица, сетчатки глаза или других биометрических параметров.

3. Использование «отвлекающего маневра».

К данной категории можно отнести действия, направленные на умышленное создание нестандартной обстановки с целью отвлечения внимания лиц караула – поджог, учинение массовых беспорядков, взятие заложников и так далее. Кроме того, к данной категории действий можно отнести маскировку осужденных с целью пребывания их незамеченными какое-то время, например, зимой спецконтингент может укрыться белой простыней, что значительно усложнит задачу часового по идентификации приближения посторонних к ограждениям запретных зон. Именно тут и возрастает значение ТСОИ при предупреждении совершения побега: то, что может не заметить глаз человека, невозможно утаить от чувствительного элемента средства обнаружения. После выдачи сигнала «тревога» датчиками обнаружения на место сработки выдвигаются сотрудники караула; дальнейшее осуществление побега становится невозможным.

4. Сооружения тайников для совершения побега с объектов временной охраны.

Нередки случаи вывода осужденных на работу за пределы исправительных учреждений на производство, в данном случае такие предприятия носят название объектов временной охраны, причем охрана на данном объекте устанавливается только на время работы осужденных. Пользуясь отсутствием на таких объектах ТСОИ и недостаточно добросовестным подходом к выполнению служебных обязанностей сотрудников, осуществляющих сопровождение осужденных на работу, спецконтингент занимается изготовлением схронов или тайников, в которые осужденный может спрятаться во время работ, а выйти уже после снятия охраны с объекта.

5. Выведение из строя ТСОИ для совершения побега.

Оборудованные инженерно-техническими средствами охраны и надзора запретные зоны осужденные стремятся преодолеть такими способами, которые позволили бы вывести из строя системы обнаружения, быстро пройти сложные противопобеговые ограждения. Изучив устройство линейной части технических средств, они используют ее конструктивные недостатки, отключают токонесущие провода, устраивают всевозможные перемычки, изолируют контактные части электромеханических датчиков, зажимая обрезанные концы проводов специальными зажимами.

Кроме вышеперечисленных способов побега из-под охраны, существуют также ухищрения, используемые осужденными при попытке побега из-под конвоя [7. С. 257]. Доктринологи также называют данный способ побега «на рывок» – совершение побега при конвоировании на глазах у сотрудников подразделения охраны

или сотрудников специального подразделения по конвоированию.

Ключевой проблемой оказания влияния ИТСОН на совершение побегов является несоответствие большинства исправительных учреждений современным стандартам уголовно-исполнительного законодательства. Ввиду гуманизации новые учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, не проектируются и не строятся. Старые же учреждения, еще советской постройки, не всегда соответствуют требованиям надежности [8. С. 45]. Обеспечить органы УИС эффективными техническими средствами охраны и надзора, а также осуществлять текущий ремонт уже существующих ИТСОН не всегда возможно вследствие недостаточного финансирования.

Немаловажным фактором для совершения побегов из мест лишения свободы является добросовестное отношение к своим обязанностям сотрудников УИС, что не всегда представляется возможным в связи с нехваткой кадров.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить следующее:

1. Условия, способствующие побегам:

- ослабление надзора за осужденными на производстве (халатное отношение сотрудников к проведению проверок наличия осужденных на рабочих местах, сопровождению грузов и выполнению своих обязанностей, недостаточный контроль за расходом материалов, использованием оборудования и инструментов);
- неудовлетворительное осуществление надзора за осужденными в жилой зоне;
- нарушение порядка несения службы на КПП;
- неудовлетворительное состояние средств сигнализации и контроля, отсутствие противотаранных заграждений, запоров люков и дверей подземных коммуникаций и их блокировки, несвоевременное выполнение регламентных работ по ремонту ИТСОН [9. С. 282].

2. Необходимые профилактические мероприятия по предотвращению побегов:

- выявление и устранение недостатков в оборудовании запретных зон охраняемых объектов ИТСОН;
- усиление охраны осужденных, работающих на кратковременных объектах, запретные зоны которых не в полной мере оборудованы комплексом ИТСОН;
- повышение контроля за всеми транспортными средствами, проходящими через КПП;
- ужесточение контроля за осужденными, склонными к побегу, и за лицами, состоящими на профилактическом учете;
- повышение бдительности и дисциплины среди сотрудников ИУ, входящих в состав караулов и нарядов;
- систематическое проведение обысков осужденных, помещений в которых они находятся, территорий охраняемых объектов [10. С. 60].

Лишь в тех учреждениях, где постоянно ведется работа по искоренению условий, способствующих побегам, систематически проводятся профилактические мероприятия по предотвращению данных преступлений, где личный состав обучен приемам распознавания ухищрений осужденных, бдительно и качественно выполняются служебные задачи, а также поддерживается стабильно удовлетворительное состояние инженерных средств охраны и надзора, на пути осужденных, планирующих совершить побег и другие преступления, стоит надежный заслон [11. С. 359].

На данный момент наблюдается положительная тенденция в работе над пресечением побегов из мест лишения свободы, однако не стоит терять бдительность – поддержание правопорядка и обеспечение изоляции осужденных в исправительных учреждениях являются самыми основными задачами ФСИН России. Лишь с помощью ИТСОН сотрудники исправительных учреждений могут осуществлять эффективную деятельность в соответствии с поставленными перед ФСИН задачами.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 (ред. от 11.04.2022) «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).
2. Аниськин С.И., Лелик Н.Б., Семенова Л.Ю. Характеристика побегов, совершаемых из-под охраны в учреждениях УИС, и мероприятия по их предупреждению // Проблемы повышения эффективности режима исполнения наказаний : сборник тезисов выступлений и докладов участников Всероссийской научно-практической конференции. Пермь : Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 166–168.
3. Писарева И.Р., Назаркин Е.В. Общие положения взаимодействия при раскрытии, расследовании и предупреждении побегов из учреждений УИС России // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 8. С. 202–205.
4. Филипьев Р.А., Лысухин А.М. Перспективы использования информационных технологий в деятельности подразделений охраны и конвоирования // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 17–18 ноября 2018 года / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 53–55.
5. Лопина М.В., Зайцев А.В. Взаимодействие отделов и служб учреждений УИС при побеге спецконтингента из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. Воронеж, 23 мая 2019 г. Ч. 1. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. С. 460–461.
6. Жуков Н.В. Правовое регулирование и организация действий караула в целях предотвращения совершения побегов из-под охраны спецконтингента, содержащегося в учреждениях УИС // Вестник молодого Кузбасского института : сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Ивашко. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. Вып. 9. С. 48–49.

7. Позднякова С.И. Совершение побегов как одна из проблем организации режима и надзора в учреждениях УИС. Мероприятия по предупреждению побегов // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. Ч. 3. С. 255–258.
8. Лелик Н.Б. Побег из учреждений уголовно-исполнительной системы: причины и профилактика // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2019. № 1. С. 42–47.
9. Тимофеев В.А. Ухищрения, используемые подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, при побеге из мест лишения свободы // Организационно-правовое обеспечение деятельности учреждений и органов ФСИН России: проблемы и перспективы развития : материалы межвузовской научно-практической конференции посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова, Дню российской науки, 140-летию УИС и 85-летию Академии ФСИН России. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 278–284.
10. Квашенников Е.А. Понятие и общая характеристика совершения побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Всероссийской научной конференции обучающихся и молодых ученых с международным участием. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. Ч. 2. С. 59–61.
11. Потапова Е.О., Щербинина Е.А. К вопросу о причинах, условиях и способах совершения побегов осужденных из мест лишения свободы // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 2-й Международной научной конференции. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 357–361.

References

1. Consultant Plus. (2023) *Decree of the President of the Russian Federation dated October 13, 2004, No. 1314 (as amended on April 11, 2022) "Issues of the Federal Penitentiary Service"*. Moscow: Consultant Plus.
2. Anis'kin, S.I., Lelik, N.B. & Semenova, L.Yu. (2016) [Characteristics of escapes from security in penal institutions and measures to prevent them]. *Problemy povysheniya effektivnosti rezhima ispolneniya nakazaniy* [Problems of increasing the efficiency of the penal regime]. Abstracts of the International Conference. Perm. 06–08 April 2016. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 166–168. (In Russian).
3. Pisareva, I.R. & Nazarkin, E.V. (2017) *Obshchie polozheniya vzaimodeystviya pri raskrytii, rassledovanii i preduprezhdenii pobegov iz uchrezhdeniy UIS Rossii* [General provisions for interaction in the disclosure, investigation and prevention of escapes from institutions of the penal system of Russia]. *Nauchno-obrazovatel'nyy potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka*. 8. pp. 202–205.
4. Filip'ev, R.A. & Lysukhin, A.M. (2018) [Prospects for the use of information technologies in the activities of security and escort units]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystvie nauki i praktiki* [Criminal executive system today: interaction between science and practice]. Conference Proceedings. Novokuznetsk. 17–18 November 2018. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 53–55. (In Russian).
5. Lopina, M.V. & Zaytsev, A.V. (2019) [Interaction of departments and services of penal system institutions during the escape of a special contingent from a place of deprivation of liberty, from arrest or from custody]. *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy UIS* [Current problems of the activities of penal system departments]. Conference Proceedings. In 2 parts. Voronezh. 23 May 2019. Part 1. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiiy tsentr "Nauchnaya kniga". pp. 460–461.
6. Zhukov, N.V. (2022) [Legal regulation and organization of guard actions in order to prevent escapes from the protection of special contingents held in penal institutions]. In: Ivashko, N.N. (ed.) *Vestnik mladogo uchenogo Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of a young scientist of the Kuzbass Institute]. Vol. 9. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 48–49. (In Russian).
7. Pozdnyakova, S.I. (2018) [Escape as one of the problems of organizing regime and supervision in penal institutions. Measures to prevent escapes]. *Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii na sovremennoy etape* [Problems and prospects for the development of the Russian penal system at the present stage]. Proceedings of the International Conference. Samara. 27 April 2018. Part 3. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 255–258. (In Russian).
8. Lelik, N.B. (2019) *Pobegi iz uchrezhdeniy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: prichiny i profilaktika* [Escapes from institutions of the penal system: causes and prevention]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*. 1. pp. 42–47.
9. Timofeev, V.A. (2019) [Tricks used by suspects, accused and convicted persons when escaping from places of deprivation of liberty]. *Organizatsionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti uchrezhdeniy i organov FSIN Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Organizational and legal support for the activities of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia: problems and development prospects]. Ryazan. 08 February 2019. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 278–284. (In Russian).
10. Kvashennikov, E.A. (2022) [Concept and general characteristics of escapes from institutions of the penal system]. *Problemy i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossii na sovremennoy etape* [Problems and prospects for the development of the Russian penal system at the present stage]. Proceedings of the International Conference. Samara. 22 April 2022. Part 2. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service. pp. 59–61. (In Russian).
11. Potapova, E.O. & Shcherbinina, E.A. (2020) [On the reasons, conditions and methods of escape of convicts from places of deprivation of liberty]. *Evolutsiya gosudarstva i prava: problemy i perspektivy* [Evolution of state and law: problems and prospects]. Proceedings of the 2nd International Conference. Kursk. 27 March 2020. Kursk: South-West State University. pp. 357–361. (In Russian).

Информация об авторах:

Филиппев Р.А. – доцент кафедры организации охраны и конвоирования в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России, кандидат технических наук (Новокузнецк, Россия). E-mail: Filipiev@live.ru

Рахманкин Е.А. – старший преподаватель кафедры организации режима и надзора юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России (Владимир, Россия). E-mail: eXtreme_XL@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

R.A. Filipiev, Cand. Sci. (Engineering), associate professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Filipiev@live.ru

E.A. Rakhmankin, senior lecturer, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vladimir, Russian Federation). E-mail: eXtreme_XL@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/22/16

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРОБАЦИИ

Елена Александровна Царева¹

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, kadaneva_elena@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятие и виды probation, которые закреплены ФЗ «О probation в Российской Федерации» от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ. Выявляются проблемы их правовой регламентации и предлагаются пути решения.

Ключевые слова: probation, исполнительная probation, пенитенциарная probation, постпенитенциарная probation

Для цитирования: Царева Е.А. Понятие и виды probation // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 91–94. doi: 10.17223/23088451/22/16

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/16

CONCEPT AND TYPES OF PROBATION

Elena A. Tsareva¹

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, kadaneva_elena@mail.ru

Abstract. Federal Law No. 10-FZ dated 6 February 2023, On Probation in the Russian Federation, defines the concept and types of probation, which have some shortcomings. The author proposes that persons released from places of deprivation of liberty or from correctional centers who find themselves in a difficult life situation, and there is no basis for their control and supervision by the penal inspection, can be provided assistance at their request only in the probation center, not in the penal inspection. Meanwhile, measures of penitentiary and executive probation should not be considered probationary, since their implementation is not voluntary: these measures are already carried out along with the execution of punishments or other measures of a criminal legal nature and do not require legislative duplication. There is a long overdue need to create a probation service that would implement support measures for persons released from prisons or correctional centers and finding themselves in difficult life situations who voluntarily seek for help.

Keywords: probation, executive probation, penitentiary probation, post-penitentiary probation

For citation: Tsareva, E.A. (2023) Concept and types of probation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 91–94. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/16

В целях предупреждения рецидивной преступности в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р, одним из основных направлений является создание и развитие системы probation. С 01.01.2024 г. вступает в силу Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации», определяющий понятие и виды probation.

В вышеуказанном законе probation определяется как совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц.

Законодатель определяет критерием для определения категории лиц, в отношении которых применяется институт probation, нахождение лица в трудной жизненной ситуации. Однако данный критерий представляется оценочным и несет опасность субъективизма в определении категорий лиц, в отношении которых будут применяться probationные меры.

А.М. Смирнов предложил критерии для определения наличия трудной жизненной ситуации:

- отсутствие социальных связей;
- отсутствие востребованных профессиональных навыков и трудоустройства;
- отсутствие жилья;
- отсутствие образования;
- трудности в реализации права на социальное обслуживание;
- трудности в получении медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации;

– трудности в обеспечении гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина [1. С. 12].

Однако остается открытым вопрос о количестве перечисленных критериев для определения ситуации как трудной жизненной.

Также в вышеуказанном законе определяется три вида probation: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная.

Исполнительная probation – это вид probation, представляющий собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера.

Пенитенциарная probation – вид probation, применяемый в отношении осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, представляющий собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также на подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений.

Постпенитенциарная probation – вид probation, применяемый в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию.

Исходя из анализа законодательно определенных видов probation, критерий для применения к лицу probationных мер в виде нахождения в трудной жизненной ситуации является необходимым только для исполнительной и постпенитенциарной probation, хотя в понятии probation данный критерий является понятийнообразующим. В связи с этим пенитенциарная probation также должна применяться к лицам, которые находятся в трудной жизненной ситуации, однако на практике она применяется ко всем осужденным, которые готовятся к освобождению.

В ст. 16 ФЗ «О probation в РФ» определяется, что пенитенциарная probation проводится с осужденными к лишению свободы и начинается не позднее, чем за девять месяцев до его освобождения от отбывания наказания. А в ст. 13 определяются основные направления пенитенциарной probation: проведение социальной и воспитательной работы; социальная реабилитация; подготовка осужденных к освобождению и оказание содействия в получении социальной помощи, трудовом и бытовом устройстве.

В рамках пенитенциарной probation предусмотрен достаточно широкий спектр социальной помощи осужденному, который во многом должен способствовать его успешной ресоциализации после освобождения. Так, например, мероприятия социального характера могут включать в себя следующее: содействие в получении образования (как среднего профессионального, так и

высшего), восстановление утраченных социально полезных связей (в том числе и путем направления запросов в органы записи актов гражданского состояния), восстановление необходимых документов, помощь в трудоустройстве осужденного после освобождения, предоставление необходимых документов из исправительного учреждения (характеристика, справка о размере заработной платы и т.д.) [2. С. 43].

В главе 2 Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в ИУ УИС, утвержденной Приказом Министерства юстиции РФ от 13.01.2006 № 2, определяется порядок подготовки к освобождению. Подготовка к освобождению лиц, отбывающих наказание в ИУ, начинается не позднее чем за шесть месяцев до окончания срока лишения свободы и включает в себя:

- проведение беседы с каждым осужденным, в процессе которой выясняется, где он намерен проживать, работать или учиться после освобождения из мест лишения свободы, имеется ли связь с родственниками, характер взаимоотношений с ними, его жизненные планы, готовность к обеспечению жизнедеятельности на свободе, с разъяснением ему целесообразности возвращения на место постоянного проживания и на предприятие, где он работал до осуждения;

- проведение занятий с освобождающимися осужденными в Школе подготовки осужденных к освобождению;

- получение от освобождаемых письменных заявлений с просьбой об оказании им помощи в трудовом и бытовом устройстве по избранному месту жительства;

- рассмотрение заявлений и принятие соответствующих решений по оказанию осужденным содействия в трудовом и бытовом устройстве.

Таким образом, наблюдается дублирование нормативных положений. Сущность пенитенциарной probation не является новой и исполняется администрацией исправительного учреждения в отношении всех осужденных, готовящихся к освобождению. В пенитенциарной probation отсутствует реализация принципа добровольности, определенного законодателем как один из основных принципов probation (ч. 7 ст. 3 от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации»). Также при реализации пенитенциарной probation не учитывается критерий в виде нахождения лица в трудной жизненной ситуации. Исходя из этого, можно предположить, что сущность пенитенциарной probation расходится с сущностью probation как института в целом.

Что касается исполнительной probation и постпенитенциарной, то реализация этих видов probation возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» уголовно-исполнительные инспекции являются учреждениями, исполняющими в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меру пресечения в виде

домашнего ареста. Соответственно, основные методы работы при исполнении мер государственного принуждения являются методами властно-подчиненного характера.

Однако в законе о пробации определяется, что исполнительная и постпенитенциарная пробации будут применимы к осужденным и к освобожденным лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации. К осужденным, находящимся на учете у сотрудника уголовно-исполнительной системы, при исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера попутно могут быть применены меры пробационного характера, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц.

Что касается постпенитенциарной пробации, которая применяется в отношении лиц, освобожденных из исправительных учреждений или исправительных центров, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, то в реализации этого вида пробации возникает ряд спорных моментов.

Лица, в отношении которых применима постпенитенциарная пробация, могут быть представлены двумя категориями:

1) освобожденные из мест лишения свободы или из исправительных центров условно-досрочно; данные лица должны быть подучетны сотруднику уголовно-исполнительной инспекции на определенный срок;

2) освобожденные из мест лишения свободы или из исправительных центров, которые оказались в трудной жизненной ситуации, но при этом нет оснований для их контроля и надзора со стороны уголовно-исполнительной инспекции.

В отношении второй категории лиц постпенитенциарная пробация может быть применена только по заявлению освобожденного, а также пробация может быть прекращена по письменному отказу данного лица.

Сотрудник уголовно-исполнительной системы не может восприниматься освобожденным из мест лишения свободы или исправительных центров как равнозначный субъект, в данном случае возможны отношения только по типу власти–подчинения.

Данная ситуация не будет способствовать обращению лиц, освобожденных из мест лишения свободы и исправительных центров, за помощью к сотруднику уголовно-исполнительной системы.

В связи с этим целесообразно предложить реализацию постпенитенциарной пробации возложить не только на сотрудников уголовно-исполнительной системы, но также и на гражданских лиц.

К тому же данная мера позволит разгрузить уголовно-исполнительную инспекцию, в которой численность лиц, состоявших на учете в 2022 г., составляет 993 648, а поставленных на учет в 2022 г. – 504 631 [3. С. 285].

В законе о пробации уже предполагается создание центра пробации как специализированной организации, цель которой – оказание помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация.

Таким образом, предлагаем категории лиц, освобожденных из мест лишения свободы или исправительных центров, которые оказались в трудной жизненной ситуации, но при этом нет оснований для их контроля и надзора со стороны уголовно-исполнительной инспекции, оказывать помощь по их просьбе только центром пробации, а не уголовно-исполнительной инспекцией. При этом меры пенитенциарной и исполнительной пробации не следует рассматривать в качестве пробационных, поскольку при их реализации отсутствует принцип добровольности; данные меры уже исполняются наряду с исполнением наказаний или иных мер уголовно-правового характера и не требуют законодательного дублирования.

Список источников

1. Смирнов А.М. К вопросу о круге лиц, в отношении которых планируется применять пробацию в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 2. С. 11–13.
2. Лебешев И.С. Подготовка рецидивистов к освобождению: пенитенциарная и постпенитенциарная пробация // Российский судья. 2023. № 7. С. 41–44.
3. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2022 г.). Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2023. 129 с.

References

1. Smirnov, A.M. (2023) K voprosu o kruge lits, v otnoshenii kotorykh planiruetsya primenyat' probatsiyu v Rossii [On the circle of persons in respect of whom it is planned to apply probation in Russia]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 2. pp. 11–13.
2. Lebeshev, I.S. (2023) Podgotovka retsidivistov k osvobozhdeniyu: penitentsiarnaya i postpenitentsiarnaya probatsiya [Preparing repeat offenders for release: penitentiary and post-penitentiary probation]. *Rossiyskiy sud'ya*. 7. pp. 41–44.
3. Anon. (2023) *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy (yanvar' – dekabr' 2022 g.)*. *Informatsionno-analiticheskiy sbornik* [Main performance indicators of the penal system (January–December 2022). Informational and analytical collection]. Tver: NIIT FSIN.

Информация об авторе:

Царева Е.А. – кандидат юридических наук, начальник кафедры организации охраны и конвоирования в уголовно-исполнительной системе Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: kadaneva_elen@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Tsareva, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Security and Convoy Organization in the Penitentiary System, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: kadaneva_elena@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 342.7

doi: 10.17223/23088451/22/17

**«РАССТРОЙСТВО СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ» (И) ИЛИ «ПЕДОФИЛИЯ»:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ**

Олеся Валерьевна Обернихина¹

¹ *Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vvovsyannikov22@mail.ru*

Аннотация. Анализируются тенденции роста показателей преступности в отношении несовершеннолетних, выделены проблемы профилактики такого рода преступлений, предложены пути их решения. Автор отрицает синонимичность понятий «расстройство сексуального предпочтения» и «педофилия», которые на сегодняшний день законодательно уравниваются. В статье приводятся обоснованные доводы несогласия с политикой зарубежных стран, в которых лоббируется отмена законов, устанавливающих возраст сексуального согласия для свободы полового самовыражения молодежи и детей. Представляется, что такое положение применительно к отечественному законодательству только усугубит и без того сложную ситуацию, раскрыв перед преступниками дополнительные пути избегания уголовной ответственности за содеянное.

Ключевые слова: педофилия, расстройство сексуального предпочтения, конституционно-правовой статус несовершеннолетнего, безопасность детства, малолетние, сексуальная ориентация

Для цитирования: Обернихина О.В. «Расстройство сексуального предпочтения» (и) или «педофилия»: современное состояние, проблемы профилактики // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 95–99. doi: 10.17223/23088451/22/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/17

**“SEXUAL PREFERENCE DISORDER” (AND) OR “PEDOPHILIA”:
CURRENT STATE, PREVENTION ISSUES**

Olesya V. Obernikhina¹

¹ *Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Barnaul, Russian Federation, vvovsyannikov22@mail.ru*

Abstract. The article reflects the trends in the growth of crime rates against minors, highlights the problems of preventing this type of crime, and suggests ways to solve them. Effective prevention can only be achieved if there is a separate law on the prevention of crimes against the sexual integrity of minors, which would clearly regulate the conceptual framework and define criteria for evaluating the condition of the victim and the offender so as to determine the degree of public danger of various acts in the area under study, etc. Draft Federal Law No. 1248305-7, On Amendments to Art. 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation, provides for life imprisonment only in case of recidivism or if two or more minors were subjected to violence. In the author's opinion, this will not solve the existing problem, since administrative supervision has shown the lack of effectiveness in the implementation of powers in terms of preventing this type of crime. The Criminal Code must provide for the absence of any possibility of repeating such an act in relation to one or several minors. Psychiatry has studied and proven the presence of degenerative, immoral deviations of a person with a history of sexual preference disorder in all cases of immoral crimes against children that do not exclude sanity; however, jurisprudence still does not find a full application for such cases, punishing people who, from a scientific point of view, are sometimes not able to account for their actions (patients with pedophilia) or are not able to correct themselves after bearing the burden of punishment (a morally corrupt person). In the author's opinion, it is useless to treat, punish, or correct persons with congenital or acquired mental and sexual degeneration; they can be neutralized only if excluded from society for life, without waiting for their relapse.

Keywords: pedophilia, sexual preference disorder, constitutional legal status of minor, childhood safety, minors, sexual orientation

For citation: Obernikhina, O.V. (2023) “Sexual preference disorder” (and) or “pedophilia”: Current state, prevention issues. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 95–99. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/17

За последние пять лет в России повысилось количество совершаемых преступлений в отношении несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, что, в свою очередь, ухудшает реализацию права на жизнь и защиту от насилия детей. Так, если в 2015 г. было возбуждено 18 370 уголовных дел о преступлениях в отношении несовершеннолетних, то в 2022 г. – уже 22 004 [1].

За шесть месяцев 2023 г. совершено 15 822 преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних [2], что на 7,2% больше, чем в 2022 г., и на 79% больше, чем в 2021 г.

По данным Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, за 2022 г. «из 22 004 преступлений 34,5% (7 582) преступлений совершено в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста. При этом 15,8% (3 468) преступлений были совершены членом семьи, из которых 4,4% – непосредственно родителем (978 преступлений)» [3]. Указанные преступления совершены 7 186 лицами, из которых:

- изнасилования несовершеннолетних (ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ) совершили 598 чел. (9,2%);

- насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) – 2 204 чел. (27,8%);

- половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16 лет (ст. 134 УК РФ) – 3 982 чел. (52,4%);

- развратные действия (ст. 135 УК РФ) – 798 чел. (9,9%).

Анализ информации, представленной субъектами Российской Федерации по запросу Уполномоченного по правам ребенка в РФ, показал: «В регионах в период с 2018 по 2023 г. к 127 лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), применены меры медицинского характера» [3].

Неутешительные данные статистики отражают сложности в работе правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, посягающими на права ребенка. Тем не менее детство находится под защитой государства.

О.В. Шляпникова и Н.М. Паршин выделяют причины-объекты предупреждения таких преступлений: сдерживание формирования в обществе толерантного отношения к такому поведению; отсутствие государственного стимулирования законопослушных граждан [4. С. 59].

Примечательно, что в 2011 г. депутатом фракции «Справедливая Россия» А.В. Беляковым вносился законопроект «О профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних» [5], но данная инициатива так и осталась проектом, не найдя поддержки в Правительстве Российской Федерации в соответствии с ч. 3 ст. 104 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

В 2020 г. в Конституцию РФ было внесено изменение о признании брака законным, только если это союз между мужчиной и женщиной, тем самым на уровне основного закона нашей страны было закреплено непри-

ятие в обществе и государстве толерантности к однополым бракам мужчины с мужчиной и женщины с женщиной. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) тем не менее возлагает на государство конституционные обязанности по принятию мер, исключающих возможность ущемления прав и законных интересов лиц по мотиву их сексуальной ориентации [6]. Такое разъяснение вызывает некоторое недоумение, ведь законодательному подходу семья – союз мужчины и женщины, при этом в сфере частной жизни любая сексуальная ориентация требует уважения и защиты со стороны государства. Создается впечатление, что мы убеждаем сами себя или международные организации в том, что нетрадиционная сексуальная ориентация признается нормой для развития частной жизни отдельной личности, но не признается законной, когда органы государственной власти должны публично документально зафиксировать акт гражданского состояния о союзе между мужчиной с женщиной или женщины с женщиной. На наш взгляд, подобные разночтения дают возможность для возникновения казуальных ситуаций, например, в учебной литературе. С этой точки зрения интересен опыт Китайской Народной Республики, в которой с 1997 г., а в России – с 1993 г. гомосексуализм не считается уголовным преступлением (необходимость вступления страны в международные организации (Совет Европы) потребовала исключения из УК РСФСР 27 мая 1993 г. ч. 1 ст. 121 «Мужеложство»; несмотря на исключение данных действий из состава преступления, признаки данного состава сохранились в ст. 132, 133, 134 УК РФ 1996 г.). Суд в провинции Цзянсу признал гомосексуальность психическим расстройством, поддержав авторов университетского учебника [7].

Человечество в большинстве своем ни в чем не нуждается и живет на этапе промышленного, информационного, цифрового прогресса. Уязвимыми в современном обществе становятся человеческая душа, разум и воля, все больше привыкающие к безнравственности, аморальности и бездуховности холодного мира киберпространственного общения. Самыми уязвимыми в такой картине мира оказываются дети.

По данным журнала «Православная семья», «американская ассоциация педофилов (NAMBLA), являющаяся частью гей-движения «Платформа прав гомосексуалистов» (принята в 1972 г. Национальной (американской) коалицией гомосексуальных организаций), с первых дней своего существования открыто заявляла о необходимости повсеместной отмены законов, устанавливающих возраст сексуального согласия или о снижении такового, а также о свободе сексуального самовыражения для молодежи и детей [8].

Международный классификатор болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) к расстройствам сексуального предпочтения относит педофилию [9. С. 8–9].

Примечательно, что импотенция, фригидность, гомосексуализм, лесбиянство исчезли из современных классификаций [10]. Изучение социального, медицинского и правового аспекта такого вида парафилии, как

«педофилия»), имеет огромное значение для предотвращения нарушений прав и свобод ребенка.

Педофилия (греч. *paedophilia*: *paídos* – ребенок, *philia* – любовь) – половое влечение (сексуальная тяга) к малолетним детям. Патологической основой ее служат задержки психосексуального развития, затруднения в общении с лицами противоположного пола, различные сексуальные расстройства [11. С. 51].

М.И. Якубов, Н.Д. Кибрик предложили термин «предпочтение» заменить термином «ориентация» в классификаторе МКБ-10. По их мнению, это позволит расширить критерии расстройств сексуальной ориентации по возрасту, объекту и форме реализации [10]. Уголовный закон от имени государства и общества считает необходимым применять меры уголовного наказания, когда лица, имеющие данные расстройства, совершают насильственные действия сексуального характера, в том числе в отношении несовершеннолетних. Иными словами, все лица, страдающие расстройством сексуальной ориентации, в России считаются здоровыми и законопослушными членами общества до момента применения ими насилия с целью удовлетворения своих сексуальных потребностей и до момента открытой пропаганды своих нетрадиционных наклонностей (ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ). Очевидно, что на уровне психиатрии и уголовно-правового регулирования государственный законодательный подход занимает пассивную позицию в части профилактики предотвращения обострений как болезненного, так и преступного поведения лиц, страдающих расстройством сексуальной ориентации.

Совершеннолетние лица, совершающие насильственные действия сексуального характера в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста, могут страдать психическим расстройством личности – половым влечением к малолетним детям. Обращаясь к п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, определяем, что к совершеннолетним лицам, совершившим преступные деяния сексуального характера в отношении детей, не достигших 14-летнего возраста [12. С. 11], могут назначаться судом принудительные меры медицинского характера.

Между тем в теории часто можно встретить иное мнение об исследуемом вопросе: так, по мнению А. Невеева, педофилия не является психопатологией, это банальная извращенность и тяжелейшее нравственное падение человека» [13].

Рихард фон Крафт-Эбинг, изучающий сексуальную психопатию, подтвердил в своих исследованиях, что преступления против половой неприкосновенности

несовершеннолетних чаще совершают здоровые люди, имеющие аморальные дефекты [14. С. 187]. Уже в XIX в., согласно исследованиям Крафта-Эбинга, сексуальные преступления против половой неприкосновенности малолетних (до 14 лет) непрерывно учащались. В качестве основных причин такого подъема аморальности в обществе ученый выделяет: усиливающуюся нервозность индивидов, психическое вырождение взрослого населения, склонность к половым излишества, ослабление половой способности (импотенция), старческое слабоумие, алкоголизм, который чаще играет роль спускового крючка для вышеперечисленных процессов.

Полагаем, что эффективная профилактика может быть только при наличии отдельного федерального закона «О профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних» [15], который бы четко урегулировал понятийную базу и определил критерии оценки состояния жертвы и преступника, что позволило бы разграничить степень общественной опасности различных деяний в исследуемой сфере и пр.

Проект федерального закона № 1248305-7 «О внесении изменений в ст. 131 и 132 УК РФ» предусматривает пожизненное лишение свободы только в случае рецидива или если насилию подверглись два и более несовершеннолетних. На наш взгляд, это не решит существующую проблему, так как административный надзор показал отсутствие эффективности выполнения полномочий в части профилактики такого рода преступлений [16]. В УК РФ необходимо предусмотреть отсутствие какой-либо возможности повторить подобное деяние в отношении как одного, так и нескольких несовершеннолетних.

Психиатрия изучила и доказала наличие дегенеративных, аморальных отклонений личности, имеющей в анамнезе расстройство сексуального предпочтения во всех случаях противонаравственных преступлений против детей, не исключая вменяемости, тем не менее юриспруденция до сих пор не находит им всестороннего применения, подвергая наказанию людей, которые с научной точки зрения иногда не способны отвечать за свои поступки (больные педофилией) или не способны исправиться, понеся бремя наказания (нравственно разложившаяся личность). Согласимся с мнением Крафта-Эбинга: «Человека с врожденной или приобретенной психической и половой дегенерацией бесполезно лечить, наказывать или исправлять, он может быть обезврежен только в случае его удаления из общества пожизненно», не дожидаясь рецидива [14. С. 374].

Список источников

1. *Petru Molodeț Familia Ortodoxă «Secretul mișcării pentru drepturile homosexualilor: pedofilia»*. URL: <https://www.familiaortodoxa.ro/2012/06/26/secretul-miscarii-pentru-drepturile-homosexualilor-pedofilia/> (дата обращения: 01.09.2023).
2. *Шляпкина О.В.* Система предупреждения преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 4. С. 59–64.
3. *Подозреваемый в убийстве детей в Кузбассе нарушал условия надзора*. URL: <https://iz.ru/1218282/2021-09-07/podozrevaemyi-v-ubiistve-detei-v-kuzbasse-dvazhdy-narushal-uslovia-nadzora> (дата обращения: 07.11.2023).
4. *Игнатова А.А.* Уголовная ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 201 с.
5. *Якубов М.И.* Проблемы классификации половых расстройств (расстройств половой идентификации, сексуальных предпочтений и половых дисфункций) // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. Т. 24, № 3. С. 45–48.

6. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023). URL: <https://vsrf.ru/documents/practice/?year=2023> (дата обращения: 07.08.2023).
7. *Дело* депутата Самсонова. Коммунисты вновь в центре скандала // Царьград. URL: https://kemerovo.tsargrad.tv/news/delo-deputata-samsonova-kommunisty-vnov-v-centre-skandala_448177 (дата обращения: 07.08.2023).
8. *Заключение* Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=17&rangeSize=1> (дата обращения: 07.08.2023).
9. *Суд* в Китае признал гомосексуальность болезнью: Общество: Мир // Lenta.ru. URL: https://lenta.ru/news/2021/03/03/cure_gay (дата обращения: 07.08.2023).
10. *Половая* психопатия [Текст] : преступления любви : [перевод с немецкого : 16+] / Рихард фон Крафт-Эбинг. М. : Алгоритм, 2017. 621 с.
11. *Судебная* психиатрия: учебно-методическое пособие / сост. Р.Ю. Смирнов. Ярославль : ЯрГУ, 2015 С. 8–9.
12. *Как нам* не заблудиться. Общество // www.24.kg – КЫРГЫЗСТАН. 2015. 20 янв. URL: https://24.kg/obschestvo/5237_kak_nam_ne_zabluditsya/ (дата обращения: 07.08.2023).
13. *Доклад* о деятельности уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за первое полугодие 2023 года // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <http://deti.gov.ru/documents/reports> (дата обращения: 07.08.2023).
14. *Кононов А.Д.* Нормы Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации блокируют принудительное лечение педофилов, Соединенное с исполнением наказания // Современное общество и право. 2014. № 3(16). С. 10–16.
15. *Законопроект* № 598798-5 «О профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/598798-5> (дата обращения: 07.08.2023).
16. *Кирпиченко А.А.* Основы психосексуальных расстройств : учеб. пособие. Витебск : Изд-во ВГМУ, 2001. 98 с.

References

1. Familia Ortodoxă. (2012) *Petru Molodeț Familia Ortodoxă “Secretul mișcării pentru drepturile homosexualilor: pedofilia”*. [Online] Available from: <https://www.familiaortodoxa.ro/2012/06/26/secretul-miscarii-pentru-drepturile-homosexualilor-pedofilia/> (Accessed: 01.09.2023).
2. Shlyapnikova, O.V. (2017) Sistema preduprezhdeniya prestupleniy protiv polovoy svobody i polovoy neprikosnovennosti nesovershennoletnikh [System for preventing crimes against sexual freedom and sexual integrity of minors]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti*. 4. pp. 59–64.
3. *Izvestiya*. (2021) Podozrevaemyy v ubiystve detey v Kuzbasse narushal usloviya nadzora [The suspect in the murder of children in Kuzbass violated the conditions of supervision]. [Online] Available from: <https://iz.ru/1218282/2021-09-07/podozrevaemyi-v-ubiystve-detei-v-kuzbasse-dvazhdy-narushal-usloviia-nadzora> (Accessed: 07.11.2023).
4. Ignatova, A.A. (2015) *Ugolovnaya otvetstvennost' za nenasil'stvennye posyagatel'stva na polovuyu neprikosnovennost' lits, ne dostigshikh shestnadsatletnego vozrasta* [Criminal liability for non-violent assault on the sexual integrity of persons under sixteen]. Law Cand. Diss. Moscow.
5. Yagubov, M.I. (2014) Problemy klassifikatsii polovykh rasstroystv (rasstroystv polovoy identifikatsii, seksual'nykh predpochteniy i polovykh disfunktsiy) [Problems of classification of sexual disorders (disorders of gender identity, sexual preferences and sexual dysfunctions)]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya*. 24 (3). pp. 45–48.
6. Supreme Court of the Russian Federation. *Obzor sudebnoy praktiki Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Overview of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation]. No. 2 (2023). [Online] Available from: <https://vsrf.ru/documents/practice/?year=2023> (Accessed: 07.08.2023).
7. Tsargrad. (2023) *Delo deputata Samsonova. Kommunisty vnov' v tsentre skandala* [The case of deputy Samsonov. Communists are again at the center of a scandal]. [Online] Available from: https://kemerovo.tsargrad.tv/news/delo-deputata-samsonova-kommunisty-vnov-v-centre-skandala_448177 (Accessed: 07.08.2023).
8. Constitutional Court of the Russian Federation. (2020) *Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020, No. 1-Z on the compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation “On improving the regulation of certain issues of organization and functioning of public authorities”, as well as on the compliance of the Constitution of the Russian Federation with the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037?index=17&rangeSize=1> (Accessed: 07.08.2023). (In Russian).
9. Lenta.ru. (2021) *Sud v Kitae priznal gomoseksual'nost' boleznyu* [A court in China recognized homosexuality as a disease]. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2021/03/03/cure_gay (Accessed: 07.08.2023).
10. Krafft-Ebing, R. von. (2017) *Polovaya psikhopatiya: prestupleniya lyubvi* [Sexual psychopathy: crimes of love]. Translated from German. Moscow: Algoritm.
11. Smirnov, R. Yu. (2015) *Sudebnaya psikiatriya: uchebno-metodicheskoe posobie* [Forensic psychiatry: textbook]. Yaroslavl: YarSU. pp. 8–9.
12. 24kg. (2015) *Kak nam ne zaBLUDit'sya* [How we can avoid going loose]. 20 January. [Online] Available from: https://24.kg/obschestvo/5237_kak_nam_ne_zabluditsya/ (Accessed: 07.08.2023).

13. Commissioner under the President of the Russian Federation for Children's Rights. (2023) *Report on the activities of the Commissioner under the President of the Russian Federation for Children's Rights for the first half of 2023*. [Online] Available from: <http://deti.gov.ru/documents/reports> (Accessed: 07.08.2023). (In Russian).
14. Kononov, A.D. (2014) Normy Osobennoy chasti ugovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii blokiruyut prinuditel'noe lechenie pedofilov, soedinennoe s ispolneniem nakazaniya [The norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation block compulsory treatment of pedophiles, combined with the execution of punishment]. *Sovremennoe obshchestvo i pravo*. 3 (16). pp. 10–16.
15. RF DUMA. (2023) *Draft Law No. 598798-5: On the prevention of crimes against the sexual integrity of minors*. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/598798-5> (Accessed: 07.08.2023). (In Russian).
16. Kirpichenko, A.A. (2001) *Osnovy psikhoseksual'nykh rassstroystv: ucheb. posobie* [Fundamentals of psychosexual disorders: textbook]. Vitebsk: Izd-vo VGMU.

Информация об авторе:

Обернихина О.В. – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний без изоляции от общества Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия). E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Obernikhina, lecturer, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: Olesia.obernihina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.918.2

doi: 10.17223/23088451/22/18

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО – ЧЛЕНА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ «А.У.Е.»

Кристина Сергеевна Княшко¹

¹ Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, k.kiyashko2020@yandex.ru

Аннотация. Анализируется специфика криминологической характеристики лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, в частности, осужденных, причастных к экстремистским организациям «А.У.Е.». Исследованы социально-ролевые, социально-демографические и нравственно-психологические свойства их личности. В криминологической литературе на сегодняшний день отсутствует теоретическое описание изучаемых в настоящем исследовании особенностей личности преступников – членов экстремистской организации «А.У.Е.», что обуславливает актуальность проведенного исследования. Целью работы служит объективная необходимость изучения, анализа и систематизации особенностей личностных характеристик осужденных – членов МОД «А.У.Е.» в криминологическом аспекте для повышения эффективности раскрываемости совершаемых ими преступлений сотрудниками правоохранительных органов. Предметом исследования послужили социально-ролевые и индивидуальные свойства личности осужденных – членов экстремистской организации «А.У.Е.». Автор использует эмпирический метод опроса с целью установления объективной криминологической характеристики личности преступников, а также такие теоретические методы изложения материала, как метод анализа, метод сравнения, а также статистический метод. В настоящем исследовании предлагаются пути совершенствования предупреждения совершения преступлений участниками экстремистской организации «А.У.Е.» с учетом особенностей личности.

Ключевые слова: экстремизм, личность, преступник-экстремист, типология, экстремистская организация «А.У.Е.»

Для цитирования: Княшко К.С. Особенности криминологической характеристики личности осужденного – члена экстремистского движения «АУЕ» // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 100–103. doi: 10.17223/23088451/22/18

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/18

FEATURES OF A CRIMINOLOGICAL DESCRIPTION OF THE PERSONALITY OF A CONVICT WHO IS A MEMBER OF THE AUE EXTREMIST MOVEMENT

Kristina S. Kiyashko¹

¹ Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation, k.kiyashko2020@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is beyond doubt, since in the criminological literature today there is no description of the personality traits of convicts who are members of the AUE extremist organization. The study analyzes the specifics of the criminological characteristics of persons committing extremist crimes – convicts involved in the extremist organization in particular. Their social-role, socio-demographic and moral-psychological personality traits have been studied. The work aims to study, analyze, and systematize personal characteristics of convicted AUE members in the criminological aspect so as to increase the efficiency of detection by law enforcement officers of the crimes AUE people committed. The object of the study was the social-role and individual personality traits of convicted members of the AUE extremist organization. The author uses the empirical method of surveying convicts in order to establish an objective criminological characteristic of the personality of criminals; theoretical methods of presenting the material – analysis, comparison, and the statistical method. The scientific validity of the study is beyond doubt. The article contains links and analyzes the opinions of relevant experts (Yu.M. Antonyan, L.M. Prozumentov, A.V. Shesler, S.V. Poznyshev, and others). The author formulates a reasonable conclusion that practical employees need a theoretical description of the personality of a convicted member of the AUE extremist organization to identify such persons in advance in order to prevent the commission of extremist crimes. The author proposes ways to improve the prevention of crimes committed by members of the AUE extremist organization taking into account the personality characteristics of the criminals in question.

Keywords: extremism, personality, extremist criminal, typology, AUE extremist organization

For citation: Kiyashko, K.S. (2023) Features of a criminological description of the personality of a convict who is a member of the AUE extremist movement. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 100–103. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/18

Современная криминогенная обстановка в России свидетельствует о повышении уровня совершения преступлений экстремистской направленности, ввиду чего необходимо изучить статистические данные, позволяющие проанализировать динамику данных преступлений за последние пять лет (2017–2021 гг.).

Согласно статистическим сводным данным Генпрокуратуры Российской Федерации, в 2017 г. в стране было зарегистрировано 1 398 преступлений экстремистской направленности, а в 2018 г. – 1 265, т.е. на 16,8% меньше. Такой регресс связан с общим повышением уровня межведомственного взаимодействия оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов. Положительная тенденция прослеживается и в 2019 г. – 585 преступлений экстремистской направленности, т.е. наблюдается общее снижение совершения анализируемых преступлений на 53,8% (с 1 265 до 585). Однако 2020 г. был ознаменован тенденцией высокой динамики совершения преступлений экстремистской направленности: по данным Генпрокуратуры РФ, зарегистрировано 833 преступления, что на 42% больше, чем в 2019 г. В 2021 г. также наблюдается рост числа случаев экстремизма: с января по сентябрь количество преступлений увеличилось более чем на 30% по сравнению с аналогичным периодом в предыдущего года, т.е. зарегистрировано 1 057 преступлений [1]. Данный показатель демонстрирует прирост в 26,9% по сравнению с предыдущим годом.

Эффективность предупреждения совершения преступлений экстремистской направленности во многом зависит от объективной криминологической характеристики.

В настоящем исследовании представляется актуальным рассмотреть личность преступника как один из наиболее важных элементов криминологической характеристики данного вида преступлений.

В научной литературе проблематика типологии и классификации личности преступника занимает особое место. В теории криминологии под типом личности понимается совокупность наиболее значимых черт характера, которые выражаются в отношении к социальным явлениям и которые человек усваивает из определенной среды.

Типология, в свою очередь, является методом научного познания, в основе которого лежат расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа [2. С. 12].

На сегодняшний день диагностические типологии и классификации дают возможность оценить степень девиантного поведения, определить эффективные методы воздействия на преступников; системы мер исправления осужденных в настоящее время активно применяются в практике правоохранительных органов на стадиях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений.

Типологии и классификации личности преступников разрабатывали такие отечественные криминологи и психологи, как С.В. Познышев, А.Б. Сахаров, А.Г. Ковалев, А.И. Долгова, А.Ф. Лазурский, В.Д. Филимонов, П.С. Дагель, Ю.А. Воронин, К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский, К.К. Платонов, А.Р. Ратинов, А.Д. Глоточкин,

Г.Г. Бочкарева, В.Г. Деев, А.И. Ушатиков, Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев и др.

В 1926 г. С.В. Познышевым впервые была предложена отечественная психологическая классификация личности преступника [3. С. 138], в основу которой положена зависимость поведения от эмоциональности и рассудочности в мотивации совершенных преступлений. Согласно данной теории преступники делятся на две группы:

1) Эндогенные (интровертированные), отличительной особенностью которых является экспрессивность, эмоционально-расчетливые поступки.

Для таких преступников характерно получение положительных эмоций от результата совершенного преступления. Эндогенные преступники стремятся к достижению криминальных целей любым способом, осознавая неминуемые последствия.

2) Экзогенные (экстровевертированные) – преступники, совершающие преступления под воздействием внешних факторов, неудовлетворительного социального и экономического положения.

К.К. Платонов выделял такие критерии типологии личности преступника, как противоправная деятельность и потенциальное намерение совершить преступление [4. С. 22].

Так, в теории существует дифференцированное множество подобных классификаций.

В настоящем исследовании объектом изучения является личность осужденного – члена экстремистской организации «А.У.Е.». Решением Верховного суда Российской Федерации от 17.08.2020 общественное движение «Арестантское уголовное единство» признано экстремистским, а его деятельность на территории России запрещена [5. С. 215].

Нужно сказать, что одним из важнейших элементов криминологической характеристики преступлений экстремистской направленности является личность преступника-экстремиста. Несмотря на то, что многие авторы (Ю.М. Антонян, А.Я. Гришко, Д.А. Лепёшин, Д.М. Еремин, А.В. Петрянин) в своих трудах рассматривали непосредственно личность экстремистов, остаются неизученными аспекты узкого профиля личности преступника – члена экстремистского движения «А.У.Е.».

Проанализировав практические материалы, мы пришли к выводу, что такая характеристика качественно отличается от типичной характеристики личности экстремиста-террориста.

Изучение структуры личности преступника – члена МОД «А.У.Е.» позволяет выявлять типовые особенности субъектов и ситуаций совершения преступлений, которые имеют огромное значение для эффективной организации предупредительной работы в отношении рассматриваемого вида преступлений.

Хотя на сегодняшний день судебная практика по уголовным делам не так обширна для анализа личности субъектов совершенных преступлений, можно выявить специфические особенности таковых.

В настоящем исследовании автор использовал метод опроса осужденных, причастных к МОД «А.У.Е.». Вы-

борка составила 20 человек из трех исправительных колоний Ставропольского края. Результаты проведенного исследования послужили основой для построения структурных элементов потенциальной личности преступника – члена МОД «А.У.Е.».

70% осужденных за преступления экстремистской направленности, в том числе причастных к МОД «А.У.Е.», имеют начальное образование. В выборке не оказалось ни одного осужденного, имеющего высшее образование а среди всех осужденных их доля составляет 1,2%. Таким образом, лишь немногие осужденные имеют общее среднее образование, большинство остановилось на начальном уровне; род занятий является неопределенным, нестабильным.

Следует отметить, что у большинства исследуемых лиц присутствуют житейские взгляды. Преобладание таких взглядов объясняется социально-демографическими особенностями осужденных, т.е. относительно невысоким образовательным уровнем и отсутствием у большинства из них определенного места работы до совершения преступления.

Немаловажным элементом представляется нравственно-психологическая характеристика личности. Исследуемая категория преступников выражает явное негативное отношение к установленным нормам и законам, принятым в обществе, ввиду чего устанавливает автономный закон, которого неукоснительно придерживается. Чаще всего это психологически неустойчивые личности, стремящиеся к восстановлению всеобщей справедливости. По характеру это амбициозные лидеры, их цель – быть первыми во всем, а также подчинить себе единомышленников. Преступники обладают нравственной вседозволенностью, поэтому враждебно и жестоко относятся к людям, не понимающим их «законов». Такие личности придерживаются строжайшего, ригористического соблюдения собственных моральных принципов; нравственная амбивалентность, противоречивая двойственность в поведении лица, склонного к экстремистской деятельности, ведет к нравственной дезориентации.

Наиболее значимым компонентом в изучении личности преступника – члена МОД «А.У.Е.», на наш взгляд, является социально-ролевая характеристика. Изучение и анализ таковой позволяют определить социальную роль преступника в конкретной сформировавшейся ячейке и ее функционал, что имеет важное значение для уголовно-правовой характеристики преступлений, совершенных экстремистской организацией.

Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер отмечают наличие единой групповой цели как признак группового преступления [6. С. 93]. Действительно, преступление признается совершенным группой лиц лишь при наличии причинной связи между изначально возникшей общей целью и наступившим результатом. Уголовно наказуемые преступления, совершаемые лицами – участниками МОД «А.У.Е.», в основном квалифицируются как групповые, ввиду чего при вынесении судом наказания очень важно определить функционально-ролевой статус каждого лица, ведь от этого зависит степень тяжести назначаемого наказания.

Социально-ролевое положение членов преступной группы можно представить следующим образом:

1) лидеры-организаторы экстремистского движения, которые осуществляют координационную, распорядительную и контролирующую функции. Эти лица – главные идейные вдохновители криминальной идеологии, обладающие авторитетом в глазах участников преступного сообщества. Зачастую наделяют себя полномочиями «справедливого» судейства в рамках внутренних устоев и сложившихся правил;

2) рядовые исполнители, количественное ядро криминального сообщества. Такие лица выполняют распоряжения лидеров, в рамках исправительного учреждения или «на воле»;

3) лица, прямо или косвенно спонсирующие деятельность криминальной организации. Стоит отметить, что такая поддержка может выражаться как материально, так и с позиции предоставления определённых услуг.

Отличительными особенностями личности спонсора экстремистской деятельности являются:

– возраст: взрослые, зрелые люди;

– имущественное положение: имеют стабильный высокий доход;

– образование: высшее.

Стоит отметить, что такая поддержка со стороны спонсора может быть обусловлена не только идейными убеждениями, но и корыстными целями.

В ходе проведенного исследования установлено, что около 60% экстремистов ранее не имели судимости и не привлекались к уголовной ответственности. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что такие лица мало знакомы с методами расследования, чаще всего сразу признают свою причастность к криминальной субкультуре.

Отдельного внимания в анализе составляющих компонентов личности преступника заслуживает проблема выявления типовых мотивов и целей совершаемых преступлений. Существует дифференцированное множество теорий мотивов в научной литературе. В настоящем исследовании излагаются основные виды мотивов, которыми руководствовались преступники непосредственно при совершении преступления.

В результате изучения приговоров, вынесенных по деяниям, предусмотренным ст. 282, 282.1, 282.2 УК РФ, удалось выявить отдельные особенности личности экстремиста. Наиболее характерный признак такой личности – это мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, сопряженные с корыстными и хулиганскими побуждениями [7. С. 23].

Следует отметить, что рядовые исполнители, как правило, молодые люди в возрасте от 16 до 24 лет, совершают преступления по особому мотиву. Их стремление подпитывает ложное чувство самовыражения, проявления своего «я» в криминальной группе.

На основании вышесказанного следует согласиться с мнением Ю.М. Антонына: «Совершение преступления выступает в качестве способа утверждения и самоутверждения, обеспечения целостности личности, следовательно, имеет бытийное значение, хотя в реальности обычно не оценивается так ни самим индивидом, ни

окружающими» [8. С. 210]. Действительно, сами преступники не признают того факта, что совершили преступление именно с такой целью, чаще всего они гиперболизируют значимость и необходимость содеянного.

Комплексное изучение социальных связей – это процесс изучения «среды обитания», т.е. взаимодействия

субъекта и микрообщества, влияния этих связей на преступное поведение.

Теоретическое описание личности преступника – члена экстремистской организации «А.У.Е.» необходимо практическим сотрудникам для заблаговременного выявления таких лиц с целью профилактики совершения экстремистских преступлений.

Список источников

1. *Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ*. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 01.02.2023).
2. *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. СПб. : Юрайт, 2004. 366 с.
3. *Познышев С.В.* Криминальная психология. Преступные типы. Л. : Государственное издательство, 1926. 270 с.
4. *Сергеева А.В.* Особенности досудебного производства по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 30 с.
5. *Кияшко К.С.* Экстремистское движение «А.У.Е.»: уголовно-правовой аспект // *Право и государство: теория и практика*. 2021. № 11 (203). С. 652.
6. *Прокументов Л.М., Шеслер А.В.* Уголовно-правовые средства противодействия групповой преступности // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2022. № 43. С. 86–96.
7. *Борисов С.С.* Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 435 с.
8. *Антонян Ю.М. и др.* Некоторые отличительные психологические особенности личности неосторожных преступников // *Личность преступников и индивидуальное воздействие на них*. М. : ВНИИ МВД ССР, 1989. 388 с.

References

1. *Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. [Online] Available from: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (Accessed: 01.02.2023). (In Russian).
2. Antonyan, Yu.M., Kudryavtsev, V.N. & Eminov, V.E. (2004) *Lichnost' prestupnika* [The personality of the criminal]. St. Petersburg.: Yurayt.
3. Poznyshv, S.V. (1926) *Kriminal'naya psikhologiya. Prestupnye tipy* [Criminal psychology. Criminal types]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
4. Sergeeva, A.V. (2012) *Osobennosti dosudebnogo proizvodstva po ugovolnym delam o prestupleniyakh ekstremistskoy napravlennosti* [Features of pre-trial proceedings in criminal cases of extremist crimes]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
5. Kiyashko, K.S. (2021) *Ekstremistskoe dvizhenie "A.U.E.": ugovolno-pravovoy aspekt* [The AUE extremist movement: A criminal legal aspect]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 11 (203). p. 652.
6. Prokumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2022) Criminal legal means of combating group crimes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 86–96. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/7
7. Borisov, S.S. (2012) *Prestupleniya ekstremistskoy napravlennosti: problemy zakonodatel'stva i pravoprimereniya* [Crimes of an extremist nature: problems of legislation and law enforcement]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
8. Antonyan, Yu.M. et al. (1989) *Nekotorye otlichitel'nye psikhologicheskie osobennosti lichnosti neostorozhnykh prestupnikov* [Some distinctive psychological characteristics of the personality of careless criminals]. In: Antonyan, Yu.M. (ed.) *Lichnost' prestupnikov i individual'noe vozdeystvie na nikh* [Personality of criminals and individual impact on them]. Moscow: VNI MVD SSSR.

Информация об авторе:

Кияшко К.С. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия). E-mail: k.kiyashko2020@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.S. Kiyashko, adjunct, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russian Federation). E-mail: k.kiyashko2020@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 17.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

КРИМИНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 343.98.067

doi: 10.17223/23088451/22/19

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СЛЕДСТВЕННОГО РОЗЫСКА ЛИЦА ПО ПРИЗНАКАМ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

Алексей Степанович Князьков¹, Валерий Валерьевич Овсянников²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, Ask011050@yandex.ru*
² *Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vovsyannikov22@mail.ru*

Аннотация. Исследуются взгляды на категорию криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Делается вывод о возможности дальнейшей концептуализации криминалистического обеспечения с позиции выделения криминалистической деятельности как отдельного вида деятельности, существующей наряду с уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельностью. Дается определение криминалистической деятельности; предлагаются её классификации, рассматривается место в них положений следственного розыска лица по признакам внешнего облика.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений; криминалистическая деятельность; организация расследования преступлений; криминалистическая дидактика; следственный розыск по внешнему облику лица

Для цитирования: Князьков А.С., Овсянников В.В. Проблемы обеспечения криминалистической деятельности в контексте следственного розыска лица по признакам внешнего облика // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 104–115. doi: 10.17223/23088451/22/19

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/19

PROBLEMS OF SUPPORTING CRIMINALISTIC ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF THE INVESTIGATIVE SEARCH FOR A PERSON BASED ON APPEARANCE

Alexey S. Knyazkov¹, Valery V. Ovsyannikov²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, Ask011050@yandex.ru*
² *Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, vovsyannikov22@mail.ru*

Abstract. The idea underlying the provisions of criminalistic support – of achieving constant readiness of officials to solve and investigate a crime – has currently led to radically different views on the content of this support. As a result, the question of the significance of forensic science itself for solving this task has been obscured. An appropriate solution to the problem of the effectiveness of solving and investigating crimes using forensic science is possible through further development of the concept of criminalistic activities as differing from criminal procedural, operational search and forensic ones. The article defines criminalistic activities as the practical preparedness of law enforcement agencies to effectively use appropriate criminalistic tools developed by science for the purpose of solving and investigating crimes. Its conceptual interconnection with forensic science dictates the need to limit the content of criminalistic support for the detection and investigation of crimes by issues of technical-criminalistic, tactical-criminalistic and methodological-criminalistic provisions created on the basis of the general theory of forensics. Classifications of criminalistic activities are proposed based on their directions, types, and content. The classifications allow a more conceptual description of the essence of criminalistic activities and also more effective provisions of the investigative search to identify a person based on an appearance. The article concludes that it is necessary to distinguish between internal and external organizational provisions for supporting the detection and investigation of crimes: the latter should be considered within the framework of the concept of management of the organization of law enforcement agencies; didactic constructs are distinguished in a similar way.

Keywords: forensic support for detection and investigation of crimes; forensic activities, organization of crime investigations, forensic didactics, investigative search based on person's appearance

For citation: Knyazkov, A.S. & Ovsyannikov, V.V. (2023) Problems of supporting criminalistic activities in the context of the investigative search for a person based on appearance. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 104–115. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/19

Вопросы криминалистического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений постоянно привлекают внимание исследователей. Причиной является возрастание технических и иных возможностей по подготовке, совершению и сокрытию преступления. История развития криминалистики свидетельствует о том, что отдельные положения, направленные на совершенствование деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, появились с момента её провозглашения как отдельной науки и во многом позволяли говорить об общественной значимости данной отрасли знания. Начало же концептуализации этого явления в отечественной науке связано с именем В.Г. Коломацкого, который в конце 1970-х – начале 1980-х гг. ввел в научный оборот и практику обучения на кафедре организации расследования преступлений Академии МВД СССР понятие криминалистического обеспечения [1. С. 23].

Касаясь данной проблематики, Р.С. Белкин отмечал, что криминалистическое обеспечение органов дознания и предварительного расследования следует понимать «...как систему криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» [2. С. 64]. В этом определении отмечаются два элемента обеспечения: система криминалистических знаний, а также формируемые на их основе в рамках служебной подготовки навыки и умения применения соответствующих криминалистических средств.

В определении А.Ф. Волынским криминалистического обеспечения содержится указание на три фактора (условия), позволяющие говорить о завершенности такого вида деятельности, как криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. Прежде всего, это наличие разработанного криминалистической наукой соответствующего знания; затем – наличие у правоприменителей сформированных на их основе необходимых навыков и умений применения криминалистических средств и, наконец, их реализация и использование в ходе раскрытия и расследования конкретного преступления [3. С. 55]. Данное определение (с различными текстуальными особенностями) повторяют в своих работах многие авторы [4. С. 57; 5. С. 8]. Этот подход является устоявшимся, что не мешает отдельным авторам говорить о том, что криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений есть «система создания, совершенствования и использования криминалистических знаний, навыков, умений и *техничко-криминалистических* средств правоохранительных органов в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [6; 7. С. 12]. Неточность такого взгляда видна, во-первых, в соотношении знаний, навыков и умений как присущих качеств личности с материально выраженными технико-криминалистическими средствами, задействование которых предполагает, кстати, существование необходимых знаний,

навыков и умений; во-вторых, в ограничении содержания криминалистического обеспечения лишь технико-криминалистическими положениями. Не учтено, что проблема тактико-криминалистического обеспечения также является весьма важной, что находит отражение в работах, посвященных проблемам того или иного аспекта тактико-криминалистического обеспечения, например, формирования системы тактико-криминалистических средств [8], нравственных и психологических положений криминалистической тактики [9], а также в работах по системному рассмотрению вопросов данного вида криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений [4, 10]. Аналогичное значение придается и методико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений [11. С. 319].

По-другому рассматривает криминалистическое обеспечение расследования преступлений А.В. Шмонин: «Криминалистическое обеспечение расследования преступлений – это система *представления* криминалистических знаний правоохранительным органам и основанных на этих знаниях навыков и умений их должностных лиц, создающая условия для эффективного установления истины по уголовным делам» [11. С. 319]. Здесь, в отличие от взгляда А.Ф. Волынского, называются два фактора (условия) достижения задач рассматриваемого криминалистического обеспечения: во-первых, условие передачи криминалистических знаний правоохранительным органам, во-вторых, условие формирования на их основе навыков и умений, необходимых для эффективной служебной деятельности. Двухаспектность криминалистического обеспечения подчеркивается А.В. Шмониным указанием на то, что криминалистическое обеспечение будет *основываться* на том объеме знаний, которые содержатся во всех разделах криминалистики [11. С. 319]: другими словами, научные положения криминалистики не входят в содержание понятия криминалистического обеспечения.

Существует и «однофакторное» понимание криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Так, например, Е.В. Цехомская полагает, что криминалистическое обеспечение есть «система использования криминалистических научно-практических рекомендаций для совершенствования уголовно-судебной деятельности» [12. С. 6]. Точно так же рассматривает криминалистическое обеспечение и М.Л. Шаршова [13. С. 11].

Близкое по звучанию к понятию криминалистического обеспечения является понятие криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений. Рассмотрение его в виде «организационно систематизированной, законодательно урегулированной деятельности правоохранительных органов по практическому применению технико-криминалистических средств и методов с целью сбора, анализа, предварительного исследования и использования розыскной и доказательственной информации в целях раскрытия и расследования преступлений» [14. С. 11] позволяет видеть его сходство с пониманием криминалистического

обеспечения Е.В. Цехомской, М.Л. Шаршовой и другими. Подходы названных авторов позволяют говорить о том, что и криминалистическое обеспечение, и криминалистическое сопровождение есть суть непосредственной деятельности следователя в использовании криминалистических средств.

Многогранность обеспечения как социального явления приводит к разнообразию его понимания не только в криминалистике, но и в других науках уголовно-правового цикла. Так, стремление подчеркнуть особую важность оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования проявляется во взгляде на него как на реальную уголовно-процессуальную интерпретацию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве [15. С. 138], что, разумеется, весьма спорно. Указание на то, что под оперативно-розыскным обеспечением расследования преступлений следует понимать «совместную деятельность оперативных и следственных работников по эффективному использованию имеющихся на вооружении сил, методов и средств оперативно-розыскной деятельности» [16. С. 6-7], и вовсе не учитывает принципиальных различий в характере следственной и оперативно-розыскной видов деятельности.

Широта содержания категории «обеспечение» предопределяет, на наш взгляд, подход А.Ф. Волынского, состоящий в обозначении двух систем криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Одна из них отображает традиционно понимаемую систему криминалистики и включает, соответственно, теоретические, технико-криминалистические, тактико-криминалистические и методико-криминалистические виды отмеченного обеспечения. Его же взгляд на криминалистическое обеспечение с позиции включения деятельности по расследованию преступлений в широкую систему связей с деятельностью правоохранительных органов (в том числе и МВД РФ), организаций по материально-техническому снабжению, специальных учебных заведений, готовящих будущих специалистов, приводит названного автора к другой системе криминалистического обеспечения, включающей: теоретическое обеспечение; организационное обеспечение; научно-техническое обеспечение; учебно-методическое обеспечение; материально-техническое обеспечение [3. С. 56–57]. К сожалению, при этом отсутствует объяснение, что собой представляет формально-структурная точка зрения как основа первой классификации системы в отличие от содержательной точки зрения, положенной в основу второй классификации. Дело в том, что систематизация криминалистики тоже является содержательной (она и не может быть иной), а разделение обеспечения на теоретическое, правовое, организационное, научно-техническое, научно-методическое, учебно-методическое и материально-техническое также является формально-структурированным. При несомненной ценности этой системы неоднозначным выглядит взгляд её автора на содержание теоретических основ криминалистического обеспечения. В числе элементов указанных основ называются: теоретическое обоснование задач

криминалистического обеспечения; криминалистический анализ преступности; выявление реальной нуждемости практики в современных рекомендациях, анализ состояния организации и правового регулирования научных разработок, анализ проблем внедрения и использования их результатов в раскрытии и расследовании преступлений и т.д. [3. С. 57]. Здесь затушевывается вопрос реализации непосредственно задачи формирования условий постоянной готовности правоохранительной деятельности к раскрытию и расследованию преступлений: данная задача может быть реализована лишь путем предоставления правоохранительной практике надлежащего научного знания, получающего свое выражение в аргументированных криминалистических рекомендациях. Это научное знание имеет самые различные формы: статьи, монографии, диссертации, пособия; применительно к диссертациям предусмотрена обязательность внедрения содержащихся в них выводов и рекомендаций в деятельность правоохранительных органов. В любом случае, как верно отмечают некоторые авторы, криминалистическое обеспечение является внешним фактором по отношению к практике расследования преступлений [17].

Требуется, на наш взгляд, уточнение тезиса о том, что правовое обеспечение в ряду мер криминалистического обеспечения имеет приоритетное значение, поскольку даже самая обоснованная рекомендация остается, что называется, «в ящике стола», если её реализация запрещена уголовно-процессуальным законодательством [3. С. 57–58]. Представляется, что сущность криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, состоящая в создании условий постоянной готовности правоохранительных органов к осуществлению названной деятельности, априори означает формирование криминалистических рекомендаций, соответствующих требованиям ряда принципов уголовного судопроизводства (например, законности, уважения чести и достоинства личности, её неприкосновенности). К примеру, ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» содержит запрет создания опасности для жизни и здоровья лиц-участников следственного действия.

Определенное методологическое значение имеет разделение А.Ф. Волынским криминалистического обеспечения расследования преступлений на два уровня: созидательный уровень, содержанием которого является научное обеспечение, и деятельный уровень как выражение практической реализации положений научного обеспечения [3. С. 55]. Нельзя не говорить о взаимосвязи созидательного и деятельного уровней криминалистического обеспечения: в своем системном проявлении созидательный и деятельный уровни увязаны таким образом, что первый, созидательный, уровень в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений в гораздо большей степени влияет на результативность этой деятельности, чем деятельный уровень влияет сам на себя. О том, что деятельный уровень влияет сам на себя в криминалистической деятельности, можно заключить из работ отдельных авторов. Так,

например, Л.Я. Драпкин в качестве теоретического основания следственной версии называл личный и коллективный опыт руководителей подразделений и сотрудников [18. С. 69]. Вместе с тем нельзя отрицать и влияния деятельного уровня на совершенствование созидательного уровня, что проявляется в необходимости изучения практики как основы любого теоретического построения.

Немаловажным, на наш взгляд, является вопрос о методологической необходимости оперировать понятием «криминалистическое обеспечение», поскольку и до настоящего времени используются традиционные понятия, указывающие на различные формы использования тех или иных результатов криминалистики. На примере заключительного раздела криминалистики: в равной мере используются названия «методика расследования преступлений» [19] и «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» [20]. Представляется, что при оперировании понятием «криминалистическое обеспечение» акцентируется внимание на необходимости более полного и системного использования теоретических положений каждого из разделов криминалистики.

В настоящий момент, на наш взгляд, проблема криминалистического обеспечения как сложной категории может быть успешно решена лишь в контексте сопряжения ее с категорией «криминалистическая деятельность». Рассматривая дискуссионный вопрос о структуризации системы криминалистики путем выделения дополнительного раздела, носящего условное название «Организация расследования преступлений», А.Ф. Волынский отмечает, что речь должна идти не о формальной перестройке сложившейся системы отечественной криминалистики: «Имея в виду криминалистику, для начала следовало бы выделить из ее курса «общие положения организации», что предлагают авторы этой идеи, а из «целого» – ту «часть», которая называется «криминалистическая деятельность» [21. С. 114]. В этом, несомненно, правильном, суждении выражается мысль о необходимости различать, наряду с уголовно-процессуальной, судебно-экспертной и оперативно-розыскной видами деятельности собственно криминалистическую деятельность. Это суждение получает свое развернутое изложение в другой работе указанного автора, где он говорит об отдельных видах деятельности по расследованию преступлений: уголовно-процессуальной, криминалистической, оперативно-розыскной и т.д. [22. С. 101].

Р.С. Белкин признавал, что «определенный аспект деятельности по борьбе с преступностью служит объектом изучения криминалистики для познания закономерностей, управляющих этой деятельностью» [23. С. 59]. В данном случае смысловое значение названного аспекта выглядит двояко: как указание на самостоятельное существование криминалистической деятельности, и как её отрицание по причине невозможности следователя одновременно выполнять ее наряду с уголовно-процессуальной деятельностью. Заметим, что в ст. 2 закона «Об образовании» различаются два вида деятельности: образование и воспитание (как процесс формирования *у обучающихся* необходимых качеств), которые может выполнять одно лицо – учитель (преподаватель), делая это одновременно и неразрывно. На взгляд

С.И. Коновалова, «раскрытие, расследование и предупреждение преступлений является общеюридическим понятием и отражает одновременно цель и содержание; в его состав входят уголовно-процессуальная... и криминалистическая деятельность» [24. С. 226–227]; она представляет собой «самостоятельный вид деятельности (по отношению к уголовно-процессуальной или оперативно-розыскной деятельности), осуществляемой криминалистическими средствами и методами» [25. С. 75]. Справедливы и рассуждения В.Я. Колдина, итогом которых является указание на то, что отсутствие концепции криминалистической деятельности делает аморфной многочисленными криминалистические положения, «растворяя» и «обезличивая» их в сферах «борьба с преступностью», «раскрытие и расследование преступлений» [26. С. 14–15]. На необходимость говорить о криминалистическом виде деятельности указывает Т.С. Волчецкая [27. С. 131–170]. Характеризуя содержание заключительного раздела криминалистики, Н.П. Яблоков и А.Ю. Головин подчеркивают, что в ней «разрабатывается стратегия всей *криминалистической деятельности* по расследованию преступлений» [28. С. 141]. Концептуализация криминалистической деятельности позволяет более содержательно рассматривать вопросы криминалистической техники, тактики и методики [29. С. 11].

Дискуссионным представляется взгляд, в соответствии с которым криминалистическая деятельность включает, помимо криминалистической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, также экспертно-криминалистическую, профилактическую, научно-педагогическую виды деятельности [30. С. 28], а также оперативно-розыскную деятельность [31. С. 4]. Однако тот факт, что следователь в процессе предварительного расследования (досудебного производства) использует *возможности* экспертно-криминалистических и оперативно-розыскных подразделений, не означает, что экспертно-криминалистическая и оперативно-розыскная деятельность является содержанием его деятельности. Не менее спорным звучит предложение включать в понятие криминалистической деятельности, помимо деятельности правоприменителей, еще и деятельность ученых-криминалистов [32. С. 11].

Сущность, понятие и содержание криминалистической деятельности во многом могут быть раскрыты путем её классифицирования. Решение данной задачи строится на методологических положениях, в соответствии с которыми количество классификаций определяется необходимостью показа наибольшего числа свойств соответствующего явления, и классифицирование призвано оперировать понятиями, а не материальными объектами, как это происходит в практической деятельности [33. С. 71; 34. С. 3]. Главное же состоит в том, что криминалистическое, а не иное, скажем, уголовно-процессуальное, классифицирование указывает на правильность выделения криминалистической деятельности, проявляющейся в ходе раскрытия и расследования преступлений наряду с оперативно-розыскной, судебно-экспертной и уголовно-процессуальной деятельностью.

По направлениям криминалистической деятельности она классифицируется на деятельность по преодолению противодействия расследованию, деятельность по осуществлению следственного розыска, деятельность по криминалистической профилактике и т.д.

По видам, исходя из системы криминалистики, криминалистическая деятельность подразделяется на технико-криминалистическую деятельность, тактико-криминалистическую деятельность и методико-криминалистическую деятельность. Такого рода структурирование позволяет акцентировать внимание на положениях того или иного вида при решении определенных задач. Так, например, решение задачи установления, розыска и отождествления лица по внешнему облику преимущественно будет осуществляться в рамках технико-криминалистической деятельности [35, 36].

Следует сказать, что классифицирование криминалистической деятельности по различным основаниям не исключает существования взаимосвязей тех или иных положений, вытекающих из отдельных криминалистических классификаций. Так, например, в исследовании Т.А. Ткачук концептуальному осмыслению подвергаются вопросы криминалистической деятельности применительно к её технико-криминалистической стороне (классификация по её виду) одновременно с рассмотрением проблем розыскной работы в досудебном производстве (классификация по направлению криминалистической деятельности) [37]. Такая взаимосвязь имеет особое значение для криминалистического обеспечения следственного розыска. При этом с учетом широких возможностей видоизменения внешнего облика лица [38], в том числе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, это имеет особое значение.

По содержанию, определяемому уголовно-правовыми основаниями криминалистической классификации преступлений, криминалистическая деятельность может быть подразделена на криминалистическую деятельность по расследованию преступлений против жизни и здоровья, собственности, общественной безопасности и т.д. Можно утверждать, что наиболее ярким проявлением результативности такого классифицирования выступает обозначившаяся тенденция формирования базовых методик расследования преступлений. В качестве примера следует указать результаты теоретических исследований таких авторов, как: А.В. Акчурин [39], Л.В. Бертовский [40], Р.Н. Боровских [41], М.А. Васильева [42], О.П. Грибунов [43], А.М. Калужный [44], Р.В. Кулешов [45], М.А. Субботина [46], А.К. Щербаченко [47].

Содержание криминалистического обеспечения нельзя определять по принципу «все, что обеспечивает успех». Об этом свидетельствует история формирования концепции криминалистической характеристики преступления, когда в начале её разработки прозвучал тезис о предельно полном наполнении её обстоятельствами, способствующими расследованию преступлений [48. С. 59]. Это привело к тому, что криминалистическая характеристика преступления стала описываться при помощи тридцати с лишним обстоятельств, многие из которых в принципе не могут быть её элементами.

Избежать подобного рода концептуализации поможет указание в паспорте научной специальности «5.1.4 – Уголовно-правовые науки» применительно к направлению «Криминалистика» на криминалистическую деятельность как деятельность, осуществляемую специфическими средствами, не являющимися уголовно-процессуальными, оперативно-розыскными и судебно-экспертными средствами. Заметим, что деятельностное начало именно на основе различия специфических средств познания отображено в направлении «Судебная экспертиза», где речь идет о методологии судебно-экспертной деятельности, а также в направлении «Теория оперативно-розыскной деятельности». Соответственно, увязывание криминалистического обеспечения как совокупности криминалистических научных положений с криминалистической деятельностью не позволит криминалистике «развиваться» в сторону некоей меганауки, претендующей на всеохватность уголовно-правовой (как она указана в новой научной специальности) и иной проблематики: управления, научной организации труда и т.д.

Криминалистическая деятельность должна рассматриваться как профессиональная деятельность должностных лиц по расследованию преступлений, как реализация навыков и умений, в основе которых лежат знания, разработанные криминалистической наукой. Она также может рассматриваться в широком смысле – как профессиональная деятельность по применению положений криминалистики в других юрисдикционных процессах, например, в гражданском судопроизводстве [49], в производстве по делам об административных правонарушениях [50].

Как и любая деятельность, криминалистическая деятельность носит организованный характер. Значимость организации расследования преступлений подчеркивается тем, что она есть «одна из сквозных проблем, пронизывающих всю материю криминалистической науки и практики уголовного преследования на досудебных стадиях» [9. С. 451]. Сложности названной проблематики с учетом её давнего проявления отмечает С.В. Валов: «Единственно, что... требует уточнения в современной модели криминалистического обеспечения, это содержание организационного обеспечения в качестве его составной части» [51. С. 24]. Широкая проблематика организационных положений, опосредующих раскрытие и расследование преступлений, на наш взгляд, должна получать свое разрешение путем выделения внутриорганизационного и внешнеорганизационного аспектов. В вопросах различения внутриорганизационного (собственно криминалистического, находящего воплощение в криминалистической деятельности) и внешнеорганизационного видов обеспечения методологической для нас является точка зрения Р.С. Белкина о том, что в строгом смысле организация расследования есть именно организация конкретного акта расследования, расследование конкретного преступления» [52. С. 450]. В содержательном плане этот подход у Г.А. Густова получил следующее выражение: «Организовать расследование преступления – значит: а) создать исходную систему расследования (оценить, переработать, использовать

первоначальную информацию, выдвинуть версии, определить задачи расследования, принять и осуществить их решение); б) наладить дальнейшее управление процессом расследования (на основе вновь поступившей информации спрогнозировать развитие процесса, внести необходимые коррективы и тем самым усовершенствовать систему расследования)» [53. С. 7].

Сущность внутриорганизационных аспектов технико-криминалистического [54. С. 260–367], тактико-криминалистического и методико-криминалистического [55] обеспечения состоит в том, что они включены **непосредственно** в результаты научного исследования тех или иных положений о поисково-познавательной деятельности следователя, государственного обвинителя и судьи. В практике расследования преступлений эти положения становятся внутриорганизационными началами криминалистической деятельности. Они делают её эффективной за счет планирования, тактики подготовки и производства следственных действий, тактики взаимодействия следователя с субъектами оперативно-розыскной и судебно-экспертной деятельности, а также иными субъектами на этапе проверки сообщения о преступлении, первоначальном и последующем этапах расследования [56]. В содержании организации расследования преступлений, в её внутриорганизационном проявлении В.Д. Зеленский называет такие элементы, как целеопределение, планирование, руководство расследованием, включающее взаимодействие следователя с иными участниками расследования [57]. В функциональном значении организация расследования преступления определяется им как процесс «...структурирования и упорядочения, построения умственной модели предстоящей и осуществляемой деятельности, создания условий для ее качественного производства и оптимального руководства расследованием» [58. С. 89]; и это уточнение также говорит о внутриорганизационных положениях, на которых строится криминалистическая деятельность.

Внешнеорганизационный аспект обеспечения раскрытия и расследования преступлений включает в себя вопросы определения новых организационных схем (появление специальных служб, установление новых механизмов взаимодействия между подразделениями правоохранительных органов внутри отдельного ведомства и между ведомствами), оптимизации системы (элементов и структуры) органов предварительного расследования, штатной численности следователей и т.п. Заметим, что некоторые авторы применительно к уголовно-процессуальной деятельности выделяют как внутренние, так и внешние средства [59. С. 42]. Внешние положения (средства) должны лежать за рамками криминалистического обеспечения расследования преступлений, их точная характеристика получает выражение в понятии «управление организацией деятельности правоохранительных органов», поскольку, как верно отмечается, рассматривать понятие организации невозможно без понятия управления [60. С. 77]. В более широком виде внешняя организация расследования преступлений охватывается категорией государственного управления,

когда, например, речь заходит о необходимости коренной реорганизации системы правоохранительных органов [61. С. 28–31]. Их научное исследование за рамками криминалистики не повлияет существенно на дальнейшую концептуализацию криминалистического обеспечения: на это указывает рассмотрение вне объектно-предметной области криминалистики положений оперативно-розыскной и судебно-экспертной видов деятельности. Результаты такой организационной деятельности при разработке технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических положений будут, несомненно, учитываться для определения рамок криминалистических выводов и рекомендаций так, как в настоящий момент учитываются соответствующие положения теории оперативно-розыскной деятельности и судебной экспертологии. Более того, адресованные практикам криминалистические рекомендации, в которых существенным образом снизится доля рассуждений о трудностях внешнеорганизационного характера, позволит им сосредоточиться именно на криминалистическом инструментарии расследования преступлений, не отыскивая в содержании таких рекомендаций «извиняющих обстоятельств» их неудовлетворительной работы. С другой стороны, жесткое увязывание оценки состояния криминалистической науки (криминалистического обеспечения) с умением должностных лиц использовать соответствующие рекомендации означает игнорирование разнообразных проблем социально-экономического характера, определяющих профессиональные, в том числе этические, характеристики лиц, пришедших в правоохранительную деятельность.

В рамках внешнеорганизационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, как и криминалистической деятельности, представляется возможным говорить об их техническом обеспечении, которое состоит в снабжении следователей, должностных лиц органа дознания средствами обнаружения изъятия, исследования, упаковки объектов.

Весьма полезными в контексте данной работы являются отдельные положения предлагаемого И.П. Можаяевой учения об организации расследования преступлений. Однако нельзя не сказать о проявившихся в нем дискуссионных вопросах. Прежде всего, видно, что содержание понятия «организация расследования преступлений» совпадает с содержанием понятия «криминалистическое обеспечение расследования» как условия постоянной готовности. Но при этом непонятно, что собой представляет деятельность следователя, принявшего к производству уголовное дело, которая состоит в «создании им условий постоянной готовности» (получается, своей) к применению рекомендаций по использованию системы организационно-технических, организационно-тактических и организационно-методических приемов [62. С. 14]. Очевидно, что организационные положения, формирующие отмеченную готовность следователя, носят внешний характер применительно к расследованию преступлений. В отличие от них, рекомендации по использованию отмеченных приемов обеспечивают непосредственно криминалистическую деятель-

ность по расследованию преступлений и по этой причине должны включаться в содержание криминалистического обеспечения расследования в виде внутриорганизационных аспектов. Лишь при таком подходе *задача криминалистического обеспечения эффективности организации деятельности следователя*, о которой говорит И.П. Можая [62. С. 7], не будет превалировать над *задачей организационного криминалистического обеспечения раскрытия преступлений*. Попутно заметим, что весьма спорным является аргументации о необходимости выделения в криминалистике раздела об организации расследования преступлений лишь на том основании, что предлагаемые в качестве элементов этого раздела положения отсутствуют в учебной литературе по криминалистике [63. С. 205–206].

Рассуждения об организационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений как элементе криминалистического обеспечения будут неполными без рассуждений об организации криминалистического обеспечения *следственного розыска*. Стоявший у истока концепции о криминалистической сложности расследования преступлений В.Д. Зеленский, говоря о предпосылках названной сложности, отмечает, помимо её общих факторов (специфика познания противоправного деяния, изначально малый объем имеющихся в деле сведений, законодательно установленные уголовно-процессуальные сроки), также иные обстоятельства природного и волевого характера. Одним из них, как отмечается, является розыск скрывшегося от следствия обвиняемого [64. С. 69–70]. Представляется, что применительно к каждому отдельному обстоятельству, усложняющему расследование преступления, в нашем случае – к следственному розыску, может быть далее структурирована степень сложности. Так, усложнение расследования будет одним, когда это связано с этапированием задержанного обвиняемого, и другим, когда необходим его розыск и задержание. Далее, следственный розыск лица, изменившего внешний облик, будет сложнее [65], чем названный розыск, осуществляемый в отношении лица, у которого такие изменения отсутствуют.

В контексте проблемы организации раскрытия и расследования преступлений важное значение имеет вопрос их дидактического обеспечения. Так, К.В. Поповой рассматривается проблема криминалистической подготовки следователя, связанной с обучением будущих следователей использованию криминалистических средств [66]. В работе А.Н. Примакова одним из элементов криминалистического обеспечения называется криминалистическая подготовка следователей в IT-сфере [67. С. 11]. Важность дидактической проблематики для совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений наглядно проявляется в том, что она рассматривается на уровне докторских диссертаций [27, 68–70].

На наш взгляд, и дидактическое обеспечение должно быть разделено на внутриорганизационное и внешнеорганизационное обеспечение. Тогда, когда оно представляет собой научные криминалистические разработки, указывающие на дидактические формы, в которых эф-

фективнее всего воплотить полученные выводы и рекомендации с целью их системного применения на практике, тогда нужно говорить о внутриорганизационных дидактических положениях, входящих в предмет криминалистического обеспечения. В тех же случаях, когда речь идет о мероприятиях, направленных на использование дидактических научных положений в системе профессиональной подготовки следователей (иных субъектов), например, внедрение инновационных методов преподавания, точнее говорить об управленческом, то есть внешнеорганизационном, дидактическом обеспечении криминалистической деятельности.

Обобщая полученные результаты, отметим следующее.

1. Под криминалистическим обеспечением раскрытия и расследования преступлений как реализации общенаучной проблемы борьбы с преступностью следует понимать совокупность технико-криминалистических, тактико-криминалистических и методико-криминалистических положений, строящихся на основе Общей теории криминалистики, позволяющих осуществлять криминалистическую деятельность специфическими (криминалистическими) средствами. С деятельностной стороны криминалистическое обеспечение представляет системную разработку научного криминалистического знания, используемого в криминалистической деятельности как части деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, на основе которого формируются необходимые навыки и умения. В широком смысле криминалистическое обеспечение включает обеспечение надлежащего разрешения административно-правового и иного деликта средствами криминалистики.

2. Криминалистическая деятельность должна рассматриваться как проявившаяся на практике подготовленность правоохранительных органов эффективно использовать разработанные наукой в целях раскрытия и расследования преступлений соответствующие криминалистические средства; она должна концептуально отличаться от уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной и судебно-экспертной видов деятельности.

3. В число классификаций криминалистической деятельности необходимо включать классификации, построенные на основе её направлений, видов и содержания. Это позволит более предметно охарактеризовать сущность криминалистической деятельности, в том числе усовершенствовать положения следственного розыска для установления лица по признакам его внешнего облика.

4. Следует различать внешнее и внутреннее организационное обеспечение деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений, в том числе для осуществления розыскной деятельности следователя на основе имеющейся информации о внешнем облике разыскиваемого лица.

5. В систему криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений необходимо включить дидактическое обеспечение как результат научной разработки дидактических форм, в которых отображаются полученные в ходе исследования выводы и рекомендации, призванные оптимизировать криминалистическую деятельность.

Список источников

1. Шмонин А.В. К дискуссии о криминалистическом обеспечении управления органами расследования преступлений // Российский следователь. 2011. № 16. С. 23–26.
2. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / ред. Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин. М. : Новый Юрист, 1997. 400 с.
3. Волинский А.Ф. Понятие и содержание криминалистического обеспечения // Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волинского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. С. 52–56.
4. Сокол В.Ю. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений (методологические и организационные аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 188 с.
5. Хамидуллин Р.С. Криминалистическое обеспечение деятельности следователя по применению норм особого порядка уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 23 с.
6. Акимов С.Р. Криминалистическое обеспечение расследования криминальных банкротств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 26 с.
7. Аксенов Р.М., Акимов С.Р. Криминалистическое обеспечение криминальных банкротств. Тюмень : Издательский центр «Академия», 2006. 154 с.
8. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2014. 506 с.
9. Полстовалов О.В. Процессуальные, нравственные и психологические проблемы криминалистической тактики на современном этапе : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2009. 642 с.
10. Горячев Э.К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 203 с.
11. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. М. : Юрлитинформ, 2010. 416 с.
12. Цехомская Е.В. Организация криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. 23 с.
13. Шаршова М.Л. Криминалистическое обеспечение антикоррупционного комплаенса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 26 с.
14. Букур А.И. Технично-криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия ограниченного поражения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 33 с.
15. Зинкин В.К. Теоретические и прикладные основы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений : учеб. пособие. Кемерово : Кузбасс, 2008. 191 с.
16. Новыцкая Е.В. Оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений против жизни и здоровья : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2015. 26 с.
17. Варданян А.В. Совершенствование гарантий обеспечения безопасности участников уголовного процесса в контексте современных тенденций преступности // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов науч.-практ. конф. 20–21 октября 2016 г. Орёл : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2016. С. 68–72.
18. Драпкин Л.Я. Теория криминалистических версий // Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М. : Юрайт, 2013. С. 67–80.
19. Петрова О.А. Методика расследования уклонения от административного надзора лица, освобождённого из мест лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 231 с.
20. Делов Н.С. Криминалистическое обеспечение расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2021. 216 с.
21. Волинский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений – комплексная, межнаучная проблема // Вестник Московского юридического университета МВД России. 2015. № 3. С. 112–115.
22. Волинский А.Ф. Мифы и предубеждения как барьеры на пути совершенствования организации расследования преступлений // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. мат-лов межд. науч.-практ. конф. Орел, 2016. С. 99–107.
23. Белкин Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие для студентов, обучающихся по юрид. специальностям. 3-е изд., доп. М. : Юнити, 2001. 837 с.
24. Коновалов С.И. Теоретико-методологические основы криминалистики : дис. ... д-ра юрид. наук. 272 с.
25. Коновалов С.И. Вопросы развития общей теории криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. тр. участников Межд. науч.-практ. конф. Ростов н/Д, 2017. С. 73–78.
26. Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2000. № 4. С. 3–20.
27. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 399 с.
28. Яблоков Н.П., Головин А.Ю. Криминалистика: природа и система. М. : Юристъ, 2005. 174 с.
29. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2014. 50 с.
30. Яблоков Н.П. Преступная деятельность и криминалистическая деятельность как двуединный объект криминалистического изучения // Криминалистика : учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 27–31.
31. Ищенко Е.П. Криминалистика : курс лекций. М. : АСТ: АСТ МОСКВА: КОНТРАКТ, 2008. С. 4.
32. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 47 с.
33. Закатов А.А. Классификационные системы в теории розыскной деятельности следователя // Оптимизация расследования преступлений : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркут ун-та, 1982. С. 71–75.

34. Головин А.Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2. С. 3–12.
35. Овсянников В.В. Проблемы криминалистического отождествления лица, изменившего внешний облик // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. Вып. 2. С. 107–119.
36. Овсянников В.В. Внешний облик лица, причастного к совершению преступления, как криминалистическая информационная система // Алтайский юридический вестник. 2021. № 1 (33). С. 114–121.
37. Качук Т.А. Научно-техническое обеспечение розыскной деятельности в уголовном процессе России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 41 с.
38. Князьков А.С., Овсянников В.В. Использование технологий 3D-сканирования и моделирования при производстве портретных экспертиз в отношении лиц, изменивших анатомические признаки внешнего облика // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 107–113.
39. Акчурина А.В. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования пенитенциарных преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2022. 509 с.
40. Бертовский Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 526 с.
41. Боровских Р.Н. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 726 с.
42. Васильева М.А. Концептуальные основы методики расследования экологических преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 519 с.
43. Грибунов О.П. Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. 543 с.
44. Калюжный А.М. Общая методика расследования преступлений против свободы личности : дис. ... д-ра юрид. наук. Орел, 2022. 489 с.
45. Кулешов Р.В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской и террористической деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2017. 545 с.
46. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. 424 с.
47. Щербаченко А.К. Базовая методика расследования мошенничеств, совершенных группой лиц: теоретические основы и прикладные аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2022. 431 с.
48. Селиванов Н. Криминалистическая характеристика преступления и следственные ситуации в методике расследования // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56–58.
49. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 538 с.
50. Голованов А.А. Криминалистическое обеспечение административного расследования : автореф. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2005. 23 с.
51. Валов С.В. О содержании понятия «Организация расследования преступлений» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 22–24.
52. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М. : Юристъ, 1997. 464 с.
53. Густов Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений : дис. ... до-ра юрид. наук. М., 1993. 62 с.
54. Волинский В.А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники (Исторический, гносеологический и социальный аспекты проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 417 с.
55. Пугачева А.В. Тактико-криминалистическое обеспечение деятельности адвоката-представителя потерпевшего в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 151 с.
56. Агеев Н.В. Организационные средства и методы в методике расследования преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 22 с.
57. Зеленский В.Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 734–744.
58. Зеленский В.Д. Следственная ситуация и организация отдельного расследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 9. С. 89–93.
59. Даровских О.И. Теоретические, правовые и организационные основы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2022. 60 с.
60. Седова Г.И. Процессуальные и криминалистические проблемы деятельности органов дознания : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 213 с.
61. Волинский А.Ф. Эффективность как принцип организации предварительного расследования преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 27–32.
62. Можяева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 54 с.
63. Кардашевская М.В. Организация расследования преступлений в структуре криминалистики // Вестник Московского юридического университета МВД России. 2015. № 8. С. 204–206.
64. Зеленский В.Д. Криминалистические проблемы организации расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 323 с.
65. Князьков А.С. Проблемы классификации видов следственного розыска // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2020. Ч. 86. С. 179–180.
66. Потова К.В. Криминалистическое содержание профессиональной подготовки следователей органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2002. 185 с.

67. Примаков А.Н. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (по материалам Республики Беларусь) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 242 с.
68. Коломацкий В.Г. Курс криминалистики (дидактика и методика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 30 с.
69. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 404 с.
70. Мальхина Н.И. Криминалистическое учение о лице, совершившем преступление : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 403 с.

References

- Shmonin, A.V. (2011) K diskussii o kriminalisticheskom obespechenii upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy [On the discussion about forensic support for the management of crime investigation bodies]. *Rossiyskiy sledovatel'*. 16. pp. 23–26.
- Aver'yanova, T.V. & Belkin, R.S. (eds) (1997) *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noy militsii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya: uchebnik* [Criminalistic support of the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies: textbook]. Moscow: Novyy Yurist.
- Volynskiy, A.F. (2009) Ponyatie i sodержanie kriminalisticheskogo obespecheniya [The concept and content of forensic support]. In: Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (eds) *Kriminalistika: uchebnik dlya studentov vuzov* [Forensic science: textbook for university students]. 2nd ed. Moscow: YuNITI- DANA: Zakon i pravo. pp. 52–56.
- Sokol, V.Yu. (1998) *Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy (metodologicheskie i organizatsionnye aspekty)* [Tactical and criminalistic support for the detection and investigation of crimes (methodological and organizational aspects)]. Law Cand. Diss. Moscow.
- Khamidullin, R.S. (2018) *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti sledovatelya po primeneniyu norm osobogo poryadka ugolovnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Criminalistic support of the investigator's activities in the application of special rules of criminal proceedings when concluding a pre-trial agreement on cooperation]. Abstract of Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
- Akimov, S.R. (2006) *Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya kriminal'nykh bankrotstv* [Criminalistic support for the investigation of criminal bankruptcies]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
- Aksenov, R.M. & Akimov, S.R. (2006) *Kriminalisticheskoe obespechenie kriminal'nykh bankrotstv* [Criminalistic support of criminal bankruptcies]. Tyumen: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
- Knyaz'kov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and criminalistic means of pre-trial proceedings]. Law Dr. Diss. Tomsk.
- Polstovalov, O.V. (2009) *Protsessual'nye, нравственные i psikhologicheskie problemy kriminalisticheskoy taktiki na sovremennom etape* [Procedural, moral and psychological problems of forensic tactics at the present stage]. Law Dr. Diss. Ufa.
- Goryachev, E.K. (2004) *Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Tactical and criminalistic support for the detection and investigation of crimes]. Law Cand. Diss. Moscow.
- Shmonin, A.V. (2010) *Metodologiya kriminalisticheskoy metodiki* [Methodology of criminalistic techniques]. Moscow: Yurlitinform.
- Tsekhomskaya, E.V. (2013) *Organizatsiya kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratel'stva ugolovnykh del* [Organization of criminalistic support for the trial of criminal cases]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
- Sharshova, M.L. (2021) *Kriminalisticheskoe obespechenie antikorrupsionnogo komplensa* [Criminalistic support of anti-corruption compliance]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
- Bukur, A.I. (2020) *Tekhniko-kriminalisticheskoe soprovozhdenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy, sovershaemykh s primeneniem ognestrel'nogo oruzhiya ogranichennogo porazheniya* [Technical and criminalistic support for the detection and investigation of crimes committed with the use of firearms of limited destruction]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
- Znikin, V.K. (2008) *Teoreticheskie i prikladnye osnovy operativno-rozysknogo obespecheniya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: ucheb. posobie* [Theoretical and applied foundations of operational search support for the detection and investigation of crimes: textbook]. Kemerovo: Kuzbass.
- Novitskaya, E.V. (2015) *Operativno-rozysknoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy protiv zhizni i zdorov'ya* [Operational and search support for the investigation of crimes against life and health]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
- Vardanyan, A.V. (2016) [Improving guarantees for ensuring the safety of participants in criminal procedure in the context of modern crime trends]. *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Modern criminal procedural law of Russia: lessons from history and problems of further reform]. Conference Proceedings. 20–21 October 2016. Oryol: Oryol Law Institute. pp. 68–72. (In Russian).
- Drapkin, L.Ya. (2013) *Teoriya kriminalisticheskikh versiy* [Theory of criminalistic versions]. In: Drapkin, L.Ya. (ed.) *Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavrov* [Forensic science: a textbook for bachelor's students]. Moscow: Yurayt. pp. 67–80.
- Petrova, O.A. (2022) *Metodika rassledovaniya uklo-neniya ot administrativnogo nadzora litsa, osvobozhden-nogo iz mest lisheniya svobody* [Methodology for investigating evasion of administrative supervision by a person released from prison]. Law Cand. Diss. Moscow.
- Delov, N.S. (2021) *Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya umyshlennogo unichtozheniya ili povrezhdeniya chuzhogo imushchestva* [Criminalistic support for the investigation of deliberate destruction of or damage to someone else's property]. Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
- Volynskiy, A.F. (2015) *Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy – kompleksnaya, mezhnauchnaya problema* [Organization of detection and investigation of crimes as a complex, interscientific problem]. *Vestnik Moskovskogo yuridicheskogo universiteta MVD Rossii*. 3. pp. 112–115.
- Volynskiy, A.F. (2016) [Myths and prejudices as barriers to improving the organization of crime investigations]. *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo Rossii: uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya* [Modern criminal procedural law of Russia: lessons from history and problems of further reform]. Proceedings of the International Conference. Oryol: Oryol Law Institute. pp. 99–107. (In Russian).

23. Belkin, R.S. (2001) *Kurs kriminalistiki: ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po yurid. spetsial'nostyam* [Forensics course: textbook for law students]. 3rd ed. Moscow: Yuniti.
24. Konovalov, S.I. (2001) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminalistiki* [Theoretical and methodological foundations of forensics]. Law Dr. Diss.
25. Konovalov, S.I. (2017) [Issues of development of the general theory of forensics]. *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki* [Forensic science: topical issues of theory and practice] Proceedings of the International Conference. Rostov-on-Don. pp. 73–78. (In Russian).
26. Koldin, V.Ya. (2000) *Kriminalistika: teoreticheskaya nauka ili prikladnaya metodologiya* [Forensic science: theoretical science or applied methodology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo.* 4. pp. 3–20.
27. Volchetskaya, T.S. (1997) *Kriminalisticheskaya situologiya* [Forensic situationology]. Law Dr. Diss. Moscow.
28. Yablokov, N.P. & Golovin, A.Yu. (2005) *Kriminalistika: priroda i sistema* [Forensics: nature and system]. Moscow: Yurist'.
29. Knyaz'kov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and criminalistic means of pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
30. Yablokov, N.P. (2010) *Prestupnaya deyatel'nost' i kriminalisticheskaya deyatel'nost' kak dvuedinnyy ob'ekt kriminalisticheskogo izucheniya* [Criminal activity and criminalistic activity as a dual object of a criminalistic study]. In: Yablokov, N.P. (ed.) *Kriminalistika: uchebnik* [Forensic science: textbook]. 4th ed. Moscow: Norma: INFRA-M. pp. 27–31.
31. Ishchenko, E.P. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Forensics: course of lectures]. Moscow: AST: AST MOSKVA: KONTRAKT.
32. Zhizhina, M.V. (2017) *Teoriya i praktika primeneniya sovremennoy kriminalistiki v tsivilisticheskoy protsesse* [Theory and practice of using modern forensics in the civil procedure]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
33. Zakatov, A.A. (1982) *Klassifikatsionnye sistemy v teorii rozysknoy deyatel'nosti sledovatelya* [Classification systems in the theory of investigative activities of the investigator]. In: *Optimizatsiya rassledovaniya prestupleniy* [Optimization of crime investigation]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 71–75.
34. Golovin, A.Yu. (2013) *Kriminalisticheskie sistemy i klassifikatsii: voprosy prakticheskogo ispol'zovaniya* [Criminalistic systems and classifications: issues of practical use]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki.* 1-2. pp. 3–12.
35. Ovsyannikov, V.V. (2023) *Problemy kriminalisticheskogo otozhdestvleniya litsa, izmenivshogo vneshniy oblik* [Problems of criminalistic identification of a person who has changed his appearance]. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki.* 2. pp. 107–119.
36. Ovsyannikov, V.V. (2021) *Vneshniy oblik litsa, prichastnogo k soversheniyu prestupleniya, kak kriminalisticheskaya informatsionnaya sistema* [The appearance of a person involved in the commission of a crime as a criminalistic information system]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik.* 1 (33). pp. 114–121.
37. Tkachuk, T.A. (2011) *Nauchno-tekhnicheskoe obespechenie rozysknoy deyatel'nosti v ugovolnom protsesse Rossii* [Scientific and technical support of investigative activities in the criminal procedure of Russia]. Abstract of Law Dr. Diss. Vladimir.
38. Knyaz'kov, A.S. & Ovsyannikov, V.V. (2022) *Ispol'zovanie tekhnologii 3D-skanirovaniya i modelirovaniya pri proizvodstve portretnykh ekspertiz v otnoshenii lits, izmenivshikh anatomicheskie priznaki vneshnego oblika* [The use of 3D scanning and modeling technologies in the production of portrait examinations of persons who have changed the anatomical features of their appearance]. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik.* 3 (39). pp. 107–113.
39. Akchurin, A.V. (2022) *Teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty rassledovaniya penitentsiarnykh prestupleniy* [Theoretical foundations and applied aspects of the investigation of penitentiary crimes]. Law Dr. Diss. Ryazan.
40. Bertovskiy, L.V. (2005) *Problemy teorii i praktiki vyyavleniya i rassledovaniya prestupnogo narusheniya pravil ekonomicheskoy deyatel'nosti* [Problems of theory and practice of identifying and investigating criminal violations of the rules of economic activities]. Law Dr. Diss. Moscow.
41. Borovskikh, R.N. (2018) *Teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty rassledovaniya prestupleniy v sfere strakhovaniya* [Theoretical foundations and applied aspects of the investigation of crimes in the insurance sector]. Law Dr. Diss. Moscow.
42. Vasil'eva, M.A. (2021) *Kontseptual'nye osnovy metodiki rassledovaniya ekologicheskikh prestupleniy* [Conceptual foundations of methods for investigating environmental crimes]. Law Dr. Diss. Moscow.
43. Gribunov, O.P. (2016) *Teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestupleniy protiv sobstvennosti, sovershaemykh na transporte* [Theoretical foundations and applied aspects of detection, investigation and prevention of crimes against property committed in transport]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
44. Kalyuzhnyy, A.M. (2022) *Obshchaya metodika rassledovaniya prestupleniy protiv svobody lichnosti* [General methodology for investigating crimes against personal freedom]. Law Dr. Diss. Oryol.
45. Kuleshov, R.V. (2017) *Teoretiko-metodologicheskie osnovy raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy v sfere ekstremistskoy i terroristicheskoy deyatel'nosti* [Theoretical and methodological foundations for solving and investigating crimes in the field of extremist and terrorist activities]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
46. Subbotina, M.V. (2004) *Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya khishcheniy chuzhogo imushchestva* [problems of investigating theft of other people's belongings]. Law Dr. Diss. Volgograd.
47. Shcherbachenko, A.K. (2022) *Bazovaya metodika rassledovaniya moshennichestv, sovershennykh gruppoy lits: teoreticheskie osnovy i prikladnye aspekty* [Basic methodology for investigating fraud committed by a group of persons: theoretical foundations and applied aspects]. Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
48. Selivanov, N. (1977) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya i sledstvennye situatsii v metodike rassledovaniya* [Criminalistic characteristics of crime and investigative situations in investigation methods]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'.* 2. pp. 56–58.
49. Zhizhina, M.V. (2017) *Teoriya i praktika primeneniya sovremennoy kriminalistiki v tsivilisticheskoy protsesse* [Theory and practice of using modern forensics in the civil procedure]. Law Dr. Diss. Moscow.
50. Golovanov, A.A. (2005) *Kriminalisticheskoe obespechenie administrativnogo rassledovaniya* [Criminalistic support of administrative investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Kaliningrad.
51. Valov, S.V. (2015) *O sodержanii ponyatiya "Organizatsiya rassledovaniya prestupleniy"* [On the content of the concept "organization of crime investigation"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* 10. pp. 22–24.

52. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t.* [Course of forensics: in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Yurist”.
53. Gustov, G.A. (1993) *Problemy metodov nauchnogo poznaniya v organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Problems of methods of scientific knowledge in the organization of crime investigation]. Law Dr. Diss. Moscow.
54. Volynskiy, V.A. (2001) *Zakonomernosti i tendentsii razvitiya kriminalisticheskoy tekhniki (Istoricheskiy, gnoseologicheskiy i sotsial’nyy aspekty problemy)* [Patterns and trends in the development of criminalistic technology (Historical, epistemological and social aspects of the problem)]. Law Dr. Diss. Moscow.
55. Pugacheva, A.V. (2006) *Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie deyatel’nosti advokata-predstavatelya poterpevshego v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa* [Tactical and criminalistic support for the activities of the lawyer representing the victim in the pre-trial stages of the criminal procedure]. Law Cand. Diss. Vladimir.
56. Ageev, N.V. (2022) *Organizatsionnye sredstva i metody v metodike rassledovaniya prestupleniy* [Organizational means and methods in crime investigation methods]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
57. Zelenskiy, V.D. (2015) O ponyatii i soderzhanii organizatsii rassledovaniya prestupleniy [On the concept and content of organizing crime investigations]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal’skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 9 (4). pp. 734–744.
58. Zelenskiy, V.D. (2014) Sledstvennaya situatsiya i organizatsiya otdel’nogo rassledovaniya [Investigative situation and organization of a separate investigation]. *Vestnik Baltiyskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta*. 9. pp. 89–93.
59. Darovskikh, O.I. (2022) *Teoreticheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy obespecheniya effektivnosti ugolovno-protsessual’noy deyatel’nosti* [Theoretical, legal and organizational foundations for ensuring the effectiveness of criminal procedural activities]. Abstract of Law Dr. Diss. Chelyabinsk.
60. Sedova, G.I. (2000) *Protsessual’nye i kriminalisticheskie problemy deyatel’nosti organov doznaniya* [Procedural and criminalistic problems of the activities of investigative bodies]. Law Cand. Diss. Saratov.
61. Volynskiy, A.F. (2016) Effektivnost’ kak printsip organizatsii predvaritel’nogo rassledovaniya prestupleniy [Efficiency as a principle of organizing the preliminary investigation of crimes]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 27–32.
62. Mozhaeva, I.P. (2014) *Kriminalisticheskoe uchenie ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic doctrine about the organization of crime investigation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
63. Kardashevskaya, M.V. (2015) Organizatsiya rassledovaniya prestupleniy v strukture kriminalistiki [Organization of crime investigation in the structure of forensics]. *Vestnik Moskovskogo yuridicheskogo universiteta MVD Rossii*. 8. pp. 204–206.
64. Zelenskiy, V.D. (1991) *Kriminalisticheskie problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy* [Criminalistic problems of organizing crime investigations]. Law Dr. Diss. Moscow.
65. Knyaz’kov, A.S. (2020) Problemy klassifikatsii vidov sledstvennogo rozyska [Problems of classification of types of investigative search]. In: Andreeva, O.I. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Part 86. Tomsk: Tomsk State University. pp. 179–180.
66. Popova, K.V. (2002) *Kriminalisticheskoe soderzhanie professional’noy podgotovki sledovateley organov vnutrennikh del* [Criminalistic content of professional training of investigators of internal affairs bodies]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
67. Primakov, A.N. (2022) *Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody (po materialam Respubliki Belarus’)* [Criminalistic support for the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom (based on materials from the Republic of Belarus)]. Law Cand. Diss. Moscow.
68. Kolomatskiy, V.G. (1992) *Kurs kriminalistiki (didaktika i metodika)* [Course in forensics (didactics and methods)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
69. Kosarev, S.Yu. (2005) *Kriminalisticheskie metodiki rassledovaniya prestupleniy: genesis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Forensic methods of crime investigation: genesis, current state, development prospects]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
70. Malykhina, N.I. (2017) *Kriminalisticheskoe uchenie o litse, sovershivshem prestuplenie* [Criminalistic doctrine of the person who committed a crime]. Law Dr. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Князьков А.С. – заведующий кафедрой криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Томск, Россия). E-mail: Ask011050@yandex.ru

Овсянников В.В. – заместитель начальника кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия). E-mail: vvovsyannikov22@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Knyazkov, Dr. Sci. (Law), professor, head of the Department of Criminology, National Research Tomsk State University, (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ask011050@yandex.ru

V.V. Ovsyannikov, deputy head of the Department of Criminalistics, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vvovsyannikov22@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Научная статья
УДК 347.963

doi: 10.17223/23088451/22/20

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Николай Евгеньевич Тарасов¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tne@mail.tsu.ru*

Аннотация. Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности представляет собой самостоятельное направление в рамках отдельной отрасли прокурорского надзора, заключающееся в надзоре Генпрокуратурой России, а также нижестоящими прокуратурами за соблюдением прав и свобод человека и гражданина при производстве оперативно-розыскной деятельности, а также исполнением законов при ее осуществлении. Включение данного направления в рассматриваемую отрасль обусловливается тем, что расследование преступлений всегда сопровождается проведением розыскных мероприятий, основные задачи которых заключаются в обнаружении и изобличении лиц, их совершивших, а также обеспечении органов предварительного расследования необходимой доказательственной базой.

Ключевые слова: прокурорский надзор, оперативно-розыскная деятельность, прокурор

Для цитирования: Тарасов Н.Е. Некоторые вопросы прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 116–119. doi: 10.17223/23088451/22/20

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/20

SOME ISSUES OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE LEGALITY OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Nikolay E. Tarasov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tne@mail.tsu.ru*

Abstract. Prosecutor's supervision over the legality of operational search activities is an independent direction within a separate branch, consisting in the supervision by the Prosecutor General of the Russian Federation, as well as lower-level specially authorized prosecutors, over the observance of human and civil rights and freedoms, as well as the execution of laws in the implementation of operational search activities. The inclusion of this function into the branch of prosecutor's supervision over the implementation of laws during operational search activities, inquiries, and preliminary investigations is explained by the fact that the investigation of crimes is almost always accompanied or supported by operational search activities whose purpose is to identify and solve crimes. Prosecutor's supervision over the legality of operational search activities is proactive in nature: the prosecutor exercises the powers granted to them regardless of the presence of a signal (message) about a violation of the law or the legal status of the individual. This nature of supervision is due to the specifics of operational search activities, which involve a concealed invasion of the constitutional rights of citizens. In such conditions, individuals cannot always ensure their legal status on their own, so the prosecutor acts as the main guarantor of the legality of conducting operational search activities. As a general rule, the prosecutor does not need a special reason to exercise supervisory powers; they exercise their powers on their own initiative. The only exception is the intelligence and counterintelligence operational search activities of Russia's Federal Security and Foreign Intelligence Services, and the operational units of Russia's Ministry of Defense, where operational materials can be requested by the prosecutor only upon applications received by the prosecutor's office indicating violation of the law by employees of these departments.

Keywords: prosecutor's supervision, operational search activities, prosecutor

For citation: Tarasov, N.E. (2023) Some issues of prosecutor's supervision over the legality of operational search activities. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 116–119. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/20

Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности представляет собой самостоятельное направление в рамках отрасли прокурорского

надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, заключающееся в наблюдении

нии Генпрокуратуры России и нижестоящими прокуратурами (прокурорами) за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Включение этого направления в данную отрасль обусловливается тем, что расследование преступлений всегда сопровождается проведением розыскных мероприятий, основные задачи которых заключаются в обнаружении и изобличении лиц, их совершивших, а также обеспечении органов предварительного расследования доказательственной базой.

Представляется, что с учетом развития современного законодательства, существующего уровня научно-теоретической и практической проработки данной проблемы прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, прокурорский надзор за законностью ОРД и прокурорский надзор за соблюдением законов при осуществлении ОРД необходимо рассматривать в качестве синонимических понятий.

Для прокурорского надзора за законностью ОРД свойствен инципиативный характер: прокурор осуществляет предоставленные ему полномочия независимо информации о нарушении закона. Такой характер надзора обусловлен особенностью самой ОРД, зачастую предполагающей скрытое вторжение в сферу конституционных прав. В подобных обстоятельствах граждане не всегда могут самостоятельно обеспечить их защиту и восстановление, поэтому прокурор вынужден выступать в роли главного гаранта законности проведения розыска. По общему правилу для осуществления надзорных полномочий прокурору не требуется наличия отдельного повода: он реализует свои полномочия по собственному усмотрению [1. С. 146–147].

Другая важная особенность, на которую справедливо указывают в литературе, заключается в том, что прокурорский надзор на данном направлении обладает комплексным содержанием: наряду с общими полномочиями, предусмотренными ст. ст. 6, 21–25 Закона о прокуратуре, прокурор также использует правовые средства, предоставляемые отдельными специальными законами, прежде всего Законом об ОРД [2. С. 30].

Кроме того, прокурор при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью нередко выступает должностным лицом, инициирующим ОРД, давая поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) по возбужденным уголовным делам. Однако в этом случае прокурор не обладает распорядительной властью в отношении уголовно-розыскных подразделений. В этой связи он не вправе самостоятельно отменять незаконные и (или) необоснованные постановления органов и должностных лиц, производящих ОРМ. Более того, он также не имеет права отстранять оперативных сотрудников от осуществления таких мероприятий и (или) использовать полномочия, предоставленные ему уголовно-процессуальным законодательством, применительно к надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Главное значение прокурорского надзора на данном направлении заключается в том, чтобы результаты розыскных мероприятий, полученные в ходе предварительного расследования, широко и активно использовались в качестве доказательственной базы по данным уголовным делам. Достижение этого результата служит одной из ключевых задач, стоящих перед данным направлением прокурорской деятельности, поскольку прокурор, будучи одним из основных участников уголовного судопроизводства, способен предварительно вне производства по уголовному делу дать компетентную оценку доказательственному потенциалу полученной оперативным путем информации.

В общем виде предмет прокурорского надзора за законностью ОРД устанавливается ст. 29 Закона о прокуратуре и включает в себя надзор за: законностью выносимых розыскными органами актов, принимаемых ими решений и осуществляемых ими действий; соблюдением прав лиц, попавших в сферу оперативного внимания, а также установленных запретов при производстве ОРД.

Этот общий предмет уточняется с учетом положений ст. 1, 6, 8, 15, 17, 18, 21 и др. Закона об ОРД [1. С. 149]. В частности, в предмет включается надзор за законностью решений: о проведении или прекращении различных ОРМ; о заведении и прекращении дел оперативного учета; о предоставлении результатов проведения ОРМ органам дознания, следствия и в суд; об обязательности регистрации и заведения дел оперативного учета по каждому случаю, требующему проведения ОРМ и др. [2. С. 25–29].

Несмотря на определенную размытость содержания действующего законодательства относительно определения предмета надзора на данном направлении, прокурорский надзор за законностью ОРД имеет свои четкие пределы.

По кругу поднадзорных органов и должностных лиц он ограничивается надзором за деятельностью соответствующих ведомств и должностных лиц, непосредственно занимающихся ОРД или же осуществляющих руководство и контроль за ними.

На общем прокурорском уровне он включает в себя надзор за деятельностью ведомств и учреждений, реализующих и определяющих государственную политику в сфере ОРД: МВД России, ФСБ России, Минобороны России, ФСИН России и пр. [1. С. 150–151].

На специальном уровне надзором охвачена деятельность начальников розыскных подразделений данных ведомств, непосредственно принимающих решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также деятельность конкретных сотрудников, непосредственно занимающихся розыском.

Основное содержание пределов по кругу нормативных правовых актов образуют федеральные законы РФ, определяющие содержание оперативно-розыскной деятельности, компетенцию различных учреждений и ведомств, на которые возложены обязанности по проведению ОРД, а также полномочия соответствующих должностных лиц. К их числу, помимо Закона об ОРД, следует отнести: ФЗ РФ от 03.04.1995 г. № 40 «Об органах

Федеральной службы безопасности»; Закон РФ от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности»; Закон РФ от 27.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»; ФЗ РФ от 08.01.1998 г. № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах»; ФЗ РФ от 27.05.1996 № 57 «О государственной охране»; ФЗ РФ от 31.05.1996 «Об обороне»; ФЗ РФ от 15.07.1995 № 103 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и др.

В соответствии со ст. 4 Закона об ОРД, наряду с федеральными законами, правовая основа ОРД включает в себя принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти. В этой связи пределы надзора прежде всего включают в себя надзор за исполнением требований подзаконных нормативных правовых актов высших должных лиц и органов государственной власти России – Президента РФ и Правительства РФ, регулирующих организацию и осуществление оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, данным пределом также охвачен надзор за исполнением требований, содержащихся, в том числе и в ведомственных нормативных правовых актах федеральных отраслевых органов исполнительной власти, занимающихся ОРД. При этом, с одной стороны, согласно ч. 2 ст. 4 Закона об ОРД соответствующие ведомства издадут нормативные правовые акты, регламентирующие организацию и тактику проведения ОРД, за исполнением требований которых надзирает прокурор, с другой – прокурор также надзирает за соответствием этих актов Конституции РФ и законам,

действующим на территории России. В этой связи ключевые из них, как правило, требуют согласования с Генпрокуратурой России.

После внесения изменений в соответствующее законодательство предмет прокурорского надзора по видам поднадзорной деятельности не стал ограничиваться надзором исключительно за розыскной деятельностью (сыском), но также включил в себя надзор за направлениями ОРД, не связанными с изобличением лиц, виновных в совершении преступлений. С одной стороны, такое решение законодателя вызывает безусловную поддержку, поскольку зачастую оперативная деятельность, связанная с получением информации об отдельных сторонах жизни граждан, претендующих на занятие ответственных государственных должностей, собирается оперативным путем. И в этой связи прокурорский надзор призван не допускать незаконного и необоснованного применения розыскных мероприятий, служащих средствами раскрытия преступлений и изобличения лиц в их совершении. С другой стороны, включение в предмет надзора хотя и схожей, но все-таки не профильной поднадзорной деятельности не всегда может способствовать эффективности и результативности самого прокурорского надзора. Хотя анализ прокурорско-надзорной практики последних лет показывает, что интенсивность надзора на этом направлении остается достаточно стабильной, расширение предмета надзора за счет включения дополнительных видов оперативной деятельности не привело к значительному качественному и количественному изменению показателей эффективности прокурорского надзора за законностью ОРД [3. С. 64–71; 4. С. 66–75; 5. С. 65–73].

Список источников

1. Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации : учеб. пособие. Томск : Изд-во Томского госуниверситета, 2021. 226 с.
2. Настольная книга прокурора : в 2 ч. Ч. 2: практическое пособие / О.С. Капинус [и др.] ; под общ. ред. О. С. Капинус, С.Г. Кехлерова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 424 с.
3. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2018 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Ун-т прокуратуры Российской Федерации, 2019. 146 с.
4. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2019 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2020. 148 с.
5. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2020 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. О.С. Капинус. М. : Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2021. 158 с.

References

1. Voronin, O.V. (2021) *Prokurorskiy nadzor v Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie* [Prosecutor's supervision in the Russian Federation: textbook]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Kapinus, O.S. & Kekhlerov, S.G. (eds) (2020) *Nastol'naya kniga prokurora : v 2 ch.* [Handbook of the prosecutor: in 2 parts]. Part 2. 5th ed. Moscow: Yurayt.
3. Kapinus, O.S. (ed.) (2019) *Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii i rabota organov prokuratury. 2018 god : inform.-analit. zapiska* [The state of law and order in the Russian Federation and the work of the prosecutor's office. 2018: informational analytical note]. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
4. Kapinus, O.S. (ed.) (2020) *Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii i rabota organov prokuratury. 2019 god : inform.-analit. Zapiska* [The state of law and order in the Russian Federation and the work of the prosecutor's office. 2019: informational analytical note]. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
5. Kapinus, O.S. (ed.) (2021) *Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossiyskoy Federatsii i rabota organov prokuratury. 2020 god : inform.-analit. zapiska* [The state of law and order in the Russian Federation and the work of the prosecutors office. 2020: informational analytical note]. Moscow: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Информация об авторе:

Тарасов Н.Е. – проректор по безопасности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tne@mail.tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.E. Tarasov, Vice-Rector for Security, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tne@mail.tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/22/21

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОНВЕНЦИОННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, ПОСЯГАЮЩИМИ НА СВОБОДУ ЛИЧНОСТИ

Рафаэль Гюльмамед оглы Бабаев¹

¹ МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия, r-babaev@yandex.ru

Аннотация. Актуальность проблем сотрудничества государств, международных организаций в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности, обусловлена ее значительным ростом в мире, усложняющимся характером, масштабностью и глобальностью последствий. К настоящему времени в данном направлении сложился достаточно большой массив международно-правовых норм и принципов, механизмов, позволяющих координировать усилия всех субъектов международного права и в отдельных случаях национального права в целях эффективного сотрудничества в борьбе, профилактике, предупреждении, противодействии, пресечении, раскрытии и расследовании рассматриваемых преступлений. В статье рассматривается длительный исторический путь формирования и развития правовых норм по противодействию преступлениям, посягающим на свободу личности, начиная с XIX века, от самых первых двусторонних и многосторонних соглашений, до современных многосторонних соглашений о противодействии рассматриваемым преступлениям.

Ключевые слова: международное правовое сотрудничество, конвенции, международные правовые договоры, борьба с международной преступностью, работорговля, торговля людьми

Для цитирования: Бабаев Р.Г.-о. Становление и развитие международного сотрудничества в сфере борьбы с конвенционными преступлениями, посягающими на свободу личности // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 120–124. doi: 10.17223/23088451/22/21

Original article

doi: 10.17223/23088451/22/21

FORMATION AND DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CONVENTIONAL CRIMES INFRINGING ON PERSONAL FREEDOM

Rafael G. Babaev¹

¹ MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation, r-babaev@yandex.ru

Abstract. The relevance of the problems of cooperation between states and international organizations in the fight against conventional crimes encroaching on individual freedom is due to its significant growth in the world, its increasingly complex nature, scale, and global consequences. To date, a fairly large array of international legal norms and principles, mechanisms have been developed in this direction, allowing for the coordination of the efforts of all subjects of international law and, in some cases, national law for the purpose of effective cooperation in the fight, prevention, counteraction, suppression, detection, and investigation of the crimes in question. The article examines the long historical path of the formation and development of legal norms to combat crimes that infringe on individual freedom, starting from the 19th century, from the very first bilateral and multilateral agreements to contemporary multilateral agreements on combating the crimes in question.

Keywords: international legal cooperation, conventions, international legal treaties, international legal cooperation, fight against international crime, slave trade, human trafficking

For citation: Babaev, R.G. (2023) Formation and development of international cooperation in the fight against conventional crimes infringing on personal freedom. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 120–124. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/21

С ростом судоходства и укреплением экономических и культурных связей между странами возросло и международное правовое сотрудничество, в том числе в борьбе с преступностью. Однако международная борьба против работорговли и рабства имеет самую долгую историю, начиная с XIX в.: только с 1815 по 1957 г. [1. С. 9] было заключено около 300 двусторонних и многосторонних международных соглашений в этой области, что делает невозможным точный подсчет их общего количества.

Первым международным соглашением, осуждающим рабство, стала Декларация о всеобщей отмене работорговли («Декларация 1815 года»). Аболиционистское движение стремилось отменить работорговлю в Атлантическом регионе и освободить рабов в европейских колониях и США.

Ахенская конференция 1818 г. также осудила работорговлю как преступление. Россия сыграла важную роль в усилении международной борьбы с работорговлей, предложив создать специальную международную

организацию, «снабженную военными кораблями для обеспечения строгого исполнения совместного решения держав о запрещении негритянской торговли» [2. С. 130]. На Веронском конгрессе в 1822 г. была принята резолюция об отмене торговли неграми [3. С. 152]. Однако решения этих конференций оставались декларативными и не отражались в уголовном законодательстве стран-участниц конференции, что не привело к значительным результатам в борьбе с работорговлей, как, например, отсутствие ответственности для государств, не выполнивших условия.

Только Лондонский договор от 20 декабря 1841 г. между Великобританией, Францией, Россией, Австрией и Пруссией (Договор пяти держав) принес первые результаты в борьбе с работорговлей. Этот договор приравнивал работорговлю к пиратству и предоставил военным кораблям договаривающихся сторон право искать суда, подозреваемые в участии в работорговле, в пределах точно определенных «зон подозрения» (Атлантический и западная часть Индийского океана) [4. С. 153].

Самым всеобъемлющим документом XIX в. по борьбе с рабством стал Общий закон, подписанный на Брюссельской конференции 2 июля 1890 г. Этот закон устанавливал конкретные меры по пресечению работорговли. Во-первых, стороны обязались принять законы, согласно которым насильственный захват рабов считался уголовным преступлением, создать специальные военные базы внутри страны для блокирования дорог, используемых для работорговли, и установить наблюдение в портах. Кроме того, была создана так называемая «зона подозрительности», охватывающая западную часть Индийского океана, Красное море и Персидский залив. Военные корабли государств-участников были уполномочены перехватывать подозрительные суда водоизмещением менее 500 т в пределах этой зоны и проверять их документы [5. С. 27].

Общий акт также предусматривал создание специальных органов по борьбе с рабством: Международного морского бюро в Занзибаре, которое собирало информацию и документацию о работорговле, и Специального бюро в Брюсселе, которое выступало посредником в обмене законами и статистическими данными о работорговле.

Однако к концу XIX в. международное сообщество было вынуждено признать появление нового вида международного преступления – «белой работорговли», которая приобрела пугающие масштабы, поскольку женщин легко было убедить в том, что они могут хорошо зарабатывать в дальних странах. Например, только в Вене, по оценкам, 180 человек, занимаются торговлей женщинами. Ежегодно эти люди переправляют за границу до 1 500 жертв [5. С. 46]. Поэтому необходимо было объединить силы всех стран для борьбы с этой новой социальной опасностью. С этой целью в июне 1899 г. общественные деятели Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Нидерландов, Норвегии, России, США, Швейцарии, Швеции и других стран собрались в Лондоне на международную конференцию по ликвидации торговли женщинами с целью сексуальной эксплуатации. Участники призвали правительства создать многосторонние соглашения и национальные комиссии

по борьбе с торговлей женщинами и ввести уголовную ответственность за торговлю людьми во всех странах. В результате этого призыва многие страны, в том числе и Россия, создали национальные комиссии по борьбе с проституцией.

Стоит отметить, что все соглашения, заключенные в XIX и начале XX в., были направлены на борьбу с рабством и ничего не говорили о его запрете. Конечно, ограничение работорговли не привело к полному искоренению этого позорного явления, в основе которого лежало рабство. В результате рабство и работорговля продолжались во многих странах (Эфиопия, Либерия, Тибет, Непал и т.д.) вплоть до XIX в. В связи с этим Сен-Жерменский договор, подписанный 10 сентября 1919 г., отменил Брюссельский генеральный протокол 1890 г. и предусматривал, что стороны приложат все усилия для отмены рабства, а также работорговли [4. С. 154].

В последующие десятилетия XX в. борьба с торговлей людьми вступила в новую фазу, когда за дело взялась Лига Наций, подписавшая в 1921 г. Международную конвенцию о борьбе с торговлей женщинами и детьми и учредившая Консультативный комитет по торговле женщинами и детьми. Этот комитет, который позже стал Консультативным комитетом по социальным вопросам, состоял из представителей стран и международных организаций, участвующих в борьбе с торговлей женщинами [6. С. 105].

Однако после создания Советского Союза страна перестала участвовать в международном сотрудничестве в вышеупомянутых областях и только в 1954 г. начала участвовать в заключении некоторых соглашений.

В 1924 г. Совет Лиги Наций назначил временную комиссию по рабству, которая разработала Конвенцию о рабстве, подписанную 38 странами 25 сентября 1926 г. (СССР присоединился в 1956 г.). По сути, Конвенция стала первым универсальным международным соглашением, в котором было введено понятие рабства и работорговли. Согласно Конвенции рабство определяется как состояние или положение лица, осуществляющего атрибут или часть атрибута собственности. Под работорговлей понимается акт захвата, приобретения или передачи лица с целью продажи этого лица в рабство; акт продажи или передачи, путем продажи или обмена, раба, приобретенного для продажи или обмена; и общий акт покупки, продажи или перевозки рабов [7. С. 78].

Государства, подписавшие Конвенцию, обязуются предупреждать и пресекать работорговлю, постепенно и как можно скорее отменять все формы рабства, оказывать друг другу помощь в отмене рабства и работорговли, принимать законодательные меры, предусматривающие суровые наказания за эти преступления, и обмениваться информацией о законах и постановлениях, принятых во исполнение настоящей Конвенции, обязуются соблюдать Конвенцию.

Таким образом, Конвенция впервые указала на то, что принудительный труд представляет опасность, сходную с рабством, и обязала государства использовать принудительный труд только в официальных целях, а в случае использования в других целях «постепенно и как можно скорее отменить его». Даже такая

мягкая формулировка о принудительном труде была включена в Конвенцию из-за противодействия колониальных держав (Бельгии, Португалии), которые широко использовали этот вид труда в своих колониях и даже считали существование рабства в своих колониях неизбежным и положительным явлением [5. С. 28–29].

В то же время государства-участники считали Конвенцию 1926 г. первой в ряду международных мер по борьбе с работорговлей и выразили намерение «как можно скорее заключить общую конвенцию о работорговле, включающую конкретные меры по борьбе с этим преступлением».

Несмотря на положительный эффект от принятия Конвенции, приходится согласиться с В.Н. Кудрявцевым, что содержащемуся в ней определению рабства не хватает ясности [8. С. 136–137]. Юридически обязательная Конвенция о рабстве 1926 г. и Дополнительная конвенция ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, принятая в 1956 г., в какой-то мере восполнили этот пробел [7. С. 80].

Хотя до Второй мировой войны государства не заключили общей конвенции против рабства, Международная организация труда (МОТ) приняла в 1930 г. Конвенцию № 29 о принудительном труде, которая развивала некоторые положения Конвенции о рабстве 1926 г.

Конвенция МОТ № 29 определяет принудительный труд как «все работы или услуги, которые человек должен под угрозой наказания не выполнять добровольно» (п. 1 ст. 2), но в отличие от Конвенции 1926 г. она не связывает практику принудительного труда с рабством [9]. Она также не распространяет мандат ООН на женщин, состоящих в принудительных браках.

Кроме того, 11 октября 1933 г. Конвенция о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами расширила положения Конвенции 1921 г., включив в нее даже торговлю с согласия взрослых женщин, и стороны договорились обмениваться информацией о тех, кто профессионально занимается торговлей женщинами и детьми.

Однако международные меры по борьбе с торговлей женщинами и детьми достигли лишь ограниченных результатов. Голод и нищета продолжали порождать проституцию, как и торговлю людьми.

В 1937 г. Лига Наций разработала Конвенцию о пресечении и наказании содержателей публичных домов и проституток, которая не была принята, но стала основой для Конвенции ООН 1949 г. о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами [10. С. 42].

В 1948 г. в ответ на продолжающиеся нарушения основных прав человека в мире международное сообщество приняло Всеобщую декларацию прав человека, к которой Советский Союз присоединился в 1954 г. Запрет рабства и работорговли был впервые изложен в ст. 4 Декларации: «Никто не должен содержаться в рабстве, и рабство и работорговля должны быть запрещены во всех их видах» и «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Эти нормы следует рассматривать как основополагающие принципы, на которых должна строиться система норм международного права, направленных на борьбу с преступлениями против свободы личности.

Однако практика показала, что их недостаточно, и 2 декабря 1949 г. на четвертой сессии Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию по предупреждению торговли людьми и борьбе с эксплуатацией проституции третьими лицами, которая объединила все ранее принятые документы по предупреждению торговли женщинами [11] и криминализовала следующие деяния:

а) склонение, поощрение или вовлечение другого лица в занятие проституцией, даже с согласия этого лица;

б) эксплуатация проституции другого лица, даже с согласия этого лица;

в) содержит или управляет борделем, сознательно финансирует бордель, или участвует в его финансировании;

г) арендует или сдает в аренду здание или другое место, или его часть, зная, что оно будет использоваться третьим лицом для целей проституции;

д) пытается совершить или готовится совершить любое из вышеуказанных действий;

е) сознательно вступает в сговор с целью совершения любого из вышеуказанных действий [7. С. 84].

Как видно из этого списка, Конвенция 1950 г. расширяет перечень деяний, которые государства согласились признать уголовно наказуемыми, включая эксплуатацию проституции и содержание публичных домов. Государства-участники также устанавливают практические меры по борьбе с этими преступлениями. Во-первых, все они являются преступлениями, влекущими выдачу, независимо от наличия или отсутствия договора о выдаче. Государства, которые не признают выдачу своих граждан, должны преследовать и наказывать их за любое из преступлений, перечисленных в Конвенции. Государства-участники также обязуются предоставлять временную помощь жертвам международной торговли людьми и репатриировать их, если они в этом нуждаются.

Однако хотя Конвенция по предотвращению торговли людьми и борьбе с эксплуатацией проституции третьими лицами является всеобъемлющей по своим целям, ей не удается избежать фрагментарного подхода. Хотя Конвенция ставит борьбу с торговлей людьми на первое место в своем названии, вместо этого она уделяет больше внимания эксплуатации проституции третьих лиц. В то же время следует отметить, что Конвенция приравнивает торговлю людьми только к проституции и определяет ее как «зло, сопутствующее проституции» [10. С. 42]. В результате многие другие формы торговли людьми оставались вне сферы действия международного права в течение значительного периода времени.

Однако впервые Конвенция заменила понятия торговли белыми рабами, торговли женщинами и детьми и торговли женщинами брачного возраста понятием торговли людьми и распространила его действие на мужчин.

К сожалению, принятие этого документа не привело к каким-либо позитивным изменениям в борьбе с торговлей людьми, поскольку борьба с торговлей людьми фактически была заменена политикой борьбы с проституцией.

Важную роль в борьбе с преступлениями против свободы личности сыграла Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., которая закрепляет неотъемлемые права и свободы всех людей и обязывает

государства гарантировать осуществление этих прав всем лицам, находящимся под их юрисдикцией. Положения Конвенции закрепляют право на свободу и личную неприкосновенность, запрещают рабство и принудительный труд. Конвенция также существенно отличается от других международных договоров по правам человека тем, что в ней создан эффективный механизм защиты провозглашенных прав, а именно Европейский суд по правам человека, который рассматривает индивидуальные жалобы на нарушения Конвенции.

В 1955 г. Экономический и Социальный Совет Организации объединённых наций принял резолюцию 564 (XIX) о создании комитета в составе представителей десяти стран (СССР, Великобритании, Австралии, Франции, Индии, Югославии, Египта, Эквадора, Нидерландов и Турции) для подготовки текста дополнительной конвенции об отмене рабства. В 1956 г. был подготовлен проект, который был рассмотрен на международной конференции в Женеве с участием 43 стран. Женевская конференция одобрила прилагаемую Конвенцию об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством. Как видно из одного только названия, Конвенция восполняет пробел в Конвенции 1926 г., определяя институты и практику рабства, подневольного состояния и сходной с рабством практики за пределами традиционного понятия рабства.

Однако классическое рабство, как оно определено в ст. 7 Дополнительной конвенции, постепенно исчезает и заменяется сходными с рабством видами практики, такими как домашнее рабство, подневольное состояние и долговая кабала. Подневольный домашний труд наиболее широко и часто используется в отношении детей и подростков, которых родители или опекуны отдают на оплачиваемую или бесплатную трудовую эксплуатацию (в частности, в Афганистане, Камеруне, Колумбии, Марокко, Сингапуре, Перу, Эквадоре, Японии) [5. С. 36].

Статья 1 Дополнительной конвенции определяет долговую кабалу как «ситуацию или состояние, возникающее в результате предоставления должником своего труда или труда своих иждивенцев для обеспечения долга без зачета стоимости выполненной работы, без ограничения ее продолжительности или уточнения ее характера». Не засчитывать стоимость выполненной работы, не ограничивать ее продолжительность или не указывать ее характер является преступлением.

Наконец, ст. 1 Дополнительной конвенции определяет крепостное право как использование земли, когда «наниматель обязан по закону, обычаю или соглашению проживать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять для этого другого лица определенную работу без оплаты или принятия оплаты, условия которой не могут быть изменены».

Этот дополнительный договор необходим для достижения цели, изложенной в п. 3 ст. 1 Устава ООН, которая за-

ключается в «осуществлении международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Оценивая полезность и прогрессивность Конвенции, он считает, что ее главным недостатком является то, что она не дает полного списка институтов, сравнимых с рабством. Например, Специальный комитет, созданный для рассмотрения вопроса о рабстве (резолюция ЭКОСОС 238 (IX) от 12 июля 1949 г.), еще в 1951 г. в своем докладе отметил, что «обычай или другой закон заставляет человека или группу людей оказывать услуги другому человеку или группе людей, независимо от того, получают ли они финансовое вознаграждение или нет». В докладе отмечалось существование обычая, согласно которому «человек или группа людей в силу обычая или другого закона обязаны оказывать услуги другому человеку или группе людей». Обычаем или другим законом обязано оказывать услуги другим лицам или группам лиц, независимо от того, получают ли они финансовое вознаграждение, и не может по своей воле прекратить оказывать эти услуги. Это говорит о том, что крепостное право может быть связано не только с использованием земли, но и с оказанием услуг.

Следующим документом, направленным на искоренение рабства и работорговли, стал Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., который гласит: «Никто не должен содержаться в рабстве. Рабство и работорговля запрещены во всех их формах. Никто не должен содержаться в рабстве. Никто не должен подвергаться принудительному или обязательному труду».

Хотя в Международной конвенции нет нового положения, тот факт, что она содержит нормы, запрещающие рабство, все формы работорговли и принудительный труд, придает ей статус общепризнанной нормы [10. С. 49–50].

Что касается детей как основных жертв похищения, торговли людьми, сексуальной и трудовой эксплуатации, то международное сообщество объявило детей полноценными и равными личностями, автономными субъектами права, и реализует их права и защиту от экономической, сексуальной и других форм эксплуатации с помощью законодательных, административных, социальных и образовательных мер. В стране принят ряд документов, в которых признаются обязательства государства. Особое значение имеют Конвенция о правах ребенка [12] и Конвенция МОТ № 182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [13].

В заключение необходимо отметить, что наиболее важным положением, закреплённым Конвенцией о правах ребёнка, следует признать квалификацию торговли детьми как преступления независимо от целей и формы указанного деяния, что характеризует ее как правовой документ высокого международного стандарта.

Список источников

1. Упразднение рабства и его современных форм: Давид Вайсброт и Международная организация по борьбе с рабством. Нью-Йорк ; Женева : ООН, 2002. V. 57с.
2. Кузнецова Е.С. Взаимодействие России с иностранными государствами в сфере гражданского и уголовного права в XVIII – начале XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 258 с.
3. Абрамова С.Ю. Африка: четыре столетия работорговли. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1992. 291 с.

4. *Международное уголовное право* : учебник / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. М. : Спарк, 1999. 287 с.
5. *Международная борьба с преступностью* / Л.Н. Галенская. М. : Международные отношения, 1972. 167 с.
6. *Захаров Н.А.* Шестой международный конгресс по борьбе с торговлей женщинами и детьми // *Право и Жизнь*. М., 1926. Кн. 8–10. С. 102–111.
7. *Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми* : сборник документов / сост. В.С. Овчинский. М. : Инфра-М, 2004. 300 с.
8. *Международное уголовное право* : учеб. пособие / под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. 2-е изд. перераб. и доп. М. : Наука, 1999. 264 с.
9. *Конвенция № 29 Международной организации труда (с изм. от 11.06.2014) «Относительно принудительного или обязательного труда»* (принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-й сессии Генеральной конференции МОТ). URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 15.05.2023).
10. *Мизулина Е.Б.* Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М. : Юрист, 2006. 591 с.
11. *Конвенция о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 02.12.1949 г.* URL: <https://base.garant.ru/1305490/> (дата обращения: 15.05.2023).
12. *Конвенция о правах ребенка»* (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 15.05.2023).
13. *Конвенция Международной организации труда № 182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Женева, 17 июня 1999 г.)*. URL: <https://base.garant.ru/2560459/> (дата обращения: 15.05.2023).

References

1. UN. (2002) *Uprazhdenie rabstva i ego sovremennykh form: David Vaysbrodt i Mezhdunarodnaya organizatsiya po bor'be s rabstvom* [Abolition of slavery and its modern forms: David Weisbrodt and Anti-Slavery International]. NY; Geneva: UN.
2. Kuznetsova, E.S. (2002) *Vzaimodeystvie Rossii s inostrannymi gosudarstvami v sfere grazhdanskogo i ugovnogo prava v XVIII – nachale XX vv.* [Interaction between Russia and foreign states in the field of civil and criminal law in the 18th – early 20th centuries]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
3. Abramova, S.Yu. (1992) *Afrika: chetyre stoletiya rabotorgovli* [Africa: four centuries of the slave trade]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
4. Lukashuk, I.I. & Naumov, A.V. (1999) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: uchebnik* [International criminal law: textbook]. Moscow: Spark.
5. Galenskaya, L.N. (1972) *Mezhdunarodnaya bor'ba s prestupnost'yu* [International fight against crime]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
6. Zakharov, N.A. (1926) *Shestoy mezhdunarodnyy kongress po bor'be s torgom zhenshchinami i det'mi* [Sixth International Congress on Combating Trafficking of Women and Children]. In: *Pravo i Zhizn'* [Law and Life]. Books 8–10. Moscow: [s.n.]. pp. 102–111.
7. Ovchinskiy, V.S. (2004) *Mezhdunarodno-pravovye osnovy bor'by s nezakonnoy migratsiyey i torgovley lyud'mi: sbornik dokumentov* [International legal framework for combating illegal migration and human trafficking: collection of documents]. Moscow: Infra-M.
8. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1999) *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo: ucheb. posobie* [International criminal law: textbook]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
9. Consultant Plus. (2023) *Convention No. 29 of the International Labor Organization (as amended on June 11, 2014) concerning forced or compulsory labor (adopted in Geneva on June 28, 1930, at the 14th session of the ILO General Conference)*. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/document/> (Accessed: 15.05.2023). (In Russian).
10. Mizulina, E.B. (2006) *Torgovlya lyud'mi i rabstvo v Rossii: mezhdunarodno-pravovoy aspekt* [Human trafficking and slavery in Russia: international legal aspect]. Moscow: Yurist'.
11. Garant. (2023) *Konventsiya o bor'be s torgovley lyud'mi i ekspluatatsiyey prostitutsiiy tret'imi litsami ot 02.12.1949 g.* [Convention for the Suppression of Traffic in Persons and the Exploitation of the Prostitution of Others of 2 December 1949]. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/1305490/> (Accessed: 15.05.2023).
12. Consultant Plus. (2023) *Konventsiya o pravakh rebenka" (odobrena General'noy Assambleey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990)* [Convention on the Rights of the Child" (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989) (came into force for the USSR on September 15, 1990)]. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/document/> (Accessed: 15.05.2023).
13. Garant. (2023) *International Labor Organization Convention No. 182 concerning the Prohibition and Immediate Action for the Elimination of the Worst Forms of Child Labor (Geneva, June 17, 1999)*. [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2560459/> (Accessed: 15.05.2023). (In Russian).

Информация об авторе:

Бабаев Р.Г. оглы – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права МИРЭА – Российского технологического университета (Москва, Россия). E-mail: r-babaev@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

R.G. Babaev, Cand. Sci. (Law), associate professor, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation). E-mail: r-babaev@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 347.97

doi: 10.17223/23088451/22/22

ПРИНУЖДЕНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ И АВСТРИИ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Александр Анатольевич Трефилов¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, trefilovaa1989@gmail.com*

Аннотация. Автор рассматривает философские основы категории принуждение в творчестве немецких, швейцарских и австрийских мыслителей. Проанализированы рассуждения Лейбница, Фихте, Шеллинга, Канта, Гегеля, Иеринга, Энгельса, Кальвина, Руссо, Кельзена по данному вопросу. Показано, что, с одной стороны, они рассматривают принуждение как противоположность свободе, с другой – как важнейший признак нормы права, отличающий его от морали. Рассмотрено содержание понятия «меры принуждения» в современной научной доктрине Германии, Швейцарии, Австрии. Исследована органическая взаимосвязь данного института со следственными действиями, с уголовными наказаниями, а также с обеспечительными мерами в гражданском судопроизводстве. Данная статья может быть полезна всем, кто интересуется правовыми системами немецкоязычных стран, компаративными аспектами в уголовном судопроизводстве, а также теорией и практикой применения института мер принуждения в российском и зарубежном уголовном процессе.

Ключевые слова: свобода, принуждение, меры принуждения, обвиняемый в уголовном процессе, следственные действия, уголовные наказания, обеспечительные меры в гражданском судопроизводстве

Для цитирования: Трефилов А.А. Принуждение в уголовном процессе Германии, Швейцарии и Австрии: общие положения // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 125–137. doi: 10.17223/23088451/22/22

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/22

COERCION IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF GERMANY, SWITZERLAND, AND AUSTRIA: GENERAL PROVISIONS

Aleksandr A. Trefilov¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, trefilovaa1989@gmail.com*

Abstract. The author examines the philosophical foundations of the category of coercion in the works of German, Swiss, and Austrian thinkers. The reasoning of Leibniz, Fichte, Schelling, Kant, Hegel, Ihering, Engels, Calvin, Rousseau, Kelsen on this issue is analyzed. The author shows that they consider coercion, on the one hand, as the opposite of freedom and, on the other hand, as the most important feature of the rule of law, distinguishing it from morality. After this, the words “coercion” (Zwang) and “coercive measures” (Zwangsmassnahmen), which are used by both legislators and proceduralists in German-speaking countries, are analyzed. Next, the content of the concept of coercive measures in the modern scientific doctrine of Germany, Switzerland, and Austria is considered. The organic relationship of this institution with investigative actions, with criminal penalties, as well as with interim measures in civil proceedings is studied. This article may be useful to anyone interested in the legal systems of German-speaking countries, comparative aspects in criminal proceedings, as well as in the theory and practice of using the institution of coercive measures in Russian and foreign criminal procedure. **Keywords:** freedom, coercion, coercive measures, accused in criminal procedure, investigative actions, criminal penalties, interim measures in civil proceedings

For citation: Trefilov, A.A. (2023) Coercion in the criminal procedure of Germany, Switzerland, and Austria: General provisions. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp.125–137. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/22

1. Философские основы категории «принуждение»

В немецкоязычной литературе обращается внимание на то, что никакое государство не может осуществлять свои функции только на основе метода убеждения. Так, по мнению Фридриха Шеллинга, «сделать устойчивость существующего строя не зависящей от доброй воли можно лишь посредством *принуждения*»

[1. С. 450]. Если гражданин или организация не выполняют возложенные на них обязанности, при определённых условиях на них может быть оказано воздействие (давление). Сказанное в полной мере относится в том числе и к уголовному судопроизводству, в котором они принимают участие, обладая тем или иным процессуальным статусом.

Немецкая философия

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) утверждал, что «для свободы достаточно отсутствия принуждения» [2. С. 312]. Отсюда следует, что мыслитель противопоставлял данные категории, поскольку они имеют взаимоисключающий характер. Данная идея актуальна и для уголовного судопроизводства: если к участнику процесса применяются меры принуждения, то объём его свободы уменьшается в зависимости от степени их строгости; если мера принуждения отменена, он обретает свою прежнюю свободу.

Лейбниц разработал философскую классификацию принуждения: «Что касается принуждения, то полезно различать два его вида. Одно – *физическое*, как, например, когда человека заключают в тюрьму или когда его сбрасывают в пропасть; другое – *моральное*, как, например, принуждение, вызываемое мыслью о большом зле, так как порожаемое им действие, хотя и вынужденное известным образом, всё же остаётся добровольным. Принуждение может быть основано на ожидании большого блага, как, например, когда человека искушают, предлагая ему чрезвычайно большие выгоды, хотя обычно это не называют принуждением» [2. С. 179].

Рассматривая данные утверждения в уголовно-процессуальной плоскости, можно сделать следующие выводы. Во-первых, принуждение действительно может быть физическим (например, обвиняемого поместили в СИЗО) и моральным (оставаясь на свободе, он сохраняет свободу действий, хотя и находится под угрозой применения более строгих мер принуждения). Во-вторых, принуждение может быть не только *внешним*, то есть исходящим от государства, но и *внутренним*, то есть основанным на самоконтроле. В последнем случае человек добровольно или вынужденно самостоятельно принуждает себя к определённому действию или бездействию. Например, обвиняемый в силу естественного стремления к свободе хочет скрыться от органов уголовного судопроизводства, но, обладая свободой воли, принуждает себя этого не делать и надлежащим образом исполняет свои процессуальные обязанности (к слову, побег, согласно § 121 УК ФРГ, наказуем, только если он сопряжён с насилием или оказанием давления на служащего освобождения). В-третьих, рассуждая о соотношении свободы и принуждения, Лейбниц пытается определить, какова природа различных искушений и соблазнов, с которыми сталкивается человек. Если следователь предлагает обвиняемому в обмен на признание вины изменить заключение под стражу на домашний арест, то применяет ли он к нему принуждение? Ответ будет утвердительным, только если понимать принуждение в самом широком философском смысле.

Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814), развивая взгляды вышеуказанного философа, утверждал, что «принуждение определяется через свободу, а свобода определяется через принуждение» [3. С. 224]. Мыслитель понимает принуждение дословно как «не мочь сделать чего-либо» («*Nicht-Könnens*») и выделяет три его предпосылки:

- 1) «стремление человека к чему-либо»;
- 2) «ограничение действительной деятельности»;

3) «ограничивающее находится не во мне, а вне меня» [3. С. 292].

Отсюда можно сделать несколько выводов. Во-первых, Фихте, как и Лейбниц, противопоставлял свободу и принуждение, поскольку в силу объективных причин, чем шире одно, тем уже другое. Во-вторых, в отличие от Лейбница, Фихте полагал, что принуждение не может быть внутренним. Оно должно исходить от внешних субъектов или объективно существующих обстоятельств. Сказанное гораздо ближе к теории мер принуждения в уголовном процессе. Например, если обвиняемый, находясь под подпиской о невыезде, смог удержать себя от побега за границу, то принуждение, которое он применил сам к себе, находится вне правового регулирования и не имеет процессуального значения (как известно, право регулирует общественные отношения, а не мыслительные процессы человека). При этом государство должно создать условия, в которых ему будет проще удержать от противоправных действий: изъять у него заграничный паспорт, разъяснить неблагоприятные правовые последствия уклонения от явки к следователю или в суд и др.

Фридрих Шеллинг (1775–1854) полагал, что «свобода является единственным принципом, который лежит в основе всего», в связи с чем «принуждённость предполагает изначально свободную деятельность» [1. С. 266]. Иначе говоря, по его мнению, если бы у людей изначально не было свободы, то нельзя было бы говорить и о принуждении. «Ограниченность, необходимость, принуждение – все это чувствуется только в противопоставлении неограниченной деятельности» [1. С. 307], которая была присуща людям в догосударственный период, а как известно, абсолютной свободы не бывает.

По мнению Шеллинга, одно и то же действие может «совершаться одновременно *формально свободно* и *формально по принуждению*» [1. С. 342]. Например, один обвиняемый не скрывается от органов предварительного следствия, так как находится в СИЗО, а второй – после освобождения под подписку о невыезде добровольно сотрудничает со следствием и не уклоняется от него.

Шеллинг полагает, что «принуждение может быть направлено не против чистой воли, а против исходящего от индивида эгоистического влечения» [1. С. 447]. Мыслитель в данном случае различает волю и влечение. Например, залог как мера принуждения подавляет эгоистическое влечение обвиняемого скрыться, избежать ответственности по гражданскому иску и уплаты штрафа. Государство правовыми средствами помогает ему подавить в себе подобные желания, воздержаться от их реализации.

По мнению Шеллинга, «механизм государственного устройства осуществляет принуждение свободных существ, которые терпят это лишь до тех пор, пока находят в этом какие-либо преимущества для себя» [1. С. 449]. Как мы видим, немецкий мыслитель симпатизировал теории общественного договора в трактовке, предложенной Жан-Жаком Руссо [4. С. 19–46]. Если государство будет массово допускать нарушение режима законности при применении мер принуждения, то

граждане могут реализовать своё естественное право на сопротивление угнетению и даже расторгнуть с таким государством общественный договор.

Иммануил Кант (1724–1804), как и его предшественники, полагал, что «принуждение препятствует свободе или оказывает ей сопротивление» [5. С. 225]. Применение к участнику уголовного процесса принуждения делает его менее свободным по сравнению с его предшествующим состоянием.

В «Метафизике нравов» Кант один из параграфов озаглавил в виде предложения с подлежащим и сказуемым: «Право связано с правомочием принуждать» [5. С. 254]. Иначе говоря, возможность применить принуждение к нарушителю является основным отличием права от других социальных норм (мораль, обычаи, традиции и др.). Одновременно с этим государство, в отличие от других субъектов права, уполномочено применять принуждение к правонарушителю.

Общий вывод Канта: «право и правомочие принуждать означают одно и то же» [5. С. 256]. Приведённая мысль весьма близка по своему содержанию к рассуждению В.И. Ленина, считавшего, что «*право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права*» [6. С. 7]. По сути, данные мыслители пишут об одном и том же признаке права. Вместе с тем представляется, что отдельный признак явления, пусть и весьма существенный, нельзя смешивать с явлением в целом.

Мыслитель рассуждает над основанием применения принуждения: «С правом связано также правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву» [5. С. 255]. В качестве примера приведём ситуацию, в которой обвиняемый игнорирует правомочие следователя вызвать его на допрос. Вместе с тем применение мер принуждения в уголовном процессе не всегда имеет своей предпосылкой неисполнение его участником своих обязанностей.

По мнению Канта, важнейшая задача государства – «сочетать всеобщее взаимное принуждение со свободой каждого» [5. С. 255]. Право «опирается на принцип возможности внешнего принуждения, совместимого со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами» [5. С. 255]. Применительно к мерам принуждения важно найти разумный баланс между правом обвиняемого на свободу и средствами, побуждающими его к надлежащему исполнению своих процессуальных обязанностей.

Кант полагал, что «принуждение, ограничивающее и в конце концов искореняющее постоянную склонность к отступлению от тех или иных правил, называется дисциплиной» [5. С. 255]. Участники уголовного судопроизводства должны надлежащим образом исполнять свои обязанности. Их недисциплинированность в контексте рассматриваемого института может повлечь своим последствием избрание более строгой меры принуждения (например, замена залога на домашний арест).

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) подчёркивает, что «человека можно как живое существо принудить (*bezwungen werden*), но свободная воля принуждена быть не может»; «принудить к чему-либо можно только того, кто хочет, чтобы его принудили» [7.

С. 141]. Например, обвиняемого можно принудить к пребыванию в СИЗО, но его нельзя заставить почувствовать вину, признать её, раскаяться в содеянном, примириться с потерпевшим. Право не может регулировать интеллектуальные процессы, происходящие в психике человека.

По мнению Гегеля, «насилие и принуждение, взятые абстрактно, неправомерны» [7. С. 142]. Иначе говоря, если мера принуждения применена с нарушением закона или без достаточных правовых оснований, то она нарушает права участника уголовного судопроизводства. Мыслитель признаёт естественное право человека на сопротивление совершаемым в отношении него противоправным действиям.

Рудольф фон Иеринг (1818–1892) пишет: «...к исполнению некоторых служебных обязанностей, например, обязанностей присяжного, свидетеля, государство принуждает совершенно так же, как принуждает к уплате податей и повинностей» [8. С. 148]. Мыслитель подчёркивает, что различные обязанности, возлагаемые на личность, имеют близкую юридическую природу и должны исполняться в одинаковой степени. Все предусмотренные в законе обязанности имеют правовой механизм принуждения к их надлежащему исполнению.

По мнению Иеринга, «право – это совокупность действующих в государстве *принудительных* норм», «суверенитет – это абсолютная монополия государства на *принуждение*» [8. С. 148]. Как мы видим, принуждение неотъемлемо связано с функционированием государства и права как важнейших социальных институтов. Добавим, что частные лица также могут в ограниченных пределах применять принуждение (например, так называемое «гражданское задержание», согласно ст. 218 УПК Швейцарии).

Фридрих Энгельс (1820–1895) утверждал: «Общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооружённых людей, но и из вещественных приращков, тюрем и *принудительных* учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества» [9. С. 148]. Как мы видим, немецкий философ рассматривает правоохранительные органы, уполномоченные применять принуждение, в качестве неотъемлемой части государственного механизма. С их созданием он связывает появление государства.

Ф. Энгельс восклицает: «Постоянное войско и *полиция* суть главные орудия силы государственной власти, но – разве может быть иначе?» [9. С. 282]. При этом не будем забывать, что полиция уполномочена применять в уголовном судопроизводстве и в своей административной деятельности, связанной с охраной общественного порядка, различные *меры принуждения* (задержание, личный обыск, досмотр и др.).

Швейцарская философия

Жан Кальвин (1509–1564) – выдающийся женеvский мыслитель и религиозный деятель также затрагивал в своих работах тему принуждения. Обобщая его взгляды, Фридрих Энгельс писал: «Со времени... кальвинистской реформации было твердо установлено положение,

что человек только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной *свободой воли*, и что нравственным долгом является сопротивление всякому *принуждению* к безнравственному поступку» [10. С. 35]. Первый тезис хорошо сочетается с положениями классической школы о свободе воли как об основании уголовной ответственности, а второй – с жесткими условиями, относящимися к физическому или психическому принуждению как обстоятельству, исключающему преступность деяния.

Женевский мыслитель, с одной стороны, признаёт наличие у человека свободной воли; с другой – в духе теории общественного договора возлагает на него нравственную обязанность оказывать сопротивление тому, кто его принуждает к аморальным действиям. Например, если обвиняемый пытается коррупционными способами добиться избрания более мягкой меры принуждения, такие действия должны получить решительный нравственный и правовой отпор со стороны следователя, прокурора, суда.

Жан-Жак Руссо (1712–1778) поднимает глубокий философский вопрос: можно ли принудить человека быть свободным? Будет ли тогда это свободой в собственном смысле этого слова? Итоговый вывод женевского мыслителя: «Человека можно и нужно *принуждать* быть свободным» [11. С. 470].

Такой ответ основан на естественно-правовой теории, в силу которой человек не может отказаться от своих неотчуждаемых прав. В данном случае принуждение является актом помощи по отношению к нему. Например, если обвиняемый полностью согласен на заключение под стражу или даже требует этого, а суд не находит правовых оснований для избрания данной меры пресечения, то необходимо избрать в отношении него подписку о невыезде, залог, домашний арест и т.д. Если обвиняемый отказывается добровольно покинуть СИЗО, его можно с помощью физической силы заставить освободить незаконно занимаемое помещение.

Австрийская философия

Ганс Кельзен (1881–1973) утверждает, что право – это «принудительный порядок, его отличительный признак – использование принуждения» [11. С. 48] (как по Канту). «Включение в определение права элемента принуждения дает четкий критерий, позволяющий выделить право среди других социальных норм» [11. С. 72]. «*Принуждение* – это фактор, чрезвычайно важный для познания социальных отношений и весьма характерный для социальных порядков, обозначаемых словом право» [11. С. 72], при этом «мораль – это позитивный порядок без принуждения» [11. С. 48]. Кельзен считает, что возможность применить принуждение к нарушителю правовой нормы – её существенное отличие от других социальных норм, имеющих рекомендательный характер.

По мнению Кельзена, правопорядок может уполномочить человека на совершение акта *принуждения* [11. С. 27] (например, задержание уполномочены производить частные лица). При этом «правапорядок исчерпывающим образом определяет, при каких условиях и какими индивидами должно осуществляться физическое

принуждение» [11. С. 53]. Таким образом, «монополию на принуждение имеет правовое общество» [11. С. 53].

Как мы видим, австрийский мыслитель исходит из того, что некоторые меры принуждения могут применять не только государственные органы и их должностные лица, но и простые граждане. Так, любой может пресечь преступные действия злоумышленника и задержать его. Примечательно, что действующий УПК Швейцарии в ст. 218 обстоятельно регламентирует так называемое «гражданское задержание».

Кельзен утверждает, что «правапорядок посредством предусмотренных им актов принуждения может реагировать на определенное человеческое поведение [11. С. 59]. Таким образом, принуждение является следствием противоправного действия или бездействия лица и приобретает характер санкции. В уголовном судопроизводстве мера принуждения также при определенных условиях может иметь характер санкции (например, лицо нарушило ранее избранную меру принуждения).

По мнению Кельзена, «акты принуждения – это акты, которые осуществляются даже и против воли адресата, а в случае сопротивления – и с применением физической силы» [11. С. 142]. Сказанное в полной мере относится к мерам принуждения в уголовном судопроизводстве: они могут быть предписаны в отношении лица вопреки его желанию, а при неисполнении им возложенных на него обязанностей допускается применение более строгой меры принуждения.

Общий вывод Кельзена: «принуждение означает склонение людей к определенной деятельности посредством силового давления, ограничивающего свободу их выбора» [12. С. 64–65]. Сказанное в полной мере относится к мерам принуждения в уголовном процессе независимо от того, о каком правопорядке идёт речь.

2. Лексическая конструкция «меры принуждения» в немецком языке

В уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии, Лихтенштейна «меры процессуального принуждения» традиционно обозначаются исконно немецким термином «*Zwangsmassnahmen*», который дословно переводится, как *меры принуждения*, или *принудительные меры*.

В работах отдельных авторов можно встретить использование близких по содержанию терминов. Например, немецкий учёный Карл Крайфельдс из ФРГ использует понятие «*Zwangsmittel*» (дословно – принудительные средства) [13. С. 1469].

Монография В.Н. Бутова «Уголовный процесс Австрии» содержит главу «Процессуальные средства принуждения» [14. С. 68–86]. Представляется, что при написании монографий о зарубежном уголовном судопроизводстве предпочтительнее использовать устоявшуюся отечественную терминологию, а отступления от неё возможны только в силу веских причин и должны быть объяснены читателю.

Как отмечено выше, чаще всего в немецкоязычных странах рассматриваемый процессуальный институт обозначается «*Zwangsmassnahmen*». В основе сложносоставного слова «*Zwangsmassnahmen*» лежат два корня: *Zwang* и *Massnahmen*, а также соединительная гласная *s*.

Слово «*Zwang*», согласно «Большому немецко-русскому словарю», переводится как 1) принуждение, 2) давление, 3) нажим, 4) насилие, 5) стеснение, 6) необходимость, 7) обязательность, 8) неизбежность [15. С. 74]. Электронный словарь «Multitran» добавляет к вышеуказанным значениям ещё три: 1) ограничение, 2) навязчивость, 3) связь. Словарь «Abbyu Lingvo», напротив, выделяет только два значения: принуждение и насилие [16. С. 431].

Слово «*Massnahmen*» также является многозначным. Согласно словарю «Multitran» (<https://www.multitran.com>), оно переводится как: 1) мероприятия, 2) вмешательство, 3) меры, 4) действия, 5) реакция, 6) приём. Словарь «Abbyu Lingvo» выделяет только два значения: мероприятия и меры. Такого же подхода придерживаются составители «Большого немецко-русского словаря» [17. С. 185].

На наш взгляд, наиболее корректный, точный, логичный и вместе с тем дословный перевод на русский язык немецкой лексической конструкции «*Zwangsmassnahmen*» – меры принуждения. Такого подхода придерживаются и авторы переводов немецких научных источников на русский язык, в частности М.А. Кудратов [18. С. 80].

Представляется, что используемый в законодательстве немецкоязычных государств термин «меры принуждения» является более подходящим, чем российское понятие «меры процессуального принуждения», поскольку все институты, урегулированные в УПК РФ, *a priori* являются процессуальными. В этой связи прилагательное «процессуальный», используемое российским законодателем, выглядит излишним, не несёт никакой смысловой нагрузки, искусственно, без какой-либо необходимости загромождает текст Кодекса. Мы же не говорим «процессуальная процедура», «процессуальный допрос», «процессуальная апелляция», «процессуальные доказательства». Почему же тогда используется понятие «меры процессуального принуждения»? Кроме того, используемые в УПК РФ понятия «задержание» и «меры пресечения», что вполне логично, не предполагают добавление прилагательного «процессуальный». В этой связи представляется необходимым заменить в УПК РФ понятие «меры процессуального принуждения» на более лаконичное – «меры принуждения».

3. Сущность мер принуждения в уголовном процессе

В немецкоязычной юридической литературе обращается внимание на наличие нескольких смыслов у данного понятия. С одной стороны, весь уголовный процесс так или иначе сопряжён с принуждением или возможностью его применения к участникам судопроизводства, с другой – это относительно автономный институт, имеющий собственные цели, задачи, функциональную взаимосвязь с другими процессуальными институтами.

Германия

Немецкие учёные, как и законодатель этой страны, стремятся избегать излишней теоретизации, в связи с чем определения важнейших процессуальных понятий

достаточно редко встречаются в УПК и в научной доктрине. Как правило, сущность правовых институтов излагается описательно, через существенные признаки.

Толковый словарь Карла Крайфельдса содержит следующую дефиницию: «Меры принуждения – это средства, с помощью которых органы публичной власти (органы юстиции или органы управления) принуждают волю затрагиваемого лица к определённому действию или бездействию» [13. С. 1469]. Как мы видим, автор определения указывает на круг субъектов, уполномоченных применить меры принуждения, и на их основную цель – добиться от лица определённой модели поведения.

Некоторые немецкие процессуалисты подходят к раскрытию мер принуждения посредством указания на их признаки и цели. Фридрих-Кристиан Шрёдер и Торстен Феррел описывают данный институт так: «Для проведения расследования и получения доказательств в распоряжении прокуратуры, а также отчасти полиции имеются *специальные средства*, так называемые меры уголовно-процессуального принуждения, и прочие формы вмешательства в основные права» [18. С. 77–78].

Отсюда можно сделать несколько выводов. Во-первых, меры принуждения имеют строгую целевую направленность и не могут использоваться в целях, противоречащих закону. Во-вторых, данные учёные рассматривают меры принуждения прежде всего в контексте ограничения конституционных прав и свобод личности при отправлении правосудия по уголовным делам. В-третьих, меры принуждения не являются единственным способом вмешательства в основные права (другой, наиболее близкий способ – следственные действия).

Швейцария

Профессор Марк Питт начинает издавна: «Уголовное судопроизводство служит установлению обстоятельств дела, связанных с подозрением лица в совершении преступления. При этом обвиняемый не обязан оказывать в этом содействие. Отсюда и возникает необходимость в мерах принуждения...» [19. С. 873]. Никлаус Шмидт с иронией продолжает: «Опыт показывает: уголовное судопроизводство не достигло бы своих целей без вмешательства в права граждан в форме мер принуждения...» [20. С. 486].

УПК Швейцарии 2007 г. – единственный немецкоязычный УПК, где имеется самостоятельный институционально обособленный титул 5 «Меры принуждения» («*Zwangsmassnahmen*»), содержащий определение этой категории. Профессор Джонас Вебер обращает внимание на то, что в ранее действовавших кантональных УПК отдельный титул (*separater Teil*) с данным институтом, как правило, отсутствовал [21. С. 1133–1134]. Можно утверждать, что его появление, с одной стороны, является результатом развития швейцарской процессуальной науки, с другой – отражает теоретизацию уголовного судопроизводства. Напротив, Военный и Ювенальный УПК Швейцарии определения мер принуждения не содержат, как и отменённые УПК Ааргау 1958 г. и УПК Берна 1995 г.

Согласно ст. 196 УПК Швейцарии, мерами принуждения являются процессуальные действия органов уголовного судопроизводства, которые вторгаются в основные права затрагиваемых лиц и в этой связи направлены на то, чтобы: а) обеспечить доказательства; б) обеспечить участие лица в производстве по делу; в) обеспечить исполнение решений. Текст данной статьи, а следовательно, и законодательное понятие мер принуждения, не менялись ни разу с момента принятия кодекса 5 октября 2007 г.

Таким образом, меры принуждения, согласно УПК Швейцарии, имеют три основных признака. Рассмотрим их более подробно.

1) Процессуальные действия органов уголовного судопроизводства: полиции, прокуратуры, судов, органов, осуществляющих производство по уголовным делам о нарушениях (ст. 12 УПК).

Меры безопасности, меры по охране общественного порядка, применяемые полицией во внепроцессуальном порядке в соответствии со специальными законодательными актами (Постановление о мерах по борьбе с насилием при проведении спортивных мероприятий от 15 ноября 2007 г. и др.), не могут и не должны считаться мерами принуждения по смыслу ст. 196 УПК [21. С. 1134]. Границы между процессуальной и внепроцессуальной деятельностью полиции определяются наличием у неё так называемого начального подозрения (*Tatverdacht*): если полиция располагает информацией о совершенном или готовящемся преступлении, то она действует как орган уголовного судопроизводства, в остальных случаях – как субъект административного права.

Поскольку Ювенальный и в Военный УПК Швейцарии сохранили институт следственного судьи, то данный участник тоже входит в круг органов, уполномоченных применять меры принуждения. Отменённый УПК Ааргау 1958 г. допускал применение мер принуждения судебной полицией (§ 1), однако в настоящее время она упразднена.

Могут быть предписаны меры принуждения иностранным судом? По смыслу ст. 196 УПК Швейцарии на данный вопрос необходимо ответить отрицательно: каждое государство располагает суверенитетом и осуществляет уголовную юрисдикцию только на своей территории. Если из другой страны поступает запрос о правовой помощи, то решение о заключении лица под стражу с целью экстрадиции принимает именно швейцарский суд.

Сохраняют ли силу меры принуждения, предписанные на основании кантональных УПК, которые действовали до вступления в силу исторически первого, единого УПК Швейцарии 2007 г.? Кодекс даёт прямой утвердительный ответ на данный вопрос в абз. 2 ст. 448. Да, сохраняют.

Исключением из правила о применении мер принуждения органами уголовного судопроизводства является так называемое «гражданское задержание». Согласно ст. 218 УПК, если помощь полиции получить вовремя не представляется возможным, частные лица уполномочены самостоятельно произвести задержание, если:

а) лицо застигнуто при совершении преступления или уголовного проступка по горячим следам или непосредственно после совершения данного деяния; б) общественность привлечена к оказанию помощи при розыске (ч. 1); частные лица могут применять силу только в крайнем случае (ч. 2); задержанные должны быть переданы полиции настолько быстро, насколько это возможно (ч. 3).

Кроме того, согласно ч. 3 ст. 263 УПК, частные лица при опасности промедления могут передать предметы и документы, принадлежащие другому лицу, прокуратуре или суду. Например, граждане отобрали у прохожего огнестрельное оружие и передали его приехавшей по вызову полиции.

Оба исключения имеют экстраординарный характер и рассчитаны на особые случаи, когда граждане, как сказано в Послании к Федеральному Собранию Швейцарии, становятся «вспомогательным персоналом органов уголовного судопроизводства» (*Hilfspersonen der Strafbehörden*) [21. С. 1135].

2) Вмешательство в основные права. Например, обыск нарушает право лица на неприкосновенность жилища; взятие образцов крови – право лица на физическую неприкосновенность, задержание и заключение под стражу – право лица на свободу передвижения, прослушивание телефонных переговоров – право лица на тайну связи. Все эти права закреплены в Конституции Швейцарии 1999 г.

Нельзя говорить о мерах принуждения, если полиция или прокуратура производят осмотр места происшествия на открытом пространстве (например, на улице) и не происходит вторжение в конституционные права какого-либо лица. Если же полиция огородила ленточкой место происшествия и не допускает туда посторонних лиц, то речь не идёт о мерах принуждения в процессуальном смысле, поскольку они должны быть направлены на конкретное лицо и ограничивать его конкретные права.

Весьма любопытно поставить вопрос: может ли во вмешательство быть направлено не на позитивные, а на естественные права личности, не закреплённые в нормативно-правовых актах? Маркус Хуг считает, что нет: «Под основными правами понимаются любые права, закреплённые в Конституции Швейцарии, а также такие права, которые Швейцария признаёт в соответствии со своими *международными обязательствами*» [22. С. 942].

По нашему мнению, на данный вопрос необходимо ответить утвердительно, поскольку перечисление в Конституции основных прав и свобод человека не должно толковаться как отрицание или умаление других, общепризнанных прав и свобод. Особую актуальность данный вопрос приобретает при избрании такой меры принуждения, как запрет совершения определённых действий. Суд вправе запретить лицу не любые формы поведения, а лишь такие, которые могут негативно повлиять на ход уголовного судопроизводства.

3) Цель. Первая цель состоит в обеспечении доказательств. В силу ст. 6 УПК Швейцарии органы уголовного судопроизводства собирают с равной тщательностью обвинительные и оправдательные доказательства. Вместе с тем в некоторых случаях имеются основания

предполагать, что обвиняемый и третьи лица могут воспрепятствовать собиранию *обвинительных* доказательств [21. С. 1135] (гораздо тяжелее представить, чтобы потерпевший затруднял получение оправдательных доказательств). Вторая цель состоит в обеспечении участия в уголовном судопроизводстве лица, которое на протяжении всего процесса или его отдельной стадии имеет обязанность явиться или дать показания (*Erscheins- bzw. Anwesenheitspflicht*) [21. С. 1135]. Речь идёт об обвиняемом, свидетеле, эксперте и др. При этом в суде первой инстанции обвиняемый имеет такую обязанность, только если ему инкриминируется преступление или уголовный проступок или орган, ведущий производство по делу, признал обязательной его явку (ст. 306 УПК). Иначе говоря, у обвиняемого нет обязанности явиться, если имеет место заочное производство. Третья цель – обеспечение исполнения решения, по мнению Джонаса Вебера, интересна тем, что меры принуждения служат её достижению тогда, когда уголовное судопроизводство уже непосредственно окончено [21. С. 1136] (например, после вступления в силу обвинительного приговора имущество обвиняемого осталось под арестом). Он пишет: «В строгом смысле слова в содержательном отношении такие меры принуждения не могут считаться процессуальными» [21. С. 1135], хотя они и предусмотрены в Уголовно-процессуальном кодексе.

В швейцарской литературе справедливо отмечается, что рассмотренные выше цели могут сочетаться друг с другом. Так, заключение под стражу направлено на достижение всех трёх целей, установленных в УПК.

Прокурор Цюрихского кантона Маркус Хуг также относит к признакам мер принуждения то, что они применяются к лицу *помимо его воли* [22. С. 942]. Даже если лицо совершило явку с повинной и не возражает против заключения под стражу, то всё равно государство применяет к нему принуждение, от которого оно не может отказаться: из СИЗО нельзя удалиться по своему усмотрению, происходит ограничение личных, экономических и других прав лица.

Швейцарские процессуалисты затрагивают вопрос не только о том, что относится к признакам мер принуждения, но и о том, что к ним не относится. Джонас Вебер, один из авторов Базельского комментария к УПК Швейцарии, пишет: «Вопреки общему смыслу понятия меры принуждения, его необходимой предпосылкой не считается возможность направить против неё жалобу в судебную инстанцию. Это можно проиллюстрировать тем, что контроль за почтовыми и иными отправлениями и применение законспирированного агента – по крайней мере изначально – не могут быть оспорены затрагиваемым лицом, поскольку оно попросту не знает о данных мерах. Решающее значение в конструкции данного понятия является характеристика меры принуждения как вмешательства в основные права (*Qualität der Massnahme als Eingriffe in Grundrechte*)» [21. С. 1134].

Австрия

Профессор Х. Рёдер, пишет, что «в данном правовом порядке под мерами принуждения понимаются урегулиро-

ванные правом способы, направленные на получение и сохранение доказательств либо на обеспечение надлежащего поведения обвиняемого в уголовном процессе» [23. С. 160].

Автор делает акцент на три аспекта. Во-первых, меры принуждения предусмотрены нормативно-правовым актом (законом). Во-вторых, неразрывно связаны с процессом доказывания, прежде всего, с собиранием доказательств. В-третьих, данные меры применяются к лицу, в отношении которого ведётся уголовное судопроизводство. Вместе с тем УПК Австрии (§§ 134–140 и др.) допускает применение мер принуждения и к другим субъектам, которые не отражены в определении Х. Рёдера.

Профессор Штефан Зайлер делает небольшую красивую подводку к главе «Розыск, задержание, заключение под стражу»: «Возможность осуществлять уголовное преследование уголовно наказуемого деяния и лица, его совершившего, предоставляет государству и его органам полномочие и обязанность применить обеспечительные меры (*Sicherungsmittel*), способствующие ведению уголовного судопроизводства. Для прояснения вопроса, совершил ли обвиняемый инкриминируемое ему деяние и должен ли он быть наказан, нужно обеспечить доказательственный материал и участие данного лица в уголовном процессе. Обеспечительные меры, предусмотренные в УПК, направлены поэтому не только на вещи (например, изъятие, согласно § 115), но и также на личность» [24. С. 147].

Обратим внимание на следующие аспекты. Автор говорит не о мерах принуждения (*Zwangsmassnahmen*), как швейцарские и немецкие процессуалисты, а об обеспечительных мерах (*Sicherungsmittel*) – данная категория в анализируемых правовых порядках обычно используется в гражданском производстве. Во-вторых, их применение рассматривается как обязанность органов уголовного судопроизводства. Вместе с тем УПК Австрии не содержит указания на то, что меры принуждения должны иметь место в каждом уголовном судопроизводстве. В-третьих, интересна классификация обеспечительных мер, предлагаемая данным ученым на вещные и личные: одни воздействуют на имущество, другие – на обвиняемого, свидетеля, потерпевшего.

Представляется, что принуждение не может быть направлено на вещь. Оно может затрагивать имущественные или личные права участников уголовного судопроизводства.

4. Условия применения мер принуждения

В компаративном отношении можно выделить два подхода к данному институту.

В одних правовых порядках (Германия, Австрия, Лихтенштейн) в УПК не сформулированы какие-либо *общие* условия применения мер принуждения в уголовном процессе. Кодексы определяют *специальные* основания для заключения под стражу, домашнего ареста и т.д., но напрямую не устанавливают единых предпосылок для применения мер принуждения как специфической формы воздействия государства на поведение участников уголовного судопроизводства.

По сути, данный процессуальный институт в УПК Германии, Австрии и Лихтенштейна имеет только «осо-

бенную» часть. Какой-либо аналог ст. 97 УПК РФ («Основания для избрания меры пресечения») в данных кодексах не предусмотрен.

Вместе с тем немецкие процессуалисты А. Хартман и Р. Шмидт полагают, что, при применении мер принуждения органы уголовного судопроизводства должны учитывать принципы, предусмотренные в Конституции и УПК, а также основанные на них доктринальные начала: принцип правового государства, принцип законности, принцип соразмерности, принцип обоснованности («принцип правовых оснований») [25. С. 94].

Кроме того, «предпосылкой допустимости любой принудительной меры является её соразмерность (запрет превышения определённых пределов). Каждая мера должна быть пригодна для разъяснения подозрения; она обуславливается предпосылкой необходимости, что означает отсутствие более мягкого средства, позволяющего с той же действенностью добиться желаемого результата» [26. С. 42–43]. Речь идёт об экономии уголовно-процессуальной репрессии: более строгие меры принуждения предписываются только *ultima ratio*.

Кроме того, для применения мер принуждения в процессуальном значении данной категории необходимо наличие как такового уголовного судопроизводства. Если оно ещё не началось, то речь может идти об административном принуждении либо об иных формах оказания воздействия на физических или юридических лиц, но во всех этих случаях речь идёт о внепроцессуальном принуждении.

В других правовых порядках институт мер принуждения имеет как общую, так и особенную часть. Такой подход восходит к римскому праву. Дигесты Юстиниана прямо и недвусмысленно закрепляют следующее правило: при выборе меры принуждения «обычно принимается во внимание как характер преступления, в котором обвиняют лицо, так и общественное положение, значительное состояние, хорошая репутация и личные достоинства того, кого обвиняют (Д. 48.3.1) [27. С. 25]. Как мы видим, данная норма определяет общие условия, относящиеся к применению всех мер принуждения, а не отдельных из них.

УПК Швейцарии – единственный немецкоязычный УПК, где институт мер принуждения имеет общую и особенную части. Титул 5 «Меры принуждения» содержит раздел 1 «Общие предписания» и последующие разделы, посвящённые отдельным мерам принуждения и отдельным следственным действиям.

Согласно ч. 1 ст. 197 УПК, меры принуждения могут быть предписаны, только если:

1) Они предусмотрены законом. Это вытекает из того, что меры принуждения применяются на основе норм права. По общему правилу данным законом является УПК, но речь может идти и о некоторых сопутствующих ему правовых актах (например, Постановление об уголовной регистрации). Перечень мер принуждения является строго исчерпывающим (*numerus clausus*). Это отличает его от доказательств, перечень которых, наоборот, является открытым (*kein numerus clausus Prinzip*) [21. С. 1338].

Маркус Цуг отмечает: выражение «предусмотрены законом» означает «предусмотрены швейцарским законом» [21. С. 947]. Даже если заключается под стражу иностранный гражданин, данная процедура определяется непосредственно швейцарским УПК.

2) Имеются достаточные подозрения (*hinreichender Tatverdacht*). В доктрине подчёркивается, что указанные подозрения должны объективно существовать до избрания в отношении лица меры принуждения. Недопустимо применять меру принуждения, чтобы искусственно создать такие подозрения [22. С. 1336]. Подозрение должно подкрепляться конкретными доказательствами, а не быть субъективным мнением должностного лица органа уголовного судопроизводства.

Маркус Цуг отмечает: необходимо «не абстрактное подозрение, а подозрение в совершении конкретного деяния, предусмотренного Уголовным кодексом Швейцарии 1937 г. (пункт, часть, статья)» [22. С. 948]. Одно только подозрительное поведение или подозрительный внешний вид не может служить основанием для применения меры принуждения. Изменение квалификации преступления и получение новых доказательств может обосновать избрание более мягкой, более строгой меры принуждения либо её отмену.

В швейцарской доктрине поднимается интересный вопрос: подозрение – это категория качественная (конкретная) или количественная (оценочная)? Иначе говоря: подозрение либо есть, либо его нет? Или же оно бывает очень сильное, сильное, среднее, лёгкое, слабое, очень слабое? И в таком случае какое из них является основанием для избрания меры принуждения? Джонас Вебер считает, что подозрение представляет собой количественное (оценочное) понятие. Серьёзность подозрений (дословно «*gradus* подозрений» – *Verdachtgrad*) оказывает влияние на строгость избираемой меры принуждения [21. С. 1339]. Если подозрение слабое, то можно ограничиться мягкими мерами принуждения, если сильное – допустимо отправить обвиняемого в СИЗО.

3) Для достижения поставленных целей не могут быть применены более мягкие меры. Если специалисты по уголовному праву говорят об экономии уголовно-правовой репрессии, то специалисты по уголовно-процессуальному праву с опорой на данную норму могут вести речь об экономии уголовно-процессуальной репрессии. В широком смысле и то, и другое относится к *criminal matter*.

4) Тяжесть преступного деяния оправдывает меру принуждения. С опорой на УПК Джонас Вебер пишет о принципе разумности (*Zumutbarkeit*) [21. С. 1340], а Маркус Хуг – о пропорциональности (*Proportionalität*) [22. С. 952] при избрании меры принуждения. В данном случае многое зависит от усмотрения органа уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной политики, которой он придерживается.

5) Маркус Хуг называет ещё одну предпосылку: начавшееся уголовное судопроизводство [22. С. 952]. Иначе говоря: нет уголовного процесса – нет мер уголовно-процессуального принуждения. Единственным исключением является так называемое гражданское за-

держание (ст. 218 УПК). Пример: частные лица получили информацию о преступлении и мешают лицу, застигнутому по горячим следам, скрыться. Государство пока ещё не располагает информацией об этом событии, следовательно, *de facto* мера принуждения применена до начала уголовного процесса.

К сказанному выше Кодекс делает два важных уточнения.

Согласно ч. 2 ст. 197 УПК, меры принуждения, которые затрагивают права не обвиняемых, а других лиц, должны назначаться особенно сдержанно. По словам Джонаса Вебера, *общим правилом* является применение мер принуждения именно к обвиняемому. В отношении иных участников они допускаются только в особых случаях, при наличии заслуживающих внимания обстоятельств [21. С. 1339].

В соответствии со ст. 200, при применении мер принуждения использование силы допустимо только в крайних случаях; оно должно быть соразмерным. Как красиво говорилось в отменённом УПК Берна 1995 года, «нельзя применять никакую излишнюю суровость» (*keine nötige Strenge*) (ст. 167). Речь идёт в первую очередь о физическом воздействии на обвиняемого [21. С. 1349]. Перечень таких средств (электрошокеры, слезоточивый газ, наручники и др.) предусмотрен в первую очередь в законодательстве о полиции. В некоторых случаях УПК содержит императивный запрет на применение отдельных форм воздействия на лицо, в отношении которого ведётся производство: согласно ст. 211, обвиняемый присутствует при рассмотрении дела без наручников.

Представляется, что второй рассмотренный подход делает институт мер принуждения более системным, структурирует его, позволяет выделить в нём общую и особенную части. Опыт Швейцарии ввиду глубокой теоретической разработки общих условий применения мер принуждения представляет значительный интерес для компаративного анализа.

5. Соотношение мер принуждения с другими правовыми институтами

Институт мер принуждения не может рассматриваться изолированно, поскольку органически связан с другими институтами уголовного процесса и уголовного права.

Соотношение мер принуждения и следственных действий

Германия

Немецкие процессуалисты никогда строго не разграничивали следственные действия и меры принуждения.

Ф.-К. Шредер и Т. Феррел выделяют меры принуждения, применяемые в целях производства расследования, в целях обеспечения доказательств, в целях обеспечения возможности проведения процесса, в целях исполнения приговора, в целях предотвращения преступлений [18. С. 80]. Как мы видим, во втором случае меры принуждения органически сопровождают производство следственного действия и, по сути, становятся его частью.

Интересно, что в учебнике Ф.-К. Шредера параграф «Меры принуждения и другие вмешательства в основные права при дознании и обеспечении доказательств» помещен в главу «Доказывание и собирание доказательств» [28. С. 74–81]. Складывается впечатление, что доказывание – это общее понятие, а меры принуждения – один из его признаков.

Ф.-К. Шредер и Т. Феррел относят к мерам принуждения обыск, уголовную регистрацию, получение отпечатков пальцев, деятельность КПП на улицах и площадях (так называемая «полицейская облава»), выемку почты, изъятие предметов, наблюдение за средствами телекоммуникации, акустическое наблюдение за жилищем, принудительное введение рвотных препаратов, легализованное Конституционным судом ФРГ [18. С. 80–81]. Примечательно, что они подразделяют меры принуждения на гласные и негласные; во втором случае обвиняемый или иной участник процесса может и не осознавать применения к нему принуждения. В российской науке обычно говорят про гласные и негласные следственные действия – меры принуждения в принципе не могут быть негласными.

А. Хартман и Р. Штобер относят к мерам принуждения получение информации для розыска и сопоставление данных, изъятие почтовых отправлений, наблюдение за телекоммуникациями, акустическое прослушивание помещения, акустическое наблюдение за пределами жилища, получение изображений и применение технических средств наблюдения, применение законспирированного агента, предписание полицейского наблюдения, долгосрочное наблюдение [25. С. 96].

Большинство следственных действий УПК ФРГ и немецкая доктрина рассматривают в качестве мер принуждения [29. С. 122], таким образом, данные институты строго не разграничиваются.

Швейцария

УПК Швейцарии разграничивает следственные действия и другие процессуальные институты, включая меры принуждения, достаточно условно.

Титул 4 Кодекса озаглавлен как «Доказательства» и регулирует 4 следственные действия, направленные на их получение, а именно: 1) допрос, 2) очную ставку, 3) экспертизу и 4) осмотр.

Титул 5 называется «Меры принуждения», и в нём, помимо норм собственно о мерах принуждения в отечественном понимании данной категории, содержатся предписания, регулирующие ещё пять следственных действий: 1) обыски и обследования, 2) ДНК-анализ, 3) уголовная регистрация, взятие образцов почерка и речи, 4) выемка, 5) тайные наблюдения.

Чем руководствовался швейцарский законодатель, разделяя следственные действия по двум корзинам между главами о доказательствах и о мерах принуждения? Анализ норм УПК Швейцарии не позволяет обнаружить ни одного ясно выраженного критерия: в обоих случаях принуждение может быть, а может и не иметь места (если лицо добровольно соглашается выполнить требования прокуратуры или полиции); конституционные права и в первом, и во втором случае могут подлежать ограничению, а могут и

не подлежат; в обоих случаях принуждение может быть произведено в отношении как обвиняемого, так и иных участников (например, свидетеля или потерпевшего). В связи с этим можно сделать вывод о достаточно условном характере разграничения следственных действий и мер принуждения в данном процессуальном порядке.

Австрия

Профессор Х. Рёдер пишет, что меры принуждения подразделяются на две группы: первая обеспечивает неуклонение от участия в процессе обвиняемого, установление истины, а также препятствует совершению новых преступлений, другая служит *получению и сохранению доказательственного материала и вещественных доказательств*, которые подлежат изъятию и конфискации [23. С. 160]. Как мы видим, данный процессуалист рассматривает меры принуждения в качестве средства обеспечения собирания доказательств. К слову, к мерам принуждения он относит обыск, выемку, различные виды оперативного вмешательства.

Примечательно, что в УПК Австрии вторая группа мер принуждения объединена со следственными действиями в единую главу «Следственные действия и собирание доказательств». Тем самым австрийский законодатель, подобно немецкому и швейцарскому, выражает свою позицию о неразрывном единстве данных процессуальных институтов.

Соотношение мер принуждения и уголовного наказания

Тесную взаимосвязь наказания и мер принуждения подчёркивали ещё дореволюционные российские процессуалисты. И.Я. Фойницкий справедливо писал: «Сущность этих мер состоит в том, что для достижения целей правосудия суду предоставляется возможность налагать на частных лиц различные ограничения, доходящие в некоторых случаях до степени, близкой к *наказанию*» [30. С. 305].

Как мы видим, по своему содержанию некоторые меры принуждения напоминают уголовные наказания: заключение под стражу похоже на лишение свободы, ограничение свободы – на запрет совершения определённых действий, денежное взыскание – на штраф и др. Основное сходство между ними состоит в том, что принуждение является общим признаком и уголовного наказания, и мер принуждения.

Германия

Вопрос о зачёте срока заключения под стражу в срок наказания рассматривается не только в уголовно-правовой, но и в уголовно-процессуальной литературе.

Ф.-К. Шредер и Т. Феррел утверждают, что при вынесении обвинительного приговора осуждённый получает некоторую выгоду, поскольку он имел возможность отбыть часть наказания в более лёгких условиях. По их наблюдению, «слишком часто назначаемое судом наказание совпадает со сроком заключения под стражу; таким образом, заключение под стражу представляет собой предварительное обременение исполнителя деяния, которое требует от суда серьёзного обоснования» [18. С. 109].

Отсюда можно сделать вывод, что немецкие суды фактически исходят из органического единства заключения под стражу и уголовного наказания: если лицо провело один год в СИЗО, то это почти то же самое, что оно провело это время в тюрьме. В этом случае обвиняемому на практике назначают лишение свободы на такой срок, чтобы в результате произведённого зачёта он мог выйти на свободу после объявления ему приговора.

Швейцария

Согласно УК Швейцарии, «судья засчитывает предварительное заключение в срок лишения свободы, если осуждённый своим поведением после совершения преступного деяния сам не вызвал предварительное заключение или продление его. Если осуждённый приговорён только к штрафу, то судья может соответствующим образом учесть предварительное заключение» (ст. 69) [31. С. 20].

Как мы видим, зачёт не является автоматическим и связан с дискреционным усмотрением суда.

Данная норма ещё до принятия единого унифицированного Уголовного кодекса Швейцарии была известна отдельным кантональным законодательствам, но не всем. Например, УК Невшателя 1891 г. гласит: «Предварительное содержание засчитывается в срок отбытия наказания, вполне или отчасти, по усмотрению суда; такой зачёт обязателен только в том случае, если виновный сознался в совершении преступления и дал полные и точные показания *при первом же допросе* у судебного следователя. Уложение допускает также принятие в расчёт времени предварительного задержания, отбытого в других государствах в случае выдачи преступника для суда невшательскому кантону» [32. С. 167].

Любопытно, что в качестве условия зачёта закон называет признание вины «при первом же допросе». Вероятно, запоздалое раскаяние, по замыслу законодателя, не должно улучшать положение лица.

Австрия

Согласно § 38 УК Австрии, срок временного задержания (*vorläufige Verwahrung*) и заключения под стражу (*Untersuchungshaft*) засчитывается при назначении наказания в виде лишения свободы или денежного штрафа, если в отношении лица применялось заключение: 1) в производстве в отношении деяния, которое наказывается лишением свободы; 2) в производстве по подозрению в совершении деяния, находящегося под угрозой наказания – и в обоих случаях только в той мере, в которой заключение ещё не зачтено в счёт другого приговора или заключённому не выплачена компенсация за него. Решение о зачёте принимается судом первой инстанции в самостоятельном производстве в соответствии с § 400 УПК Австрии.

Данная норма позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, по смыслу УК Австрии, заключение под стражу допускается даже тогда, когда за совершение уголовно наказуемого деяния не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Во-вторых, зачёт не является автоматическим и может не производиться при указанных выше обстоятельствах.

Профессор Элена Бахнер-Фориггер, комментируя данную норму, обращает внимание на то, что зачёт производится однократно и окончательно (бесповоротно) [33. С. 53].

Можно продолжить данную мысль: если в рамках уголовного правоотношения государство – это кредитор, а обвиняемый – должник, то взаимный зачёт между ними погашает основанные на нормах уголовного закона их взаимные требования.

***

В немецкой литературе подчёркивается, что меры принуждения имеют некоторое сходство с обеспечительными мерами в гражданском процессе, поскольку последние также направлены на принуждение участников судопроизводства к выполнению возложенных на них обязанностей.

Одновременно с этим Ф.-К. Шредер и Т. Феррел подчёркивают, что меры принуждения в уголовном процессе стоят достаточно далеко от институтов гражданского судопроизводства и уж тем более от зачета в гражданском законодательстве. С иронией они отмечают: «... в уголовно-процессуальном праве возникают настолько специфические проблемы, что сходств с другими видами процесса остаётся совсем немного. Одно из немногих сходств состоит, например, в порядке доставки» [18. С. 13].

Подводя итог, сделаем краткие выводы по теме исследования.

1) Принуждение является универсальной характеристикой уголовного судопроизводства любого вида независимо от исторической эпохи и социальных условий, в которых оно функционирует. Сказанное в одинаковой степени касается судопроизводства в Германии, Швейцарии, Австрии и др. Вместе с тем задача законодателя состоит в поиске оптимального баланса убеждения и принуждения. Их разумное соотношение позволяет в лучшей степени достичь цели, задачи, назначения уголовного судопроизводства.

2) Вопрос о сущности принуждения привлекал внимание немецких, швейцарских, австрийских философов, творивших в Новое время. Они обстоятельно разрабо-

тали сущность принуждения, определили его соотношение со свободой и с убеждением. При правовом исследовании института мер принуждения не следует забывать, что этот термин имеет глубокое философское основание.

3) В немецком языке термин «мера принуждения», как правило, обозначается *Zwangsmittel*. Синонимичные или близкие выражения не получили широкого распространения ни в законодательстве, ни в юридической литературе. Обращает на себя внимание то, что термин *Zwangsmittel* не содержит в себе прилагательное «процессуальный», поскольку все институты, помещённые в УПК, являются процессуальными.

4) УПК Швейцарии – единственный немецкоязычный УПК, в котором содержится легальное определение понятия «мера принуждения». К его существенным признакам относятся: а) процессуальные действия органов уголовного судопроизводства; б) вмешательство в основные права; в) цели, предусмотренные в законе. Отметим, что разработчики УПК РФ, несмотря на их безмерную любовь к определениям (ст. 5), дефиницию мер принуждения в кодекс не включили.

5) УПК Германии и Австрии не содержат указания на общие условия применения мер принуждения. УПК Швейцарии, напротив, предусматривает их. По сути, они представляют собой *общую* часть института мер принуждения (подобно российскому ГК), в то время как к *особенной* относятся заключение под стражу, домашний арест, залог, обязательство о явке и др. Это положительным образом говорит о высокой теоретизации швейцарского кодекса, близости науки и законодательства этой страны.

6) В рассматриваемых правовых системах по своей природе меры принуждения ближе всего стоят к следственным действиям и уголовному наказанию. Это проявляется в том, что УПК чётко не разграничивают следственные действия и меры принуждения; при этом в силу принципа справедливости и принципа гуманизма срок, проведённый в СИЗО, при определённых условиях (не автоматически) засчитывается осуждённому в срок лишения свободы.

Список источников

1. Шеллинг Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1987. 637 с.
2. Лейбниц. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1982. 636 с.
3. Фихте И. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мифрил, 1993. 687 с.
4. Трефилов А.А. Жан-Жак Руссо об уголовном праве и уголовном процессе. М. : НИПУЦ. Восход-А, 2020. 176 с.
5. Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. М. : Мысль, 1994. 613 с.
6. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Мысль, 1950. 308 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990. 265 с.
8. Иеринг Р. фон. Цель в праве. СПб., 1881. 217 с.
9. Ленин В.И. Государство и революция. М. : АСТ, 2019. 512 с.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1986. 782 с.
11. Кельзен Г. Чистое учение о праве. М. : Алет-Пресс, 2015. 704 с.
12. Матузов Н.И. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2005. 245 с.
13. Creifelds C. Rechtswörterbuch. München, 2012. 145 p.
14. Бутов В.Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 200 с.
15. Большой немецко-русский словарь / под ред. К. Лейн, Д.Г. Мальцевой, А.Н. Зуева. М. : Русский язык, 2004. 1040 с.
16. *Abbyu Lingvo*. Немецко-русский юридический словарь / под ред. П.И. Гришаева, М. Беньямина. М. : Русский язык, 2010. 624 с.
17. Большой немецко-русский словарь / под ред. К. Лейн, Д.Г. Мальцевой, А.Н. Зуева. М. : Русский язык, 2005. 1025 с.

18. Шрёдер Ф.-К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии / пер. с нем. М.А. Кудратова. М. : Инфотропик, 2016. 304 с.
19. Pieth M. Schweizerische Strafprozessrecht. Basel, 2010. 288 p.
20. Schmid N. Handbuch des Schweizerischen Strafprozessrechts. Zürich, 2013. 954 p.
21. Weber J. Art. 196 // Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. Basel, 2010. 288 p.
22. Hug M. Art. 196 // Andreas Donatsh, Thomas Hansjakob, Viktor Lieber. Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung. Zürich, 2010. 940 p.
23. Röder H. Lehrbuch des österreichischen Strafverfahrensrecht. Wien, 1976. 289 p.
24. Seiler S. Strafprozessrecht. Wien, 2009. 206 p.
25. Hartman A., Stober R. Strafprozessrecht. Bremen, 2008. 229 p.
26. Головневков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия – Strafprozessordnung / науч.-практ. ком. и пер. текста закона со вступительной статьёй профессора Уве Хельмана. Потсдам, 2012. 408 с.
27. Дигесты Юстиниана. Том VII, полумтом 2 / под ред. Л.Л. Кофанова. М. : Статут, 2005. 564 с.
28. Schröder F.-Ch. Strafprozessrecht. München, 2007. 189 p.
29. Уголовный процесс европейских стран / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М. : Проспект, 2018. 752 с.
30. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1910. 607 с.
31. Уголовный кодекс Швейцарии / пер. Н.С. Лапшиной. М. : Юрид. Центр Пресс, 1941. 138 с.
32. Новое Невшательское уголовное уложение // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. № 9. С. 27–32.
33. Strafgesetzbuch / herausgegeben von Dr. Helene Bachner-Foregger. Wien, 2009. 216 p.

References

1. Schelling, F. (1987) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
2. Leibniz, G.W. (1982) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
3. Fichte, J.G. (1993) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mifril.
4. Trefilov, A.A. (2020) *Zhan-Zhak Russo ob ugovolnom prave i ugovolnom protsesse* [Jean-Jacques Rousseau on criminal law and criminal procedure]. Moscow: NIPUTs. Voskhod-A.
5. Kant, I. (1994) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected works: in 8 volumes]. Vol. 6. Moscow: Mysl'.
6. Vyshinskiy, A.Ya. (1950) *Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave* [Theory of forensic evidence in Soviet law]. Moscow: Mysl'.
7. Hegel, G.W.F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl'.
8. hering, R. von. (1881) *Tsel' v prave* [Purpose in law]. St. Petersburg: [s.n.].
9. Lenin, V.I. (2019) *Gosudarstvo i revolyutsiya* [State and revolution]. Moscow: AST.
10. Engels, F. (1986) *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva* [Origin of the family, private property and state]. In: Marx, K. & Engels, F. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected works: in 3 volumes]. Moscow: Politizdat.
11. Kelsen, H. (2011) *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law]. Moscow: Alef-Press.
12. Matuzov, N.I. (2005) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: Yurist'.
13. Creifelds, C. (2012) *Rechtwörterbuch*. München: Beck.
14. Butov, V.N. (1988) *Ugolovnyy protsess Avstrii* [Austrian criminal procedure]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
15. Leyn, K., Mal'tseva, D.G. & Zuev, A.N. (eds) (2004) *Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar'* [Large German-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
16. Grishaev, P.I. & Ben'yaminov, M. (eds) (2010) *Abbyy Lingvo. Nemetsko-russkiy yuridicheskiy slovar'* [Abbyy Lingvo. German-Russian Dictionary of Law]. Moscow: Russkiy yazyk.
17. Leyn, K., Mal'tseva, D.G. & Zuev, A.N. (eds) (2005) *Bol'shoy nemetsko-russkiy slovar'* [Large German-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
18. Schröder, F.-Ch. & Ferrel, T. (2016) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Germanii* [Criminal procedural law in Germany]. Translated from German by M.A. Kudratov. Moscow: Infotropik.
19. Pieth, M. (2010) *Schweizerische Strafprozessrecht*. Basel: [s.n.].
20. Schmid, N. (2013) *Handbuch des Schweizerischen Strafprozessrechts*. Zürich: Dike Verlag.
21. Weber, J. Art. 196. In: Niggli, M., Heer, M. & Wiprächtiger, H. (Hrsg.) *Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung*. Basel: Helbing Lichtenhahn Verlag.
22. Hug, M. (2010) Art. 196. In: Donatsh, A., Hansjakob, T. & Lieber, V. (Hrsg.) *Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung*. Zürich: Schulthess Verlag.
23. Röder, H. (1976) *Lehrbuch des österreichischen Strafverfahrensrecht*. Wien: Springer.
24. Seiler, S. (2009) *Strafprozessrecht*. Wien: Facultas Verlag.
25. Hartman, A. & Stober, R. (2008) *Strafprozessrecht*. Bremen: [s.n.].
26. Golovnenkov, P. & Spitsa, N. (2012) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya – Strafprozessordnung. Nauch.-prakt. kom. i per. teksta zakona* [Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany — Strafprozessordnung. Scientific and practical commentary and translation of the text of the law]. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam.
27. Kofanov, L.L. (ed.) (2005) *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian]. Vol. VII (2). Moscow: Statut.
28. Schröder, F.-Ch. (2007) *Strafprozessrecht*. München: Beck.
29. Samarin, V.I. & Lutsik, V.V. (eds) (2018) *Ugolovnyy protsess evropeyskikh stran* [Criminal procedure of European countries]. Moscow: Prospekt.
30. Foyntsiy, I.Ya. (1910) *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Criminal proceedings course]. Vol. 2. St. Petersburg.
31. Switzerland. (1941) *Ugolovnyy kodeks Shveysarii* [Swiss Criminal Code]. Translated by N.S. Lapshina. Moscow: Yurid. Tsentr Press.
32. *Zhurnal grazhdanskogo i ugovolnogo prava*. (1892) *Novoe Nevshatel'skoe ugovolnoe ulozhenie* [New Neuchâtel Criminal Code]. 9. pp. 27–32.

33. Bachner-Foregger, H. (Hrsg.) (2009) *Strafgesetzbuch*. Wien: MANZ Verlag.

Информация об авторе:

Трефилов А.А. – доцент Департамента уголовного права и систем судопроизводства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук (Москва, Россия). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Trefilov, Cand. Sci. (Law), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.851.3

doi: 10.17223/23088451/22/23

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Евгения Сергеевна Чуканова¹, Алена Игоревна Бабченко²

^{1,2} *Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия*

¹ *upik2021@mail.ru*

² *alena8babchenko8@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается зарубежный опыт использования технологий искусственного интеллекта в целях предупреждения совершения преступлений в таких странах, как США, Китай. Анализируются преимущества и недостатки использования программ предиктивной полиции, основанных на высокоинтеллектуальных технологиях, в США и Китае. Проведен правовой анализ законодательства в области искусственного интеллекта в зарубежных странах, на основании которого выделены различия в подходах правового регулирования высокоинтеллектуальных технологий. Раскрываются правовые проблемы применения программ предиктивной полиции с точки зрения российского законодательства.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, искусственный интеллект, предиктивная полиция, зарубежный опыт

Для цитирования: Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Искусственный интеллект в противодействии преступности: международно-правовой аспект // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 138–142. doi: 10.17223/23088451/22/23

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/23

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COUNTERING CRIME: AN INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

Evgenia S. Chukanova¹, Alena I. Babchenko²

^{1,2} *Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation*

¹ *upik2021@mail.ru*

² *alena8babchenko8@gmail.com*

Abstract. The inconsistency of legislation in different countries in the regulation of artificial intelligence is an international problem, the solution of which is difficult in the modern geopolitically fragmented world. The adoption of a unified model for regulating this area throughout the world will lead to the absence of conflicts in the laws of different states and will allow countries to cooperate in the development and application of rules for the use of artificial intelligence. However, the reality of developing such a model is debatable. It should be noted that, in many ways, artificial intelligence systems that were predicted to be effective in reducing crime rates have not justified themselves. Analyzing the PredPol program operating in the United States, as well as predictive police technologies in the Xinjiang region of China, we came to the conclusion that the use of such systems can lead to a number of problems: inaccuracy of results, inequality and discrimination against people, restriction of fundamental rights of citizens, leak of confidential information. Russia is in no hurry to introduce predictive systems into the activities of law enforcement agencies. On the one hand, the introduction of new technologies should increase the effectiveness of police work: reduce the time for analyzing large amounts of data, identifying trends and patterns of crimes in order to timely prevent the commission of new crimes. On the other hand, the imperfection of predictive systems can call into question the fairness of Russian justice.

Keywords: crime prevention, artificial intelligence, predictive police, foreign experience

For citation: Chukanova, E.S. & Babchenko, A.I. (2023) Artificial intelligence in countering crime: An international legal aspect. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 138–142. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/23

Технологический прогресс не стоит на месте, и люди постоянно изобретают новые способы для облегчения своей жизни. Целью разработки искусственного интеллекта (далее – ИИ) являлось выполнение задач, которые традиционно считались прерогативой человека.

К таким, например, относятся распознавание образов, машинное обучение, обработка естественного языка, принятие решений и планирование. Например, программа «Элиза», созданная в 1966 г., была способна синтезировать речь и могла стать хорошим собеседником.

В свою очередь «суперкомпьютер» IBM Deep Blue в 1997 г. одержал победу над чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым [1].

ИИ нашел свое применение в самых различных областях, таких как медицина, инженерия, быт человека, цифровое правосудие, юриспруденция, которые рассматривают искусственный интеллект с разных сторон. Роботы могут стать либо нашими помощниками в раскрытии и расследовании преступлений, либо новой угрозой общественным отношениям. В связи с этим возникает необходимость в правовом регулировании ИИ, которое должно учитывать его потенциальные преимущества и риски, а также обеспечивать защиту прав и свобод человека.

В XXI в. в результате распространения цифровой преступности актуальным направлением использования технологий ИИ стало предупреждение совершения преступлений. Согласно данным МВД России за 2022 г., каждое четвертое преступление совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе сети интернет. Доля преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий или в сфере компьютерной информации, составляет четверть всех преступлений (26,5%) [2] и продолжает расти: так, за январь–август 2023 г. доля преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий возросла на 28,7% [3].

Борьбе с цифровой преступностью уделяется достаточное внимание, однако традиционные методы не всегда эффективны. Непредсказуемость, анонимность преступника в виртуальной среде является преградой в расследовании и предупреждении киберпреступлений; для преодоления данной преграды полиция в разных странах прибегает к высокоинтеллектуальным технологиям.

Опыт предупреждения преступлений в зарубежных странах показывает, что особой популярностью в США и в Великобритании пользуются системы Predictive Policing, основной задачей которых является предсказание времени и места совершения различного рода преступлений в результате исследования такими системами большого количества информации без использования персональных данных [4]. Наиболее известная программа PredPol базируется на разработках Калифорнийского университета, эффективность ее деятельности остается под большим вопросом. Некоторые исследования показывают, что эти системы могут быть эффективными в снижении уровня преступности; например, в первые годы предиктивные системы пользовались успехом. В г. Санта-Крус число ограблений уменьшилось на 44% [5], однако успех программы был недолгим, и через некоторое время Санта-Крус стал первым городом, запретившим ее использование. Другие исследования ставят под сомнение эффективность систем PredPol, так как анализ статей и литературы по поводу действенности данной системы позволил выделить несколько проблем, оказывающих влияние на ее эффективность:

- качество данных, которые используются для обучения систем, т.е. использование неполных или неточных данных, может привести к тому, что система будет давать ошибочные прогнозы;

- дискриминация людей по признаку расы. По данным, предоставленным Министерством Юстиции США, чернокожих людей арестовывают примерно в 2 раза чаще, чем белокожих [6]. В связи с этим анализ таких данных искусственным интеллектом способен привести к неравенству и расизму, что и являлось одной из причин отказа г. Санта-Крус от использования PredPol;

- утечка информации, предназначенной для служебного пользования. Так, по словам журналистов, им удалось получить данные «с незащищенных серверов» и опубликовать их. Опубликованные данные критикуют систему PredPol, ссылаясь на расовую и иную дискриминацию людей программой [7];

- необходимость значительных финансовых затрат. Не все регионы США считают целесообразным финансировать предиктивные системы, так как их эффективность еще не доказана.

США является не единственной страной, прославленной своими системами Predictive policing. В Китае уже несколько лет используются биометрическая система распознавания лиц, которая является эффективным инструментом в борьбе с преступностью, в базе данных которой есть данные о лицах, находящихся в розыске. Разработчики систем распознавания лиц подчеркивают, что постоянная работа многочисленных видеокамер необходима для обеспечения безопасности граждан. «Умные» видеокамеры способны распознать движения людей и в случае их нахождения в здании в тот период времени, когда людей не должно быть, отправить сигнал в отдел внутренней безопасности [8].

США являются одними из лидеров в области ИИ, который смог привлечь значительное число технологических компаний на свой рынок. Поддержание инновационных проектов и стартапов в этой сфере требует определенного правового регулирования. В 2019 г. в США была принята Стратегия развития ИИ «The national artificial intelligence research and development strategic plan», в которой планируется использовать ИИ во всех сферах общества:

- создать атмосферу открытости и сотрудничества в сфере ИИ;

- развить высококлассную и эффективную интеллектуальную экономику;

- построить безопасное интеллектуальное общество;
- развить технологии искусственного интеллекта в области военной промышленности;

- разработать новые крупные научно-технические проекты в области искусственного интеллекта и т.д. [9].

Стратегия развития ИИ – не единственный нормативный правовой акт, регулирующий области высокоинтеллектуальных технологий. В США действуют Приказ Президента США от 2019 г. «Поддержание американского лидерства в области искусственного интеллекта»; проект «Билль о правах» в сфере ИИ, в рамках которого утверждаются принципы открытости, прозрачности, безопасности, эффективности использования ИИ, защиты конфиденциальности данных при его использовании; «Принципы разработки, развертывания и использования генеративных технологий искусственного интеллекта», выпущенные Ассоциацией вычислительной техники США в 2023 г. [10].

На законодательной сессии 2019 г. законопроекты и резолюции, конкретно касающиеся ИИ, были представлены примерно в 20 штатах, среди которых были приняты в Алабаме, Калифорнии, Делавэре, Гавайях, Айдахо, Иллинойсе, Нью-Йорке, Техасе и Вермонте [11].

Широкое применение технологии ИИ нашли в регионе Синьцзян (запад Китая). В 2016 г. с приходом к власти нового лидера в Синьцзян стали использоваться новые технологии для наблюдения за населением – программа предиктивного полицейского учета [12]. На основе анализа большого массива данных система способна предсказать, кто совершит преступление в будущем, на основании чего полиция Синьцзян может задерживать человека.

По всему Китаю размещено более 170 млн камер [13], используемых для отслеживания передвижения граждан и для выявления подозрительной активности, многие из которых способны опознать человека на расстоянии 15 км [14]. На всей территории Китая используются специальные устройства (вайфай-снифферы), которые перехватывают и анализируют сетевой трафик смартфонов, компьютеров и других устройств [15]. Стремление к обеспечению безопасности в информационной сфере привело к тотальному контролю китайской власти над людьми: отсутствие прав на неприкосновенность частной жизни, личную тайну, права на свободу передвижения и слова.

Китайское правительство также принимает ряд мер для содействия развитию ИИ: создание центров исследований и разработок ИИ, разработка нормативных правовых актов регулирования сферы ИИ. Нормативную правовую базу Китая в области ИИ составляют: Белая книга по стандартизации искусственного интеллекта 2018 г.; Fake AI Act 2019 г., предусматривающий уголовную ответственность за предоставление ложной информации с помощью ИИ; Закон о защите персональных данных 2021 г., регулирующий порядок использования и хранения персональных данных, в том числе собранных при помощи технологий ИИ. В 2023 г. в Китае были приняты новые правила регулирования ИИ: Положения об управлении глубоким синтезом в информационном сервисе интернета, Временные положения об управлении сервисами генеративного искусственного интеллекта, Пробные меры по этическому обзору научно-технической деятельности [16].

Европейским союзом в 2023 г. был издан Закон «Об искусственном интеллекте», которым критикуются цели использования ИИ правительством Китая и подчеркивается недопустимость такого применения высокоинтеллектуальных технологий. Закон разделит приложения и программы, базирующиеся на ИИ, на три категории: программы неприемлемого риска, программы высокого риска и те программы, которые явно не запрещены и остаются пока нерегулируемыми. Социальный рейтинг Китая в соответствии с данной Европейским Союзом классификацией относится к программам, которые создают неприемлемый риск [17].

В России практически не применяются прогностические возможности ИИ, и предпочтение отдается использованию ИИ для быстрого анализа и обработки больших

массивов данных, а также осуществления мониторинга в целях выявления преступлений. В нашем государстве отсутствует опыт использования систем Predictive policing, поэтому предиктивным технологиям в России только еще предстоит развиваться.

Применение предиктивных систем не должно противоречить законодательству России, а совершенствование законодательства необходимо осуществлять одновременно с внедрением новых технологий. Так, использование высокоинтеллектуальных технологий для прогноза совершения преступлений может столкнуться со следующими проблемами в уголовном и уголовно-процессуальном праве:

– одной из целей использования предиктивных систем является обнаружение преступления на ранних его стадиях. В соответствии с Российским уголовным законодательством существует две юридически значимых стадии неоконченного преступления: приготовление и покушение. Согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ [18], ответственность может наступить только за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Предиктивные системы способны обнаруживать и преступления иной тяжести в стадии приготовления, за что уголовная ответственность не наступает, а к виновнику не смогут быть применены карательные меры;

– уголовно-процессуальный закон предусматривает исчерпывающий перечень оснований задержания [19], при этом такое основание, как прогноз, составленный предиктивной системой, в законе не предусмотрено. Не совершенствование предиктивных систем не позволяет сейчас рассматривать данное положение в качестве введения нового основания задержания.

Противоречивость законодательств разных стран в области регулирования сферы ИИ является международной проблемой, решение которой в современном геополитически раздробленном мире затруднено. В свою очередь принятие единой модели регулирования сферы ИИ во всем мире приведет к отсутствию конфликтов в законодательствах разных государств и позволит странам сотрудничать в разработке и применении правил использования ИИ. Однако реальность выработки такой модели правового регулирования ИИ носит дискуссионный характер.

Подводя итог, следует отметить, что во многом системы ИИ, которым пророчили результативность в сфере снижения уровня преступности, не оправдали себя. Изучая программу PredPol, действующую на территории США, а также технологии предиктивной полиции в регионе Синьцзян Китая, мы пришли к выводу, что использование таких систем может повлечь ряд проблем:

- неточность результатов;
- неравенство и дискриминация людей;
- ограничение основных прав граждан;
- утечка конфиденциальной информации.

Россия не торопится внедрять предиктивные системы в деятельность правоохранительных органов.

С одной стороны, внедрение новых технологий должно повысить результативность работы полиции: сократить время на анализ больших массивов данных,

оперативно выявлять тенденции и закономерности совершения преступлений с целью своевременного предупреждения совершения новых преступлений.

С другой стороны, несовершенство предиктивных систем способно поставить под сомнение справедливость российского правосудия.

Список источников

1. *Искусственный интеллект. Простыми словами о сложном*. URL: <https://bluescreen.kz/longread/8533/iskusstviennyi-intielliekt-prostymi-slovami-o-slozhnom> (дата обращения: 15.10.2023).
2. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года*. URL: *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года* (xn--b1aew.xn--p1ai) (дата обращения: 26.09.2023).
3. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2023 года*. URL: *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2023 года* (xn--b1aew.xn--p1ai) (дата обращения: 26.09.2023).
4. *Предиктивные технологии прогнозирования*. Predictive Policing Technology Arrests (cybersecurityintelligence.com) (дата обращения: 26.09.2023).
5. *Как Data Science помогает бороться с преступлениями в США*. URL: *Искусственный интеллект научился предсказывать преступления: как ИИ помогает полиции / Skillbox Media* (дата обращения: 27.09.2023).
6. *Предиктивная полиция проявляет расизм*. URL: *Predictive policing algorithms are racist. They need to be dismantled. | MIT Technology Review* (дата обращения: 27.09.2023).
7. *Программное обеспечение для прогнозирования преступности обещало быть свободным от предубеждений*. URL: *PredPol Crime Predictions Target Poor, Blacks, Latinos* (gizmodo.com) (дата обращения 27.09.2023).
8. *В Китае рассказали, как технологии распознавания лиц помогают полиции*. URL: <https://ria.ru/20190517/1553564055.html> (дата обращения: 09.10.2023).
9. *Национальный стратегический план исследований и разработок в области искусственного интеллекта США* // Flia: сайт. URL: <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (дата обращения: 19.10.2023).
10. *Ли Яо*. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2023. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovoe-regulirovanie-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-v-velikobritanii-ssha-evropeyskom-soyuze-i-kitae> (дата обращения: 23.10.2023).
11. *О подходах к регулированию искусственного интеллекта*: учеб. пособие. URL: <https://www.ncsl.org/technology-and-communication/approaches-to-regulating-artificial-intelligence-a-primer> (дата обращения: 19.10.2023).
12. *Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии* / Джеффри Кейн. М.: Индивидуум. 2023. 336 с.
13. *Джойс Л., Сицин У.* Всевидящее государство Китая. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-asia-china-42248056> (дата обращения: 15.10.2023).
14. *Чен С.* Как напряженность в отношениях с Западом ставит на карту будущее китайской системы массового наблюдения Skynet. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2165372/how-tensions-west-are-putting-future-chinas-skynet-mass> (дата обращения: 15.10.2023).
15. *Китай: Big Data подпитывают репрессии в регионе меньшинств*. URL: <https://turkistantimes.com/m/news-2612.html> (дата обращения: 15.10.2023).
16. *Новые правила в области искусственного интеллекта в Китае, Latham&Watkins*. URL: https://ai.gov.ru/wiki/regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_novye_pravila_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_v_kitae_china_s_new_ai_regulations_latham_watkins/ (дата обращения: 19.10.2023).
17. *Закон ЕС об искусственном интеллекте*. URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 22.10.2023).
18. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023)* // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2023).
19. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2023)* // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2023).

References

1. Blue Screen. (2023) *Iskusstvennyy intellekt. Prostymi slovami o slozhnom* [Artificial intelligence. In simple words about the complex]. [Online] Available from: <https://bluescreen.kz/longread/8533/iskusstviennyi-intielliekt-prostymi-slovami-o-slozhnom> (Accessed: 15.10.2023).
2. RF MIA. (2023) *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2022 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2022]. [Online] Available from: xn--b1aew.xn--p1ai (Accessed: 26.09.2023).
3. RF MIA. (2023) *Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – avgust 2023 goda* [Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2023]. [Online] Available from: xn--b1aew.xn--p1ai (Accessed: 26.09.2023).
4. Cybersecurity Intelligence. (2023) *Prediktivnye tekhnologii prognozirovaniya* [Predictive forecasting technologies]. [Online] Available from: <https://www.cybersecurityintelligence.com/blog/predictive-policing-technology-arrests-567.html#:~:text=Predictive Policing was introduced to,out countywide in April 2013> (Accessed: 26.09.2023).
5. Skillbox Media. (2023) *Kak Data Science pomogaet borot'sya s prestupleniyami v SShA* [How Data Science helps fight crime in the USA]. [Online] Available from: <https://skillbox.ru/media/code/data-science-pomogaet-borotsya-s-prestupleniyami/?ysclid=ln0n17s2nq82192668> (Accessed: 27.09.2023).

6. Technology Review. (2020) *Prediktivnaya politiya proyavlyayet rasizm* [Predictive policing is racist]. [Online] Available from: <https://www.technologyreview.com/2020/07/17/1005396/predictive-policing-algorithms-racist-dismantled-machine-learning-bias-criminal-justice/> (Accessed: 27.09.2023).
7. Gizmodo. (2023) *Programmnoe obespechenie dlya prognozirovaniya prestupnosti obeshchalo byt' svobodnym ot predubezhdeniy* [Crime forecasting software promised to be free from bias]. [Online] Available from: <https://gizmodo.com/crime-prediction-software-promised-to-be-free-of-biases-1848138977> (Accessed: 27.09.2023).
8. RIA. (2019) *V Kitae rasskazali, kak tekhnologii raspoznavaniya lits pomogayut politzii* [In China, they talked about how facial recognition technologies help the police]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190517/1553564055.html> (Accessed: 09.10.2023).
9. Flia. (2017) *Natsional'nyy strategicheskiy plan issledovaniy i razrabotok v oblasti iskusstvennogo intellekta SshA* [A New Generation of Artificial Intelligence Development Plan]. [Online] Available from: <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (Accessed: 19.10.2023).
10. Li Yao. (2023) *Normativno-pravovoe regulirovanie generativnogo iskusstvennogo intellekta v Velikobritanii, SShA, Evropeyskom soyuze i Kitae* [Legal regulation of generative artificial intelligence in the UK, USA, European Union, and China]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3.
11. NESL. (2023) *O podkhodakh k regulirovaniyu iskusstvennogo intellekta: ucheb. posobie* [On approaches to the regulation of artificial intelligence: textbook]. [Online] Available from: <https://www.ncsl.org/technology-and-communication/approaches-to-regulating-artificial-intelligence-a-primer> (Accessed: 19.10.2023).
12. Cain, J. (2023) *Gosudarstvo strogogo rezhima. Vnutri kitayskoy tsifrovoy antiutopii* [High security state. Inside China's Digital Dystopia]. Moscow: Individuum.
13. Joyce, L. & Siqing, W. (2023) *Vsevidyashchee gosudarstvo Kitaya* [The all-seeing state of China]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/av/world-asia-china-42248056> (Accessed: 15.10.2023).
14. Chen, S. (2023) *Kak napryazhennost' v otnosheniyakh s Zapadom stavit na kartu budushchee kitayskoy sistemy massovogo nablyudeniya Skynet* [How Tensions with the West Put the Future of China's Skynet Mass Surveillance System at Stake]. [Online] Available from: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2165372/how-tensions-west-are-putting-future-chinas-skynet-mass> (Accessed: 15.10.2023).
15. Turkistan Times. (2023) *Kitay: Big Data podpityvayut repressii v regione men'shinstv* [China: Big Data is fueling repression in the region of minorities]. [Online] Available from: <https://turkistantimes.com/m/news-2612.html> (Accessed: 15.10.2023).
16. Latham&Watkins. (2023) *New AI regulations in China*. [Online] Available from: https://ai.gov.ru/wiki/regulirovanie-iskusstvennogo-intellekta/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikh-stranakh/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_novye_pravila_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_v_kitae_china_s_new_ai_regulations_latham_watkins/ (Accessed: 19.10.2023). (In Russian).
17. EU. (2023) *EU Law on Artificial Intelligence*. [Online] Available from: <https://artificialintelligenceact.eu/> (Accessed: 22.10.2023).
18. Consultant Plus. (2023) *Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on August 4, 2023)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
19. Consultant Plus. (2023) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on August 4, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on August 11, 2023)*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

Информация об авторах:

Чуканова Е.С. – доцент, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: upik2021@mail.ru

Бабченко А.И. – слушатель Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: alena8babchenko8@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.S. Chukanova, Cand. Sci. (Law), docent, deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: upik2021@mail.ru

A.I. Babchenko, student, Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: alena8babchenko8@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.24/29

doi: 10.17223/23088451/22/24

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Алла Липаритовна Агабекян¹

¹*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, AllaAgabekyan@yandex.ru*

Аннотация. В статье содержится анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства постсоветских стран после обретения независимости. Исследуются особенности интеграции стран в международное сообщество, а также проблема «перенаселенности» мест заключения. Рассматриваются системы наказаний, анализируются причины отказа некоторых государств от применения смертной казни. Подчеркивается значимость расширения использования альтернатив лишению свободы.

Ключевые слова: постсоветские страны, СНГ, уголовное законодательство, альтернативы лишению свободы, «перенаселенность» тюрем

Для цитирования: Агабекян А.Л. Особенности развития уголовного и уголовно-исполнительного законодательства на постсоветском пространстве // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 143–147. doi: 10.17223/23088451/22/24

Original article
doi: 10.17223/23088451/22/24

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL AND PENAL LEGISLATION IN THE POST-SOVIET SPACE

Alla L. Agabekyan

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, AllaAgabekyan@yandex.ru

Abstract. The article analyzes some provisions of criminal and penal legislation of 15 post-Soviet republics. The author examines the features of the formation of the legal systems of the states in the period from 1992 to the present in two stages – from 1992 to 2012 and from 2013 to 2023. The main trends are the abandonment of (or moratorium on) the death penalty and the expansion of the use of alternatives to imprisonment. The prohibition on the use of exceptional punishment is caused by the integration of the states into the world community, including the signing of a number of international acts. The author separately examines the features of the system of punishments: in most countries the list of punishments is quite wide, the types of punishments are arranged in a certain sequence; they are classified into basic, additional and mixed; new types of punishments without isolation from society have appeared in the list of sanctions. The author analyzes measures aimed at promoting the establishment of an effective mechanism for the execution of alternative types of punishment and the introduction of community services, considers the current problem of “overcrowding” in correctional institutions. She provides statistical data on the level of “prison and probation population” in some countries and explores views of scientists who propose ways to improve the theory and practice of applying laws. The author pays particular attention to the de-ideologization of legislation, as well as the demilitarization of the penal system, which consists not only in the specifics of the construction of penitentiary institutions, but also in the transfer of this system under the jurisdiction of the Ministry of Justice. The author analyzes the problem that the penal systems of most post-Soviet countries lag behind international standards, including in the issues of public participation, the media’s disconnection from the real state of affairs in places of detention, and the lack of social and rehabilitation programs aimed at providing assistance to convicts. The author states that the new criminal and penal codes (laws) adopted from 2013 to the present day regulate the execution of all criminal penalties. The author concludes that this is an important step towards the formation of an integrated penal system in each state.

Keywords: post-Soviet countries, CIS, criminal legislation, alternatives to imprisonment, “overcrowding” of prisons

For citation: Agabekyan, A.L. (2023) Features of the development of criminal and penal legislation in the post-Soviet space. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 143–147. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/24

После распада СССР образовались государства, которые приобрели независимость, создали политическую, социальную, экономическую, правовую основу деятельности, а также стали частью международного сообщества (например, членами ООН, Совета Европы, СНГ и других организаций). Очевидно, что уголовная (уголовно-исполнительная) политика этих стран в начале становления государственности своими корнями уходит в парадигмы, сформированные еще в советский период, однако постепенно с подписанием ряда международных договоров и интеграцией в международное пространство появились противоречия. При этом отличительной особенностью уголовной политики новых независимых государств является ее деидеологизация, концентрация внимания на правах и свободах человека.

Перейдем к рассмотрению особенностей формирования нормативной базы функционирования постсоветских государств в период с 1992 г. по настоящее время. Считаем возможным предложить следующую периодизацию: с 1992 по 2012 г., с 2013 по 2023 г. Связано это с тем, что с 1992 г. страны начали принимать конституции, уголовные кодексы и законы об исполнении наказаний, а с 2013 г. в ряде государств (например, в Армении, Казахстане, Кыргызстане) проходили новые масштабные волны правовых реформ.

Так, Уголовный кодекс (далее – УК) Азербайджанской Республики был утвержден 30 декабря 1999 г., а Кодекс Азербайджанской Республики об исполнении наказаний – 14 июля 2000 г.; в Республике Беларусь УК принят 9 июля 1999 г., Уголовно-исполнительный кодекс (далее – УИК) – 11 января 2000 г.; в Республике Молдова УК принят 18 апреля 2002 г., Исполнительный кодекс – 24 декабря 2004 г.; в Республике Таджикистан УК принят 21 мая 1998 г., Закон о системе исполнения уголовного наказания – в 2004 г., в Республике Узбекистан УК принят 22 сентября 1994 г., УИК – 25 апреля 1997 г.

Однако в Армении, Казахстане, Кыргызстане уголовное и уголовно-исполнительное законодательство претерпело коренные изменения по сравнению с периодом 1992–2013 гг. Волну правовых реформ на постсоветском пространстве начала Республика Казахстан, приняв 3 июля 2014 г. УК, а 5 июля 2014 г. УИК. В Республике Армения уголовный закон был принят 18 апреля 2003 г., но 1 июля 2022 г. его сменил новый УК, в тот же день вступил в силу УИК, сменивший предыдущий акт от 24 декабря 2004 г. В другой постсоветской стране – Кыргызской Республике – 28 октября 2021 г. был принят УК, заменивший уголовный закон от 1 октября 1997 г., а новый УИК хоть и был принят 31 января 2017 г., но вступил в силу только 1 января 2019 г.

Выделение периода с 2013 по 2023 г. обусловлено не только самим фактом проводимых реформ, но и появившимися различиями в экономическом и политическом развитии государств, темпах и возможностях учета международных актов и стандартов в области развития альтернативных лишению свободы наказаний и обращения с осужденными.

Примечательно также и то, что законодательство второй группы стран пополнилось актами о пробации: в 2016 г. в Армении и Казахстане были приняты законы

«О пробации», в 2017 г. закон «О пробации» был принят в Кыргызстане. При этом тенденция к расширению применения пробации нашла закрепление в законах и других стран: в Латвии – закон «О Государственной службе пробации» (2003 г.), в Грузии – закон «О порядке исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и пробации» (2007 г.), в Молдове – закон «О пробации» (2008 г.), в Литве – закон «О пробации» (2011 г.), на Украине – закон «О пробации» (2015 г.), в России – Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» (2023 г.), который вступит в силу с 1 января 2024 г.

Принятие указанных выше законов связано было с такими тенденциями, как отказ от применения смертной казни (либо мораторий) и расширение применения альтернатив лишению свободы. На сегодняшний день на постсоветском пространстве смертная казнь до ее отмены применяется только в одной стране – Республике Беларусь, в двух странах – Россия, Таджикистан [1] – этот вид наказания имеется в законодательстве, но действует временное ограничение на ее применение (мораторий). В Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане, Узбекистане отказались от такой исключительной меры полностью, тогда как в Армении, например, этот вид наказания изначально отсутствовал в законодательстве независимой Республики. В большей степени запрет применения указанной меры вызван интеграцией постсоветских стран в мировое сообщество, в том числе подписанием ряда международных актов, а также вступлением в международные правительственные организации (например, в Совет Европы).

Исследуя вторую тенденцию, стоит для начала обратить внимание на особенности системы наказаний. В большинстве стран перечень наказаний достаточно широкий, виды наказаний выстроены в определенной последовательности (от менее строгого к более строгому), их также можно классифицировать на основные, дополнительные и смешанные (которые могут быть и основными, и дополнительными), в перечне санкций добавились новые виды, которые ранее не были известны советскому законодательству. Вместе с тем основная совокупность наказаний осталась неизменной: почти во всех странах есть штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, общественные работы (обязательные работы/ неоплачиваемый труд в пользу общества), лишение специального, воинского или почетного звания и государственных наград (дипломатического ранга, квалификационного класса), ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы.

В 2002 г. членами Рабочей группы по альтернативам тюремному заключению были разработаны рекомендации по изменению законодательства Казахстана. Предлагалось ввести новые виды наказаний, не связанных с лишением свободы, дополнив ч. 1 ст. 39 УК подпунктами а-1) и а-2) следующего содержания: «а-1) возложение обязанности загладить причиненный вред; а-2) конфискация имущества». Впрочем, последняя из предложенных альтернатив нашла закрепление в законодательствах большинства постсоветских стран. Наряду с этим

появились такие виды альтернатив, как выдворение за пределы страны (Армения, Азербайджан, Казахстан), лишение гражданства (Казахстан). Между тем в Кыргызстане такая мера, как тройной айып, была исключена из числа наказаний. Еще одна отличительная особенность кыргызской системы сводится к тому, что прямо в УК (ст. 60) указан принцип расположения перечня, а также санкции поделены на 2 группы: не связанные с изоляцией от общества; связанные с изоляцией от общества [2]. В российском УК нет такого деления, оно находит отражение только в УИК.

В России в рамках проекта PRI «Альтернативы тюремному заключению в России», направленного на содействие становлению эффективного механизма исполнения альтернативных видов наказания и введению обязательных работ, были выявлены следующие причины недостаточно широкого применения мер наказания, не связанных с лишением свободы: недостаточная просвещенность людей в вопросах уголовного правосудия и карательной ментальности населения; обвинительный уклон уголовного судопроизводства и направленность профессионального сознания судей в сторону лишения свободы, что приводит к тюремному заключению даже в тех случаях, когда можно прибегнуть к условному осуждению; несовершенство законодательства, которое ограничивает возможности практического использования альтернативных санкций, уже предусмотренных в российском законодательстве; отсутствие налаженного механизма исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы; УИИ, призванные исполнять такие наказания, не пользуются авторитетом, сотрудникам не хватает профессиональной подготовки. Благодаря этому проекту удалось создать механизмы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы; провести просветительскую кампанию; внедрить альтернативные меры наказания: обязательные работы в отдельных регионах.

Стоит отметить, что при реализации инициативы по введению общественных работ на постсоветском пространстве исследовались уже существующие успешные практики по внедрению в Латвии, Зимбабве, Кении, Чехии, Швеции. Так, результатом визита в Швецию М.М. Баймухьямбетова в 2001 г. стал отчет рабочей группы по альтернативам тюремному заключению. В процессе исследования были выявлены следующие их достоинства: отсутствие отрицательного влияния тюрьмы; ресоциализация; возможность закрепления имеющихся и приобретения новых социальных связей; возможность остаться в семье и сохранить работу; низкая стоимость исполнения государством общественных работ.

Не только европейские ученые, но и ученые США обращают внимание на дороговизну содержания осужденных в заключении и «переполенность» тюрем. Для ряда стран рост затрат, связанных с исполнением наказания в виде тюремного заключения, стал непосильным бременем. Так, З. Карабеч отмечает, что в американском штате Нью-Йорк в 2002 г. расходы на одного заключенного в год были равны размеру годовой стипендии, выделяемой на одного американского студента, обучающегося за рубежом (например, в Оксфордском университете) [3].

Российский судья С.А. Пашин обращал внимание на то, что с изменением численности тюремного населения «уменьшается или увеличивается нагрузка на федеральный и отчасти местные бюджеты, изменяется уровень тайных доходов лиц, проносящих в места заключения наркотики, спиртные напитки, записки с воли» [4. С. 10.]. Полагаем, что такая точка зрения основана на том, что в России слишком много людей отбывает наказание в виде лишения свободы.

Здесь стоит обратиться к статистическим данным об уровне «тюремного и пробационного населения». По состоянию на 1998 г. на 100 000 населения России приходилось 695 заключенных. Уже на 31 декабря 2021 г. [5] в России на 100 000 населения приходилось 328,1 осужденных к лишению свободы, что почти в два раза ниже показателя 1998 г., но все еще самый высокий показатель среди европейских стран. Из постсоветских стран стабильно большие значения демонстрируют Азербайджан (в 2022 г. – 216,8 заключенных на 100 000 населения [6], в 2021 г. – 215, 6, в 1999 г. – 393) и Грузия (в 2022 г. – 237 заключенных на 100 000 населения, в 2021 г. – 236,6), однако в Грузии в отличие от Азербайджана рекордно высокие показатели «пробационного населения» (например, в 2022 г. – 498,7 «клиентов» пробации на 100 000 населения). Это может быть связано с тем, как полагают Марсело Ф. Эби, Юджи З. Хашимото, что Грузия использует «общинные» санкции не как альтернативу тюремному заключению, а скорее как дополнительное наказание [6]. Причина в том, что процент осужденных, находящихся на пробации, чрезвычайно высок при значительной численности «тюремного населения», показатели которой выше медианного европейского значения.

Положительную динамику демонстрирует Армения, которая в 2022 г. отнесена к группе стран с низким уровнем «тюремного» (71,6 заключенных на 100 000 населения) и относительно высоким уровнем «пробационного населения» (113,7 «клиентов» пробации на 100 000 населения). Такие страны, как Молдова, Латвия, Литва, Эстония относятся к государствам, где «клиентов» пробации больше 200 на 100 000 населения, при этом число лиц, находящихся в заключении, меньше 100 на 100 000 населения.

Проблема с «перенаселенностью» тюрем не нова не только в постсоветских странах, но и в США. К причинам такой ситуации А. Бронштейн относил высокий темп роста задержаний, большие финансовые затраты, расовые проблемы, особенности условий содержания, проблемы правового регулирования, в том числе контроля за нарушением прав заключенных [7. С. 2–3.]. Безусловно, для решения этого вопроса необходимы коренные изменения, причем не только законодательные. Оценивая возможности преодоления этой ситуации в России, С.А. Пашин предлагал сделать ставку на относительно дешевые мероприятия и программы, дающие быстрый ощутимый результат. К числу таких шагов он относил, например, изменение ведомственных показателей оценки работы сотрудников правоохранительных органов, более широкое использование медиации [4. С. 16].

Еще одним важным шагом, по мнению Э. Койла, является широкое привлечение общественности, в том числе неправительственных организаций [8. С. 5]. Уголовное законодательство многих постсоветских стран, как отмечали в 1999 г. в своем докладе PRI «Страны бывшего Советского Союза» В. А. Уткин и А. П. Букалов, ликвидировало возможность участия членов общества в решении вопросов освобождения от уголовной ответственности, что противоречило Токийским правилам 1990 г. [9. С. 4]. Вопрос с высокой нагрузкой на тюремную систему необходимо разрешить, ведь если этого не сделать, то в долгосрочной перспективе она станет угрозой для стабильности гражданского общества.

Заслуживает внимания проблема демилитаризации уголовно-исполнительной системы, которая заключается не только в особенностях построения пенитенциарных учреждений, но и в переводе указанной системы под юрисдикцию министерства юстиции. По состоянию на сегодняшний день подавляющее большинство постсоветских стран вопросы исполнения наказаний отнесло к ведению миноста (Армения, Молдова, Россия), однако в ряде государств (Казахстан, Беларусь, Узбекистан) эти полномочия все еще отданы министерству внутренних дел. Между тем в Кыргызстане Государственная служба исполнения наказаний не находится под юрисдикцией каких-либо министерств. В целом такое положение дел соотносится с общеевропейской тенденцией подведомственности органов исполнения наказаний миноусту.

Вместе с тем еще в начале 90-х гг. XX в. вся уголовно-исполнительная система была далека от международных стандартов. Как отмечает в своем докладе «На пути к правовому обществу» А.М. Сеидов, Азербайджан, став независимым государством, столкнулся с проблемой по размещению некоторых категорий заключенных, раньше в СМИ деятельность мест заключения не освещалась. Схожая проблема наблюдалась и в Узбекистане, где, по сведениям П. Браунберг, независимой прессы раньше почти не было, а проблемы в местах изо-

ляции практически не освещались. Сейчас во всех постсоветских странах места заключения стали доступными для общественности, их жизнь и проблемы довольно часто освещаются не только в СМИ. В первом периоде развития (1992–2012 гг.) в этих государствах наблюдалось отсутствие социальных и реабилитационных программ, направленных на оказание помощи осужденным, однако со временем такие проекты были успешно реализованы, в том числе в Туркменистане и Армении. Таким образом, постепенно создавались условия для применения альтернатив лишению свободы. На пути к этому важнейшим этапом являлось укрепление международного сотрудничества, например, на площадке СНГ.

Анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, принятого в период с 1992 по 2012 г., позволяет прийти к выводу о том, что за отдельными исключениями сохраняется единство нормативного регулирования основных положений сущности и содержания, назначения и исполнения уголовных наказаний. Во многом этому единству способствовали разработка и принятие в 1996 г. Модельного УК и Модельного УИК государств – участников СНГ. Это единство базируется на передовых позициях отечественной научной школы уголовного и уголовно-исполнительного права, достижениях законотворческой деятельности в этих сферах, нашедших отражение в подготовленных в 90-х гг. прошлого столетия проектах УК РФ и УИК РФ, в свою очередь ставших основой для соответствующих модельных рекомендательных актов стран – участниц СНГ [10]. Сравнение норм новых (2013–2023 гг.) уголовных, уголовно-исполнительных кодексов стран и международных стандартов показывает, что практически все, что касается положений концептуального и гуманитарного характера, совпадает почти полностью. Новые кодексы регулируют исполнение всех уголовных наказаний. В этом усматривается важный шаг к формированию целостной уголовно-исполнительной системы в каждом государстве.

Список источников

1. *Смертная казнь: изучение общественного мнения в Республике Таджикистан*. URL: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2014/05/PRI-Death-penalty-survey-Tajikistan-2014-Russian.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).
2. *Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127*. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения: 07.11.2023).
3. *Карабеч З.* Альтернативы тюремному заключению // Содействие становлению механизма реализации альтернативных мер наказания в Российской Федерации: материалы международного семинара. Самара, 24 – 27 марта 2002 г. М., 2002. – С. 5–7.
4. *Вопросы концептуального и процессуального обеспечения уголовной политики России*. Серия «Уголовная политика России – прошлое, настоящее, будущее». М. : Общественный Центр содействия реформе уголовного правосудия, 1998. Вып. 2, ч. 2.
5. *Council of Europe Key Findings of the 2021 SPACE I report*. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2023/04/230420_Key-Findings-SPACE-I_Prisons-and-Prisoners-in-Europe-2021.pdf (дата обращения: 11.11.2023).
6. *Aebi M. F., Hashimoto Y.Z.* SPACE II 2022 – Council of Europe Annual Penal Statistics: Persons under the Supervision of Probation Agencies. Council of Europe. Report. URL: https://wp.unil.ch/space/files/2023/07/Key-Findings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2022_230705.pdf (дата обращения: 11.11.2023).
7. *Бронштейн А.* Обзор проблем, стоящих перед тюрьмами в США: материалы международной конференции «Тюремная реформа в странах тоталитаризма». М., 1992. С. 2–4.
8. *Койл Э.* Сокращение тюремного населения в Российской Федерации // Сокращение численности тюремного населения. Международный опыт. М., 1999. С. 1–5.
9. *Уткин В.А., Букалов А.П.* Реформа исполнения наказаний: новый век – новые подходы // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: материалы международной конференции. Лондон, 13–17 апреля 1999 г. М., 1999. 20 с.

10. *Наказание в уголовном законодательстве стран СНГ: сравнительно-правовые аспекты* URL: <https://lk.msu.ru/course/view?id=846> (дата обращения: 25.10.2023).

References

1. Penalreform.org (2023) *Smertnaya kazn': izuchenie obshchestvennogo mneniya v Respublike Tadzhikistan* [The death penalty: a study of public opinion in the Republic of Tajikistan]. [Online] Available from: <https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/2014/05/PRI-Death-penalty-survey-Tajikistan-2014-Russian.pdf> (Accessed: 07.11.2023).
2. Minjust.gov.kg. (2023) *Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 28 oktyabrya 2021 goda № 127* [Criminal Code of the Kyrgyz Republic of 28 October 2021, No. 127]. [Online] Available from: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (Accessed: 07.11.2023).
3. Karabech, Z. (2002) [Alternatives to imprisonment]. *Sodeystvie stanovleniyu mekhanizma realizatsii al'ternativnykh mer nakazaniya v Rossiyskoy Federatsii* [Assistance in the establishment of a mechanism for the implementation of alternative punishment measures in the Russian Federation]. Proceedings of the International Seminar. Samara. 24–27 March 2002. Moscow. pp. 5–7. (In Russian).
4. Anon. (1998) *Voprosy kontseptual'nogo i protsessual'nogo obespecheniya ugolovnoy politiki Rossii* [Issues of conceptual and procedural support of criminal policy of Russia]. Materials. Vol. II (II). Moscow: Obshchestvennyy Tsentri sodeystviya reforme ugolovnoy pravosudiviya.
5. Council of Europe. (2021) *Key Findings of the 2021 SPACE I report*. [Online] Available from: https://wp.unil.ch/space/files/2023/04/230420_Key-Findings-SPACE-I_Prisoners-and-Prisons-in-Europe-2021.pdf (Accessed: 11.11.2023).
6. Aebi, M.F. & Hashimoto, Y.Z. (2023) *SPACE II 2022 – Council of Europe Annual Penal Statistics: Persons under the Supervision of Probation Agencies*. Council of Europe. Report. [Online] Available from: https://wp.unil.ch/space/files/2023/07/Key-Findings_Probation-and-Prisons-in-Europe-2022_230705.pdf (Accessed: 11.11.2023).
7. Bronshteyn, A. (1992) [Review of problems prisons in the USA face]. *Tyuremnaya reforma v stranakh totalitarizma* [Prison Reform in the Countries of Totalitarianism]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 2–4. (In Russian).
8. Coyle, A. *Sokrashchenie tyuremnogo naseleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Prison population reduction in the Russian Federation]. In: *Sokrashchenie chislennosti tyuremnogo naseleniya. Mezhdunarodnyy opyt* [Prison population reduction. International experience]. Moscow: Obshchestvennyy Tsentri sodeystviya reforme ugolovnoy pravosudiviya. pp. 1–5.
9. Utkin, V. A. & Bukalov, A. P. (1999) [Regional report – countries of the former Soviet Union]. *Reforma ispolneniya nakazaniy: novyy vek – novye podkhody* [A new approach for penal reform in a new century]. Proceedings of the International Conference. London. 13-17 April 1999. Moscow. (In Russian).
10. Msu.ru (2023) *Nakazanie v ugolovnom zakonodatel'stve stran SNG: sravnitel'no-pravovye aspekty* [Punishment in the criminal legislation of CIS countries: comparative legal aspects]. [Online] Available from: <https://lk.msu.ru/course/view?id=846> (Accessed: 25.10.2023).

Информация об авторе:

Агабекян А.Л. – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.L. Agabekyan, Cand. Sci. (Law), senior lecturer of the Department of Criminal Law, senior research fellow of the Research Laboratory of Social and Legal Studies, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 09.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 09.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/22/25

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л.В. ГОЛОВКО «ГОСУДАРСТВО И ЕГО УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО»

Владимир Александрович Азаров¹, Ирина Юрьевна Таричко²

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, доцент, Омск, Россия, kafprokrim@mail.ru*

Для цитирования: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Рецензия на монографию Л.В. Головки «Государство и его уголовное судопроизводство» // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 148–151. doi: 10.17223/23088451/22/25

Review
doi: 10.17223/23088451/22/25

BOOK REVIEW: GOLOVKO, L.V. *THE STATE AND ITS CRIMINAL PROCEEDINGS*

Vladimir A. Azarov¹, Irina Yu. Tarichko²

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, kafprokrim@mail.ru*

For citation: Azarov, V.A. & Tarichko, I.Yu. (2023) Book review: Golovko, L.V. *The State and Its Criminal Proceedings*. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 22. pp. 148–151. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/22/25

В юридической науке государство и право рассматриваются как две наиболее тесно связанные и взаимообусловленные категории. Государство, обладая монопольными прерогативами на создание норм права и обеспечение их силой своего принуждения, использует право как инструмент организации и регулирования усложняющихся общественных отношений. Хрестоматийным, казалось бы, является также утверждение о том, что сфера уголовной юстиции всецело находится под опекой государства, с минимальным влиянием частной воли. Вместе с тем в работах отечественных и зарубежных юристов, подверженных новомодным идеям неолитерализма, можно встретить призывы к ограничению государственного влияния на сферу уголовной юстиции, существенному расширению там диспозитивных начал, максимальному уравниванию прав сторон при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовного дела.

На фоне этого либерального, западного «шума», в условиях длительной и малоэффективной судебной реформы замысел автора оцениваемой монографии разоблачается в существующих идеологических противоречиях, вопросах взаимообусловленности государства и уголовного процесса, роли государства в формировании и организации уголовного судопроизводства представляется исключительно актуальным и своевременным.

Автор рецензируемой монографии – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Леонид Витальевич Головки в особом представлении не нуждается. Его труды, уже давно известные научной общественности, прочно и надолго заняли свое почётное место среди лучших юридических научных и учебных изданий. Анализируемая работа в ее практическом и теоретическом значении в неменьшей степени способна обогатить научные знания как отдельного читателя, так и юридического сообщества в целом.

Структура рецензируемой монографии обусловлена логикой авторского замысла – проанализировать возможности государства в ранге создателя уголовного судопроизводства, исследовать его функции как участника уголовного процесса и, наконец, определить основания и пределы ответственности государства за свое творение.

Монография состоит из предисловия и трех глав, включающих 13 параграфов.

В предисловии автор в сжатом виде обосновывает свое видение актуальности темы исследования. При этом обоснованно отмечается, что если и есть сегодня в уголовно-процессуальной науке что-то по-настоящему актуальное, то это проблема участия государства в организации и функционировании уголовного процесса. Сама эта постановка – в высшей степени продуктивна с точки зрения возможности обретения новых научных результатов.

Первая глава работы посвящена роли государства в создании уголовного процесса. В первом параграфе, рассматривая государство как единственный источник легитимности уголовно-процессуального права, Л.В. Головки

наряду с «угасающим» правовым обычаем подробно исследует такую форму существования уголовно-процессуального права как международно-правовые нормы и стандарты. Автор приходит к выводу о том, что директивы Европейского Союза в области уголовной юстиции будут обязательны только в том случае, если они имплементированы в национальное законодательство, а решения ЕСПЧ, исполняющиеся в отношении отдельных участников и по отдельным делам, могут учитываться и учитываются лишь доктринально. Это, как мы считаем, тем более правильно, что решения ЕСПЧ в отношении России генерировались с учётом исторически сложившихся отношений с Европой, веками недовольной геополитическим, а главное – духовным содержанием нашей страны.

Перечисленные, казалось бы, аксиоматичные с точки зрения геополитики и международного права выводы, тем не менее представляются значимыми в том смысле, что ставят точку в периодически вспыхивавших дискуссиях о необходимости неукоснительного учета решений ЕСПЧ и международно-правовых стандартов при формировании национального права. И очень правильно, что сегодня Россия наконец-то полностью индифферентна к решениям ЕСПЧ.

Как справедливо отмечает Л.В. Головкин, реальным инструментом влияния Евросоюза на национальное законодателя выступают вовсе не общепризнанные нормы и принципы (как нечто «неосязаемое». – *В.А., И.Т.*), а политическое давление, которое оказывает Евросоюз или Совет Европы.

С научной и практической точки зрения значимым представляется исследование феномена государственного суверенитета и его взаимодействия с уголовно-процессуальной деятельностью, подробно представленное во втором параграфе первой главы рецензируемой монографии. Здесь автор приходит к выводу о том, что перевод некоторых уголовно-процессуальных полномочий с традиционно национального уровня Евросоюза вполне вписывается в процесс регионализации государств, способный создать условия для формирования федеративного государства. В контексте данного параграфа, наряду с классическим подходом (суверенитет означает верховную власть государства в пределах границ данного государства), рассматриваются имеющиеся в мировой практике проблемы самопроизвольного ограничения (к примеру, институты европейских ордеров в праве ЕС) и самопроизвольного расширения государственного суверенитета.

В третьем параграфе первой главы монографии автор анализирует последствия для российского правоприменителя внесенных по воле и настоянию ЕСПЧ изменений в УПК РФ. Среди подобных нововведений можно назвать ст. 6.1 УПК РФ. В результате появления данной нормы отечественный законодатель получил «странную» процедуру, при которой председатель суда (не взирая на принцип независимости судей) вправе устанавливать рассматриваемому уголовному делу судье конкретный срок для принятия итогового решения или принимать иные процессуальные решения или действия для ускорения производства. Интересно, при этом, что ЕСПЧ, как справедливо отмечает Л.В. Головкин, не устает

напоминать о недопустимости вмешательства в осуществление правосудия лиц, выполняющих в суде административные функции. В таком контексте данная позиция ЕСПЧ, с нашей точки зрения, является, по меньшей мере, непоследовательной, если не лицемерной.

Не менее репрезентативные выводы сформулированы автором и в третьем параграфе первой главы. Он посвящен внешнему вмешательству в нормативную организацию государством уголовного судопроизводства, осуществляемому под эгидой глобализации и защиты прав человека. Проблема здесь заключается в том, что зачастую такое влияние сложно уловимо в правовом измерении, поскольку, как верно замечает Леонид Витальевич, оно во многих случаях не вписывается в традиционное понимание правовых институтов. Более того, мы можем вспомнить не один пример, когда США, другие страны Запада именно под лозунгом защиты прав человека ломали не только правовые системы отдельных стран, но и уничтожали успешные государства.

Четвертый параграф выступает логическим следствием предыдущих разделов и отвечает на вопрос о том, сохраняет ли государство суверенный контроль за своим уголовным судопроизводством, в том числе в обстановке искусственно насаждаемых чуждых юридических построений и предпочтений. Автор подмечает, что почти все современные преобразования являются результатом не национального уголовно-процессуального творчества, а «покупки» готового продукта (не всегда «свежего» – *В.А., И.Т.*), который под благовидными масками преподносится собственному населению. В результате на постсоветском пространстве можно наблюдать появление малоэффективных клонированных кодексов, принятых без учета национальных особенностей, исторического опыта, ошибок и неудач предшествующих доморощенных реформаторов.

Вторая глава посвящена комплексному всестороннему исследованию проблем участия государства в уголовном судопроизводстве. Уже в первом параграфе (Участвует ли государство в уголовном судопроизводстве?) автор акцентирует внимание на фактической невозможности в рамках уголовного процесса выровнять полномочия публичной власти в лице следователя или дознавателя и адвоката, представляющего частное лицо.

Во втором параграфе Л.В. Головкин анализирует институциональную и функциональную природу суда, полиции, следственного комитета, прокуратуры с точки зрения теории разделения властей и системы уголовно-процессуальных функций. Отмечается, что развитие уголовно-процессуального права в постсоветский период не поколебало сложившиеся в советское время на историческом фундаменте устои и функциональные границы процессуальности. Вместе с тем автор акцентирует внимание на отдельных значимых изменениях, часть которых все же значительно (а с нашей точки зрения – искусственно. – *В.А., И.Т.*) отдаляет нас от классических континентальных образцов.

В третьем параграфе второй главы внимание сосредоточено на разграничении государственных уголовно-процессуальных функций, не охватываемых теорией разделения властей.

Весьма актуальным и значимым представляется нам четвертый параграф обозначенной главы, где представлена аргументированная авторская позиция относительно сущности состязательности в рамках континентальной модели права. Интересен также и критический взгляд на неолиберальную идеологию, на наш взгляд, как всегда бесцеремонно и агрессивно ломающую исторически сложившиеся и признанные научным сообществом классические границы между публично-правовым и частноправовым началом в уголовном процессе. Кроме того, в данном параграфе вдумчивый читатель сможет увидеть истинное лицо ЕСПЧ, умело манипулирующего концепцией «равенства оружия» для достижения скорее политических, но отнюдь не правовых целей и смыслов.

Пятый параграф посвящен процессуальному обеспечению государством права на защиту. Автор аргументированно доказывает, что теоретически ошибочно выводить данное право из состязательности и равенства сторон, так как оно совершенно естественно вытекает из обязанности государства обеспечить его любому лицу, попавшему в сферу уголовной юстиции в качестве обвиняемого. В рамках данного параграфа Л.В. Головки не обходит вниманием и дискредитированный в последние годы сторонниками неолиберальной доктрины принцип материальной истины, в котором заключается ценностная логика континентальной парадигмы уголовного судопроизводства.

Шестой параграф автор посвятил исследованию процессуального обеспечения государством права потерпевшего на доступ к правосудию. Здесь глубоко анализируются пагубные попытки, направленные на разрушение публичной природы уголовно-процессуальной деятельности, способные ослабить государство как политико-правовой институт.

В третьей главе монографии автор рассматривает ответственность государства за уголовное судопроизводство.

Первый параграф посвящен внутренней ответственности государства. И здесь автор раскрывает нюансы классического подхода, в рамках которого должностные лица государства несут политическую ответственность за уголовное судопроизводство перед всеми гражданами, а также нового подхода, исходящего из юридической ответственности государства за качество расследования и рассмотрения уголовных дел (то есть перед участниками уголовного судопроизводства). Исследование этих вопросов с очевидностью показывает отсутствие ответственности государства перед потерпевшим за неэффективность уголовной юстиции. При этом рассмотрены два подхода. Максималистский подход, по мнению автора, исходит из того, что для возникновения юридической ответственности государства за незаконное или необоснованное привлечение к уголовной ответственности необходимо, чтобы хотя бы один из представителей государства, в чьем производстве находится

уголовное дело, не справился с задачей установления истины по делу в какой-либо из стадий уголовно-процессуальной деятельности. Согласно же минималистскому подходу, истину по уголовному делу, как оказалось, неспособна установить уголовно-процессуальная система в целом, а не отдельный ее представитель.

Во втором параграфе, содержащем исследование внешней ответственности государства, Л.В. Головки рассматривает ответственность государства перед ЕСПЧ, участие государства в качестве ответчика в международном коммерческом и инвестиционном арбитраже, иностранном суде, а также ответственность третьих лиц за уголовное судопроизводство государства в иностранных судах.

Третий параграф третьей главы автор посвятил основаниям, пределам и демократической легитимности внешней ответственности государства за уголовное судопроизводство.

В ряду значимых выводов данного раздела монографии интересно утверждение Леонида Витальевича о том, что «за пределами воли самого государства привлечение его к ответственности за уголовное судопроизводство в правовом смысле исключено» и «...может иметь место лишь в качестве сугубо силовых действий, когда какие-либо государства используют свои экономические и иные преференции для подчинения других государств, либо быть юридизированным результатом таких действий».

Подводя итог обзору представленной работы, отметим, что монография Л.В. Головки «Государство и его уголовное судопроизводство» является авангардным научным исследованием актуальных и злободневных проблем уголовного судопроизводства.

Вместе с тем содержание данного труда едва ли будет полезно поверхностному читателю, находящемуся в плену собственных научных позиций или ориентированному на сугубо западные образцы уголовной юстиции. Однако думающие, способные анализировать, во многом сомневающиеся ученые найдут здесь почву для размышлений о глубинных причинах происходящих в настоящее время явлений и процессов.

Содержание сего труда с очевидностью подводит читателя к выводу об острой необходимости возвращения к истокам отечественной процессуалистики, к ориентации на исторически сложившиеся блоки архитектоники нашего уголовного судопроизводства, опирающиеся на идеологию сильного государства, способного защитить своих добропорядочных граждан от преступных проявлений в сфере уголовного судопроизводства.

Написанная на высоком теоретическом и методологическом уровне монография, несомненно, может быть отнесена к научным образцам элитарной юридической литературы. Она представляет безусловный интерес для студентов, аспирантов, преподавателей и практикующих юристов.

Информация об авторах:

Азаров В.А. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Таричко И.Ю. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, (Омск, Россия). E-mail: kafprokrim@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Azarov, Dr. Sci. (Law), professor, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

I.Yu. Tarichko, Cand. Sci. (Law), docent, associate professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kafprokrim@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023;
одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 13.12.2023.*

*The article was submitted 18.05.2023;
approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 13.12.2023.*